

Министерство образования и науки Российской Федерации
Курганский государственный университет

Н.Н. БОЧЕГОВА

ЭТНОС. КУЛЬТУРА. ЯЗЫК.

Монография

Курган 2004

УДК 81:39
Б 86

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор И.В.Арнольд

Доктор филологических наук, профессор В.П.Федорова

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета

Б 86 Н.Н.Бочегова Этнос. Культура. Язык: Монография. - Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2005. - 249 с.

Монография посвящена одной из актуальных проблем современной лингвистики - актуализации этно-культурной специфики в языке социума на материале американского варианта английского языка. В работе анализируются некоторые константы американской культуры "основного потока" и средства их лингвистической репрезентации, а также способы объективации категории национальной идентичности в так называемых "дефисных культурах" США. Закономерности языковой репрезентации особенностей, характеризующих развитие и функционирование культуры США рассматриваются в русле когнитивно-антропоцентрической парадигмы. Представляет интерес для специалистов по этнолингвистике, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и смежным дисциплинам - преподавателей, аспирантов, студентов.

ISBN 5-86328-772-1

© Курганский
государственный
университет, 2005.
© Н.Н.Бочегова, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Язык и культура в свете антропологической лингвистики.....	7
1.1.Этнос - культура - язык: проблемы взаимодействия	7
1.2.Место национально-культурной функции языка в иерархии языковых функций	16
1.3.Культурная пресуппозиция, культурная коннотация и национально-культурный компонент значения языковых единиц.....	20
ВЫВОДЫ	29
Глава 2. Категория национальной идентичности и способы её выражения в языке	30
2.1 Национальная идентичность, ментальность, этос в свете этнопсихологии	30
2.2 Американский национальный характер: ценности и приоритеты	35
2.3 Роль географического фактора в формировании американского менталитета	47
ВЫВОДЫ	50
Глава 3. Некоторые аспекты концептосферы современного английского языка США и их отражение в тексте	51
3.1Понятие "концепт" и "концептосфера" в современной лингвистике ..	51
3.2 Рекуррентные языковые единицы как средство объективации актуальных культурных концептов	61
3.3. Культурно-специфические концепты доминирующей американской культуры	62
3.3.1. Ключевые концепты бытия американской цивилизации	63
3.3.2. Содержание концепта "values" в культуре "основного потока"	96
3.4. Концепт "душа чёрного народа"	99
3.5. Роль концепта "пицца" в выражении феномена мультикультурализма американской цивилизации.....	105
ВЫВОДЫ	127
Глава 4. Национально - культурное своеобразие как универсальная текстовая категория	128
4.1 Герменевтическая и лакунарная парадигмы в лингвокультурном исследовании текста	128
4.2 Категориальный статус национально-культурного своеобразия	131
4.3 Способы объективации национально-культурного своеобразия на различных уровнях структуры художественного текста	136
ВЫВОДЫ	147
Заключение	149
Библиография	150
Источники и принятые сокращения	158

ВВЕДЕНИЕ

Для познания нравов какого ни есть народа старайся прежде изучить его язык.

Пифагор

Национальный человек больше, а не меньше, чем просто человек, в нём есть родовые черты человека вообще и ещё есть черты индивидуально-национальные.

Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма.

Новая научная парадигма в языкознании позволила взглянуть на язык не как на имманентную сущность, а как на средство выражения и формирования *homo sapiens, homo loquens* и *homo ludens* и открыла новые перспективы для изучения эго- и этноцентризма речемыслительной деятельности.

Вопросы этнолингвистических исследований, основы которых были заложены в трудах В.Гумбольдта, Ф.Боаса, Э.Сэпира, Б.Уорфа, В.Волошинова, А.А.Потебни и других, вновь привлекают к себе внимание лингвистов в последние годы. Достаточно назвать работы таких исследователей как А.Вежбицкая, З.Я.Тураева, Н.В.Уфимцева, С.Л.Пшеницин, чтобы убедиться, что этнолингвистические исследования охватывают широкий спектр направлений изучения функционирования языка - от уровня семантики слова до уровня целого текста. По справедливому замечанию Н.Н.Кирилловой, "всякий, кто разделяет точку зрения В. фон Гумбольдта и А.А.Потебни на соотношение языка и мышления - язык есть орган, не выражающий мысль, а формирующий её, - обречён быть этнолингвистом" (Кириллова, 2003, с.5).

Данная работа представляет собой попытку определить лингвистические средства выражения категории этоса, которая определяется в философии и социологии как "квинтэссенция культуры, система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующих поведение её членов" (Садохин, Грушевицкая, 2000).

Современный этап в развитии гуманитарных исследований многие учёные называют "этническим ренессансом" и, действительно, количество наук, начинающих с приставки "этно"- возрастает с каждым днём. В качестве примера можно привести названия следующих новых и возродившихся направлений исследования: этнолингвистика, этнопсихология, этнопедагогика и даже этномузыковедение.

Несомненно правы А.А.Оганов и И.Г.Хангельдиева (Оганов, Хангельдиева, 2001), которые утверждают, что уровень развития национально-культурных исследований напрямую связан с уровнем политических свобод в обществе.

Объектом нашего исследования является американский этос (то, что можно назвать словом "americanness") в некоторых ипостасях его прояв-

---

ления, а **предметом** - лингвистические средства его объективации.

Поскольку все, что определяется словом "американский", достаточно неоднородно и многослойно, мы выбрали несколько сфер для своего исследования и попытались выработать подходы, которые могут явиться универсальными при рассмотрении и других сегментов концептосферы современного английского языка США. В зону нашего внимания вошло рассмотрение определённого набора констант американской культуры "основного потока" ("mainstream American culture") и способов их лингвистического выражения; макроконцепта "душа чёрного народа" и способов объективации национальной идентичности так называемых "дефисных культур" (от англ. "hyphenated cultures") на примере китайско-американской и пуэрториканско - американской культурных моделей.

Новизна данной работы состоит в выборе самого объекта исследования, который ещё не подвергался комплексному лингвистическому изучению, а её **актуальность** обусловлена тем, что она входит в широкую парадигму лингвокультурологических исследований, проводящихся как в нашей стране, так и за рубежом.

Работа выполнена в русле епис-подхода к лингвистическим исследованиям, когда

- изучается только одна культура (в её лингвистической репрезентации) со стремлением её понять;
- используются специфические для данной культуры и языка единицы анализа и термины носителей культуры;
- любые элементы культуры и языка изучаются с точки зрения участника (т.е. изнутри системы).

Говоря более конкретным языком, работа выполнена в русле этногерменевтики и этносемантики.

Часть концептосферы современного английского языка США, выбранная нами для анализа, представляет из себя вербализованные основные концепты бытия или, используя термин О.Н.Корнилова (Корнилов, 2002), "доминанты среды бытования этноса". В неё вошли такие макроконцепты как "work", "land", "farm", "ranch", "west", "cowboy", ряд их гипонимов и некоторые концепты - топонимы. Эти концепты связаны с зарождением американской нации и, наряду с концептами "freedom", "democracy" и "constitution" составляют основу американского этоса.

Очень богатый материал, в плане передачи национально-культурного своеобразия, оказался представлен концептами пищи. Их роль в передаче национально-специфичных образов, символов и культурных сценариев трудно переоценить. Концепты пищи, вербализованные в форме художественных образов и даже гастрономической лексики в речи политиков, передают целую гамму человеческих эмоций - от дружеского отношения и патриотизма до культурных конфликтов.

Как известно, культура каждого народа воплощается в текстах, как вербальных, так и невербальных, поэтому материалом данного исследования явились, прежде всего, художественные тексты современных американских авторов, в которых мы обращали внимание на повторяющиеся, типич-

---

ческие образы, представленные рекуррентными лексемами, и затем проверяли их значимость для американской культуры путём анализа текстов, считающихся американской классикой, фольклорных источников, а их устойчивость в рамках американской ментальности путём анализа современного политического и публицистического дискурса (речи президентов США, известных политиков, комментарии журналистов).

В работе мы также выражаем свое мнение относительно того, каким образом национально-культурная информация входит в состав лексической единицы. На наш взгляд, следует разграничивать понятие национально-культурной специфики и национально-культурной коннотации. Национально-культурная специфика является частью каждой лексической единицы того или иного языка и входит в структуру содержательного ядра его значения. Так, например, слово "ranch", отражающее понятие, уникальное для культуры Северной Америки, будет иметь в структуре своего лексического значения признак "находящийся на Западе США или в Канаде". Слово "farm", употребляющееся в американском английском, не имеет этого признака на уровне словарной дефиниции, но семантический прототип американской фермы совершенно не совпадает с семантическим прототипом того же слова в русском языке или даже в британском английском в связи с разными культурно-историческими условиями, в которых складывался этот тип хозяйствования и, следовательно, тоже обладает национально-культурной спецификой, но на более глубоком семантическом уровне. Понятие национально-культурной коннотации уже понятия национально-культурной специфики, так как коннотация обычно определяется как дополнительное значение (added meaning), связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В таком случае наличие определённой оценочности у той или иной лексической единицы или ореол экзотичности связаны с рецептивным аспектом.

Для американской нации весьма важен вопрос **национальной идентичности**, поэтому отдельная часть данной работы посвящена анализу способов лингвистической объективации категории национальной идентичности в тексте. Проанализировав ряд текстов, денотативная ситуация которых связана с проблемой смешанной идентичности, мы обнаружили, что элементы национально-культурного своеобразия пронизывают все уровни текста - от лексического до идейно-концептуального. Это позволило нам сделать вывод о том, что национально-культурное своеобразие является полистатусной категорией (термин предложен О.Е.Филимоновой), так как национально-специфическая информация закодирована не только в единицах языка, но и в элементах текста.

ГЛАВА 1. ЯЗЫК И КУЛЬТУРА В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Этнос - культура - язык: проблемы взаимодействия

Язык есть исповедь народа:
В нём слышится его природа,
Его душа и быт родной.

Пётр Вяземский

Развитие когнитивной лингвистики поставило в центр внимания исследователей взаимодействие языка и культуры. В соответствии с этим теоретическим подходом структура языка является порождением двух важных факторов: внутреннего (ум индивидуально говорящего) и внешнего (культура, общая с другими говорящими на том же языке).

В языке и речи отражается обиходно-эмпирический, исторический и духовный опыт этноса, который связан с его культурными традициями, "ибо субъект номинации и речевой деятельности - это всегда субъект национальной культуры" (Телия, 1981, 13).

Не случайно в русском языке изначально слово "язык" обозначало и "язык", и "народ" ("И назовёт меня всяк сущий в ней **язык**". - А.С.Пушкин), что само по себе говорит о возможности и необходимости изучать культуру через признаки, объективированные в языке. "В языке одухотворяется весь народ и вся Родина" (К.Д.Ушинский).

Любой язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителя. Самой интересной областью исследования в каждом языке является, на наш взгляд, его национально-культурная семантика, т.е. те языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают от поколения к поколению собственно языковую картину мира. "Язык можно уподобить своеобразной когнитивно-этнической вакцине, а сам процесс усвоения этого языка - когнитивно-этнической иммунизации, через которую непременно проходит каждый новый член этнического сообщества. Важнейшее следствие такой иммунизации состоит в придании языковой личности свойственной данному этносу когнитивной ориентации, в приобщении её к непрерывной культурной традиции соответствующего народа" (Морковкин, Морковкина, 1977, с.47 - 48).

Современная лингвистика вновь обращается к наследию В.фон Гумбольдта, А.А.Потебни, Э.Сепира и Б.Д.Уорфа, пытаясь объединить их идеи и методы. Объединение национального и социального факторов в изучении языковых явлений привело к тому, что вторая половина двадцатого века ознаменовалась появлением новых подходов и методов исследования в гуманитарных науках.

В последнее время интерес лингвистики и лингвистов устойчиво смещается в сторону изучения проблемы соотношения языка и культуры. Язык стали рассматривать как символический ключ к культуре, как путеводитель в социальную действительность, "руководство к пониманию культуры" (Се-

---

пир, 1993, с.262). Соответственно, задачей изучения лингвистики становится проблема взаимодействия языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка как составного элемента культуры.

По мнению исследователей, занимающихся изучением данной проблематики, наиболее актуальным для современного языкознания выступает обращение к таким вопросам, как этнический менталитет, этническая самобытность как объективный, исторически складывающийся культурно-мировоззренческий феномен, учитывающий все нюансы национального мировосприятия и самосознания.

Об актуальности подобных исследований пишет и М.В.Никитин, отмечая, что "различия в национальном видении и понимании мира, общества и человека несомненны. Вскрыть их суть, корни и содержание чрезвычайно важно для благополучия человечества" (Никитин, 2003, с.242). Ключ к их пониманию, по мнению автора, следует искать в совокупной массе свидетельств о мышлении, доставляемых языком - речью - речевой деятельностью в контексте культуры.

Изучение взаимоотношения языка, культуры и текста представляется особенно актуальным направлением исследования, о чем свидетельствует появление многочисленных публикаций по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии и культурной антропологии. К наукам, занимающимся изучением связи языка и культуры, относятся в настоящее время этнолингвистика, этнопсихолингвистика, этногерменевтика и лингвокультурология.

В середине 90-х гг. в Екатеринбурге прошла международная научная конференция "Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики", на которой выступили крупнейшие лингвисты с фундаментальными научными докладами. Проф. Н.В.Черемисина, например, в докладе "Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие" (Черемисина, 1995) поставила на обсуждение проблему многомирия, которая, по ее мнению, важна не только с точки зрения описания языка, а также произведений в других сферах искусства, но и с точки зрения характеристики отдельного коммуникативного акта, а главное - менталитета нации, языковой личности. Основные классификации, изложенные в докладе, развивают концепцию Ю.Н.Караулова относительно трех основных форм языка - в системе, тексте и языковой способности индивида.

Осознание антропоцентричности языка - это глобальная тенденция современной лингвистики, о чём справедливо пишут И.К.Архипов, В.И.Постовалова, Е.В.Падучева, Е.Г.Хомякова и другие лингвисты. По мнению философов, существующий период развития знания соответствует "антропогенному" типу цивилизации, основной сущностью которого является **человек** как индивид и личность. Е.В.Падучева считает, что "значение антропоцентрично, т.е. отражает общие свойства человеческой природы; более того, оно этноцентрично, т.е. ориентировано на данный этнос" (Падучева, 1996, с.6).

Говоря об этносе (от греч. *ethnos* - племя, народ), остановимся на одном из его определений, предложенном основоположником теории этногене-

---

за Л.Н.Гумилевым, который понимает под этносом "коллектив людей, который противопоставляет себя всем другим таким же коллективам, исходя не из сознательного расчета, а из чувства комплиментарности - подсознательного ощущения взаимной симпатии и общности людей, определяющей противопоставление "мы" - "они" и деление на "своих" и "чужих" (Гумилёв, 2002, с.25-26). Таким образом, Л.Н.Гумилёв рассматривает этнос как явление географическое, природное, а не социальное.

Ю.В.Бромлей определяет этнос как исторически сложившуюся на определённой территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями языка, культуры и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (Бромлей, 1983).

Согласно концепции С.А.Арутюнова (Арутюнов, 1989), этносы есть информационные "поля", поля коммуникативных связей. Плотность информации внутри этноса всегда больше, нежели между двумя соседними этносами.

По определению В.А. Масловой, этнос - это "языковая, традиционнокультурная общность людей, связанных общностью представлений о своём происхождении и исторической судьбе, общностью языка, особенностей культуры и психики, самосознанием группового единства. Этническое самосознание - осознание членами этноса своего группового единства и отличия от других аналогичных формирований" (Маслова, 2001, с.10). Любопытным является тот факт, что в настоящее время на Земном шаре существует 3000 - 5000 этносов, населяющих территорию двухсот с лишним современных государств мира.

Для целей данного исследования оптимальным является определение этноса, данное Т.Г.Стефаненко, которого мы и будем придерживаться в дальнейшем, используя этот термин - "этнос - группа людей, осознающих себя её членами на основе любых признаков, воспринимаемых как естественные и устойчивые этнодифференцирующие характеристики" (Стефаненко, 2003, с.29).

Как известно, проблема взаимосвязи языка и культуры имеет давнюю традицию и разрабатывается в нашей стране в различных направлениях. К ним принадлежат, прежде всего, этнолингвистика, представленная в трудах Н.И.Толстого (Толстой, 1995, 1998) и его последователей.

Нам близко определение антропологической (или этно-) лингвистики, данное Н.И.Толстым, в соответствии с которым "этнолингвистика понимается как комплексная дисциплина, предметом изучения которой является "план содержания" культуры, народной психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т.п.)" (Толстой, 2002, с.16). В соответствии с концепцией Н.И.Толстого, объектом "широкой" этнолингвистики становится вся народная культура, все ее виды, жанры и формы - вербальные (лексика и фразеология, паремиология, фольклорные тексты), акциональные (обряды), ментальные (верования).

Как видим, данный автор ставит в фокус своего исследования формы

народного, коллективного творчества, в то время как данная работа преимущественно (но не исключительно) строится на анализах индивидуальных, авторских текстов. Тот факт, что художественный текст представляет собой акт индивидуального, а не коллективного творчества, не лишает его национально-культурного своеобразия. Аналогичная точка зрения выражена и в концепции взаимодействия языка и культуры, предложенной С.Г.Тер-Минасовой: "Язык - зеркало культуры, в нем отражается общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

Язык - сокровищница, кладовая, копилка культуры. Он хранит культурные ценности - в лексике, в грамматике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи" (Тер-Минасова, 2000, с.14). Отношения языка и культуры характеризуются определённой амбивалентностью. Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека, однако в качестве формы существования мышления и, главное, как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой. Если же рассматривать язык с точки зрения его структуры и функционирования, то социокультурный слой оказывается частью языка или фоном его реального бытия.

В трудах Н.И.Толстого отмечается, что этнолингвистика - это направление в языкознании, которое "ориентирует исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимосвязи и разного рода их корреспонденции" (Толстой, 1983, с.182), в то время как в современной этнолингвистике делается акцент на реконструкцию культуры по текстам (Толстой, Толстая, 1993). Недавно возникшая наука лингвокультурология ставит в фокус описание корреспонденции языка и культуры в их синхронном взаимодействии. Она изучает "живые коммуникативные процессы и связь использованных в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом народа" (Телия, 1996, с.217).

Вполне естественно, что в первую очередь в поле зрения учёных-этнолингвистов попадают лексика и фразеология, так как они действительно являются "ключом" к национальной ментальности и аксиологической системе этноса. Тонкий анализ этнопсихологических особенностей лексической системы разных языков представлен в работах А.Вежбицкой (Вежбицкая, 1990, 1996, 2001). Она рассматривает, в частности, семантику таких слов как "судьба", "рок", "жребий", "fate", "destiny" и отмечает, что для русского менталитета слово "судьба" имеет гораздо большее значение, чем соответствующее английское слово "fate" для носителей этого языка. Для русского читателя также будет близка идея некоего фатума, управляющего человеческой жизнью.

А.Д.Шмелёв в своей работе, посвящённой анализу лексического состава русского языка (Шмелёв, 2002), выделил основные лексические сферы, наиболее ярко отражающие особенности русского видения мира. К ним он

отнес, во-первых, слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов (правда - ложь, долг - обязанность, свобода - благо); во-вторых, слова, соответствующие понятиям, существенным и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания (судьба, душа, жалость и т. п.); в-третьих, слова, соответствующие уникальным русским понятиям (тоска, удаль, и др.); в-четвертых, слова, заключающие специфику русского представления о пространстве и времени, в-пятых, "дискурсные" слова, часто выражающие не просто внутреннее состояние говорящего в момент речи, а его более или менее постоянную жизненную установку типа: авось, небось, видно и пр. А.Д.Шмелев отметил проявление особенностей семантики рассматриваемых слов в их языковом поведении - в сочетаемости, сфере употребления и т.д. В заключении работы А.Д.Шмелев на основе совокупности лексико-семантических и коммуникативно-прагматических характеристик рассматриваемых группировок слов сделал вывод о наборе фундаментальных характеристик русского национального характера.

Проблемам этнолингвистического аспекта фразеологии посвящены работы В.Н.Телия (Телия, 1996) и Н.Н.Кирилловой (Кириллова, 2003) соответственно на материале русского и романских языков.

Особый интерес в этом плане представляют сопоставительные психоллингвистические исследования. Так, в результате анализа данных Русского ассоциативного словаря [РАС] и словаря Associative Thesaurus of English [Kiss @ all. 1972] Н.В.Уфимцевой (Уфимцева, 2000) был выделен ряд доминирующих концептов русского и английского сознания.

Для русского сознания это: **дом, жизнь, деньги, лес, день, любовь, работа, вода, радость, дело, смерть, стол, дорога.**

Для английского: **sex, money, work, foot, water, time, life, love, car, house, death, home, bed.**

Типичными действиями для русских являются: *жить, думать, говорить.*
Для англичан: **work, help, drink.**

Продолжая рассуждения о взаимодействии языка, этноса и культуры, следует ещё раз привести слова В.Гумбольдта об их неразрывной связи: "Человек преимущественно - даже и исключительно, поскольку ощущение и действие его зависят от его представлений, - живёт с предметами так, как их преподносит ему язык. Посредством того же самого акта, в силу которого он сплетает язык изнутри себя, он вплетает себя в него; и каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира; до известной степени фактически так дело и обстоит, поскольку каждый язык содержит всю структуру понятий и весь способ представлений определённой части человечества" (Гумбольдт, 1984, с.80). Отсюда следует, что содержание, которое заложено в языковых единицах, отражает не только предметы, явления и отношения внешнего мира, но и их специфическое преломление в "речевых представлениях" говорящих и слушающих. А эти представления весьма часто

существенно отличаются от объективных свойств предметов, явлений и отношений внешнего мира.

Основатель школы "Культура и личность" Ф.Боас (Боас, 1926) рассматривал проблемы культуры в тесной связи с психологической проблематикой. Культура в понимании Ф.Боаса - это совокупность моделей поведения, которые человек усваивает в процессе взросления. Ученый утверждал, что не только наш язык, но и наши эмоции являются результатом общественной жизни и истории народа, к которому мы принадлежим. Очевидно, что жесткое разграничение смежных отраслей знания невозможно. Корни исторической этнологии и культурологического направления в этнопсихологии едины. К ним примыкает и этнолингвистика.

Определению понятия "культура" посвящена обширнейшая литература в различных гуманитарных науках - этнографии, философии, этнолингвистике и др. Следует различать научное и обиходное понимание слова "культура". По словам К.М.Клакхона (Клакхон, 1998), в обиходном языке "культурный человек" - это тот, кто знает иностранные языки, знаком с историей, литературой, философией, искусством. С точки зрения антрополога, "быть человеком значит быть культурным. Существуют отдельные культуры: русская, американская, английская, культура готтентотов и инков... Опыт других людей в форме культуры присутствует едва ли не в каждом событии. Любая отдельная культура формирует нечто вроде плана всей жизнедеятельности человека" (Клакхон, 1998, с.39). Под "культурой" антропология понимает целостный образ жизни людей, социальное наследство, которое индивид получает от своей группы. С другой стороны, культура может рассматриваться как часть окружающего мира, созданная человеком. Прежде чем принять рабочее определение термина "культура", проведем краткий обзор подходов к этому понятию. По классификации А.С.Кармина (Кармин, 1997), существует более десятка определений культуры, каждое из которых помещает в фокус своего видения тот или иной аспект духовной либо материальной деятельности человека. Так, существуют антропологическое, ценностное, семиотическое, символическое, герменевтическое, идеационное, психологическое, дидактическое и др. определения культуры. Для целей нашего исследования наиболее подходящими являются антропологическое и герменевтическое определения культуры. В рамках антропологического подхода, "культура" - это совокупность продуктов человеческой деятельности, мир вещей, противостоящий Природе, искусственно созданный человеком. Для герменевтического подхода характерно отношение к культуре как к множеству текстов, которые интерпретируются и осмысливаются людьми. Однако, и другие подходы к понятию "культура" не исключаются из нашего поля зрения, так как в различных типах текстов можно найти свидетельства разных подходов к отражению материальной и духовной деятельности человека по освоению и осмыслению мира.

Разделяя человеческий опыт на материальный и духовный, следует осознавать тот факт, что эти две стороны тесно связаны между собой, и одно вытекает из другого. "Скромный кухонный горшок в той же степени, что и соната Бетховена, является продуктом культуры" (Клакхон, 1998, с.38).

Духовная деятельность возникает как средство, способствующее совершенствованию практической деятельности по добыче материальных благ. Но с развитием общества она превращается в самостоятельную область деятельности, порождающую такие сферы культуры как искусство, религия, наука (Кармин, 1997). Культура, таким образом, охватывает весь мир человеческой деятельности, мир артефактов. Артефакты, в свою очередь, имеют двойственную природу, так как человек "опредмечивает" в них свои представления, цели, желания. Способность заключать в себе человеческий смысл, нести на себе отпечаток человеческого духа и служить человеку его собственным отражением и составляет "сверхприродное качество" артефактов. Иными словами, человек вносит в своё творение "человечность" и наиболее очевидно это проявляется в речи. Культура, таким образом, - это не просто совокупность продуктов человеческой деятельности; это также мир смыслов, которые человек вкладывает в свои творения и действия. "Мир смыслов - это вторая Вселенная и человек - творец этой Вселенной" (Кармин, 1997, с.28).

По мнению А.Менегетти, "массовая культура, или культура среды, охватывает все прикладные науки и сферы деятельности в жизни общества - медицину, коммерцию, литературу, архитектуру, право, богословие, философию, спорт, музыку, а также все профессии и ремёсла" (Менегетти, 2002, с.10).

М.М.Бахтин считал, что культура лежит на границах, т.е. внутри самой себя она не осознаётся. Лишь при взаимодействии, встрече, диалоге разных культур становятся видимыми и понятными основания и особенности собственной культуры. Взаимное усвоение элементов культуры, с одной стороны, способствует интеграционным процессам, взаимному обогащению, обмену, а с другой, - сопровождается стремлением к закреплению этнической специфики.

Содержание каждой этнической культуры обусловлено конкретными материальными и духовными причинами: первая - это природа (Космос), в которую погружён каждый народ, т.е. среда его обитания; вторая - склад его души (Психея), которая, в свою очередь, находится в тесной зависимости от первой; третья - логика его ума (Логос) (Гачев, 1988).

Само слово "культура" также имеет национально-культурный компонент значения, который будет различным в разных языках. Вот что писал о содержании концепта "культура" Уолт Уитмен:

This word Culture, or what it has come to represent, involves, by contrast, our whole theme, and has been, indeed, the spur, urging us to engagement...[...] I do not so much object to the name, or the word, but I should certainly insist, for the purpose of these States, on a radical change of category, in the distribution of precedence. I should demand a programme of culture, drawn out, not for a single class alone, or for the parlors or lecture-rooms, but with an eye to practical life, the west, the working men, the facts of farms and jack-planes and engineers, and of the broad range of the women also of the middle and working strata, and with reference to the perfect equality of women, and of a grand and powerful motherhood.

(Walt Whitman, Democratic Vistas, 1871)

Здесь слово культура реализует значение, которое называют "культура с маленькой буквы". Этот концепт включает в себя социальные и гендерные признаки, национальный компонент "West", что сближает его с концептом "демократия" в данной трактовке.

В 80-е гг. XXв. академик Д.С.Лихачёв ввёл в контекст современного мышления понятие "гомосфера", обозначающее сферу человека, созданной им культуры, цивилизации, нравственных ценностей, являющихся продуктом культурной деятельности его предков. Отсюда следует, что у каждого народа существует своя этногомосфера - сконцентрированный духовный опыт нации, сохранение и развитие которого - залог плодотворного развития этнической культуры.

Наиболее важный вклад в антропологическую лингвистику был сделан антропологами, которые пытались передать значения речевых структур, полностью чуждых моделям всех европейских языковых систем. Суть этого подхода состоит в осознании того, что каждый язык представляет собой нечто большее, чем простой механизм для обмена идеями и информацией. Каждый язык представляет собой также особый способ мирозидания и интерпретации опыта. В его структуре кроется целый набор неосознаваемых представлений о мире и о жизни в нём. Человек, выросший в той или иной языковой среде, воспринимает последнюю как часть самой природы вещей, всегда остающейся на уровне фоновых явлений. Мыслящий по-другому, с наивной точки зрения, будет восприниматься как неестественный, глупый или лишённый логики. С антропологической точки зрения, на земле существует множество миров - поскольку есть разные языки. Каждый из них представляет собой инструмент, руководящий людьми в их наблюдениях, реакциях, специфических способах самовыражения. К.Клакхон отмечает, что опыт может быть препарирован по-разному, и язык служит основной силой, скрыто управляющей этим процессом: "Вы не можете сказать: ответь мне "да" или "нет"" по-китайски, поскольку в этом языке не существует слов "да" и "нет". Китайский отдаёт предпочтение слову "как?" и неисключительным категориям; европейские языки - слову "что?" и исключительным категориям. В английском существует и реальное, и воображаемое множественное число: "десять человек" и "десять дней"; в языке копи множественное число и количественные числительные могут использоваться только для обозначения вещей, которые можно увидеть в качестве предметной группы" (Клакхон, 1998, с.191). Таких примеров разного структурирования объективной реальности лексическими и грамматическими системами различных языков можно привести великое множество. Концептуальная картина мира может различаться даже в двух тесно связанных друг с другом языках. Приведём пример такого несовпадения концептов, воспользовавшись исследованием М.Мид:

"Американцы стремятся упорядочить объекты в соответствии с единой ценностной шкалой: от лучшего к худшему, от наибольшего к наименьшему, от самого дешёвого к самому дорогому и т.п. Они способны выразить предпочтение относительно очень сложных объектов, пользуясь лишь такой шкалой. Столь понятный американцу вопрос о том, каков его любимый

цвет, будет совершенно бессмысленным для англичанина и вызовет у последнего встречную реплику: "Любимый цвет чего? Цветка? Галстука?" Каждый объект рассматривается в сложности своих качеств, и цвет выступает лишь одним из таких качеств; речь не идёт о цветовой таблице, позволяющей сделать выбор, который может быть применён к большому количеству различных видов объектов. Редукция сложностей к единым шкалам, характерная для американцев, вполне понятна в свете величайшего разнообразия ценностных систем, принесённых в Америку различными группами иммигрантов. Несоразмерные системы нуждались в общем знаменателе; и всеобщее упрощение было неизбежным. В результате, однако, мысль американца ориентирована на одномерную шкалу качеств, в то время как англичане, думая о сложном объекте или событии, и даже сводя его к частям, сохраняют за частью всю сложность целого. Американцы подразделяют шкалу, англичане подразделяют объект" (М.Мид, 1988, с.325).

Нельзя не согласиться с М.М.Клакхоном в утверждении о том, что язык и его изменения не могут быть поняты без сопоставления языкового поведения с другими поведенческими факторами. На разговорном уровне можно сделать множество весьма тонких наблюдений о неосознаваемых национальных традициях и способах миропонимания, внимательно подмечая особые идиомы и обороты речи и сопоставляя их с формами своего собственного языка. То, что русский говорит американцу, - рассуждает далее автор, - может остаться лишь смесью слов - подчас искажённых и непонятных, пока американец не будет обладать определёнными знаниями о России и русской жизни; знаниями, существенно выходящими за рамки той собственно лингвистической подготовки, которая необходима для формально правильного перевода. Американец должен и на деле получить некоторое представление о чужом мире ценностей и значений, отражающихся в акцентах словарного состава русского языка, кристаллизованных в русской грамматике, скрытых в незначительных отличиях значения русских слов.

В рамках подхода антропологической лингвистики любой язык есть нечто большее, чем инструмент для выражения идей, чем даже приспособление для воздействия на чужие чувства и для самовыражения. Каждый язык есть также средство для категоризации опыта. События "реального" мира никогда не воспринимаются или описываются механически. Любая реакция подразумевает процедуры отбора и интерпретации. Некоторые черты внешней ситуации выносятся на передний план, другие игнорируются или отражаются конспективно.

К.Клакхон отмечает, что любой народ обладает собственными классами, в соответствии с которыми человек структурирует свой опыт. Первоначально эти классы создаются языком - посредством типологии предметов, процессов или качеств, особо акцентируемых словарным составом, а также, хотя и более опосредованно, благодаря типам дифференциации или деятельности, различаемым грамматическими формами. "Язык, если можно так выразиться, говорит: "замечай это", "всегда рассматривай эти вещи по отдельности", "такие-то и такие-то вещи должны быть вместе". Поскольку

ку люди привыкают к определённым типам реакций с детства, они принимают такую избирательность как часть неизбежного миропорядка" (Клакхон, 1997, с.197).

О том, что среда нашего обитания в значительной мере вербальна, писал Эдвард Сепир: "Язык полностью обуславливает прямой опыт. Для большинства людей любой опыт, реальный или потенциальный, пропитан вербализацией. Возможно, это объясняет то, почему так много любителей природы не чувствуют, что они действительно находятся с ней в контакте, пока они не узнают названия великого множества цветов и деревьев, как будто реальный мир вербален изначально, и никто не может приблизиться к природе, не зная терминов, которые каким-то магическим образом выражают её. Это постоянное взаимодействие между языком и сферой опыта выводит язык из ряда таких чистых и простых символических систем, пребывающих в застывшем состоянии, как наборы математических символов и сигналы флажками" (Сепир, 1993, с.117).

Интересное замечание о влиянии языка на образ мыслей и на культурные сценарии, которыми пользуются его носители, содержится в романе Дж.Барнса "Метроленд":

"Несколько лет спустя я прочел об одном эксперименте, который провели в Калифорнии с женщинами-японками, женами американских солдат. Они одинаково свободно общались и на японском, и на английском: на японском - между собой и в магазинах, на английском - дома в семье. Среди них провели два опроса - сначала на японском, а потом на английском. Вопросы касались их жизни и были совершенно одинаковыми на обоих языках. В результате обнаружилась такая любопытная вещь: послушные, скромные и домашние, готовые подчиняться строгим социальным установкам на японском, на английском те же женщины показали себя гораздо более независимыми, откровенными и открытыми личностями (Барнс, 2001, с.177).

Сходные мысли высказывает и Олдос Хаксли в работе "Двери восприятия": "Каждый индивидуум одновременно является иждивенцем и жертвой лингвистической традиции, в которой родился - иждивенцем, поскольку язык даёт ему допуск к собранию записей о переживаниях и опыте других людей, а жертвой, поскольку язык укрепляет его веру в то, что редуцированное знание является единственным знанием, и сбивает с толку его чувство реальности, так что он чересчур склонен принимать понятия за данность, а слова - за действительные вещи" (О.Хаксли, 1999).

1.2. Основные функции языка. Место национально-культурной функции в иерархии языковых функций

Существуют разные точки зрения на существование и на количество функций языка. По определению "Энциклопедического лингвистического словаря" двумя главнейшими, базовыми функциями языка являются: коммуникативная - быть "важнейшим средством человеческого общения" и когнитив-

---

ная (познавательная, гносеологическая, иногда называемая экспрессивной, т.е. выражения деятельности сознания) - быть "непосредственной деятельностью мысли" (К.Маркс). К ним также в качестве базовых добавляются эмоциональную и метаязыковую функции языка. С базовыми, как первичными, соотносятся частные, как производные, функции языка. К коммуникативной функции относятся контактоустанавливающая, конативная, волюнтативная и **функция хранения и передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа** и некоторые другие.

С эмоциональной функцией связана модальная функция и соотносимо выражение творческих потенциалов, которое в разных научных областях объединено с когнитивной функцией, но наиболее полно реализуется в художественной литературе.

Немецкий психолог К.Бюлер (Бюлер, 2001) выделил в свете семиологического принципа три функции языка, как проявляющиеся в любом акте речи: функцию выражения, функцию обращения и функцию сообщения, соотносимую с предметом, о котором идёт речь. Вопрос о количестве и характере функций языка многократно обсуждался, и были отделены функции языка и функции единиц языка.

В.А.Аврорин в числе функций языка назвал четыре: коммуникативную, экспрессивную, конструирующую (формирования мыслей) и аккумулятивную (накопления общественного опыта и знаний), а в числе функций речи - шесть: номинативную, эмотивно-волюнтативную, сигнальную, поэтическую, магическую и **этническую**.

Ю.С.Степанов (Степанов, 1973) на основе семантического принципа вывел три основные функции языка: номинативную, семантическую и прагматическую как универсальные свойства языка, соответствующие трём аспектам общей семиотики: семантике - номинация, синтактике - предикация и прагматике - локация. Номинация - именные и глагольные классы слов, предикация - элементарные синтаксические контактные словосочетания, локация - дейксис ситуации общения ("я - здесь - сейчас"), а вторичный аппарат образуется на основе транспозиции знаков. Эти функции языка, согласно данной теории, лежат в основе всех возможностей использования языка как средства общения, познания и воздействия.

Очень интересную классификацию языковых функций, основанную не на характеристиках отдельного речевого акта, а на знаковом, социальном и антропоцентрическом характере языка предлагает в своей работе А.Соломоник (Соломоник, 1992). По его классификации язык имеет:

а) коммуникативную функцию языка, направленную на обслуживание коммуникации между людьми;

б) функцию развития человеческого рода, которая заключается в том, что человечество развивается в своём взаимодействии с природой, главным образом, при помощи знаковых систем и, прежде всего, языка. Homo sapiens отличается от всех других живых существ тем, что он изобрёл знаковые системы и постоянно их совершенствует;

в) функция развития личности в онтогенезе означает, что специфические человеческие качества приобретаются человеком благодаря овладе-

---

нию языком, а задержка в овладении языком на какой-то стадии развития может обернуться непоправимой трагедией;

г) социализация с помощью языка. Существо этой функции состоит в том, что каждое наше высказывание сопровождается открытым или имплицитно выраженным заявлением о нашем социальном статусе и о наших отношениях с окружающими. Причём, - замечает автор, - функция языка в становлении и утверждении социальных связей выражается не только в грамматических формах повелительного наклонения или иных языковых формах, а во всём: в высказывании нашего мнения, в формах обращения, в оформлении высказывания в целом, наконец, в паузах, жестах и других паралингвистических сопровождающих речи;

д) функция организации понятийных структур (или когнитивная - Н.Б.);

е) металингвистическая функция, которая состоит в том, что по отношению ко всем знаковым системам язык является орудием объяснения и организации;

ж) функция создания иллюзий, суть которой состоит в том, что благодаря относительной независимости языка в системе "человек - реальность - знаковая система", язык может создать иллюзорную действительность, подменяя ею реальный мир.

В определении прагматического подхода к языку внесли большой вклад учёные-антропологи. Для этого подхода характерно отношение к языку как к инструменту действия. Подчёркивается тесная связь значения слова с конкретной ситуацией, в которой это слово или фраза произносится. "Мы используем слова для достижения своих целей в общении с другими людьми. Посредством слов мы создаём собственный портрет и описываем свои мотивы. Мы подлизываемся, пресмыкаемся, протестуем, приглашаем и угрожаем. Даже интеллектual из интеллектualов использует только небольшую часть своих речевых способностей, когда ему нужно выразить и передать мысли, которые отделены от чувств и действий. Основная социальная функция речи состоит в том, что она помогает людям эффективно взаимодействовать и ослабить социальное напряжение. Очень часто сказанное значит гораздо меньше, чем сам факт того, что вообще что-то сказано" (Клакхон, 1998, с.177).

Рассматривая речевую деятельность как единство общения и обобщения, А.А.Леонтьев (Леонтьев, 1969) отделил функции языка, проявляющиеся в любой ситуации общения, от функций речи как факультативных, возникающих в особых ситуациях. В сфере общения к функциям языка отнесена коммуникативная, а в сфере обобщения - функция орудия мышления; функция существования общественно-исторического опыта и национально-культурная функция; все они могут дублироваться неязыковыми средствами (мнемонические средства, орудия счёта, планы, карты, схемы и т.п.). К функциям речи отнесены: магическая (табу, эвфемизмы), диакритическая (компрессия речи, телеграммы), экспрессивная, эстетическая и некоторые другие.

А.А.Леонтьев, анализируя характер этих функций, предлагает разграничить их и говорить соответственно о функциях языка и функциях речи. Под функциями языка понимаются лишь те функциональные характеристики

речевой деятельности, которые проявляются в любой речевой ситуации.

В сфере общения такой функцией является коммуникативная. Коммуникативная функция языка - основная функция знаковых систем. По А.Леонтьеву, эта функция является функцией регуляции поведения. Эта регуляция может быть непосредственной и опосредованной, а реакция на неё - моментальной или задержанной. В речевой деятельности эта функция может выступать как индивидуально-регулятивная, коллективно-регулятивная и саморегулятивная - при планировании собственного поведения.

Мыслительная функция тончайшим образом связана с коммуникативной. Эти две функции языка обуславливают друг друга, т.к. говорить - значит выражать свои мысли, но, с другой стороны, сами эти мысли формируются у нас в голове с помощью языка.

Вторая функция языка в рамках данного подхода - это функция овладения общественно-историческим опытом человечества. Язык является основной формой, в которой знания, накопленные человечеством, доходят до отдельного человека. По образному выражению А.А.Леонтьева, "язык необходимо "снять с полки", чтобы "достать" продукты человеческого мышления, лежащие на этой полке во втором ряду" (Леонтьев, 1969, с.34). Анализируя данную функцию языка, А.А.Леонтьев подчёркивает амбивалентный характер роли языка в познавательных процессах: мир для человека действительно "расчленяется" языком; но в то же время язык отражает в себе общественную практику человечества.

Третья функция языка - национально-культурная. Вслед за А.Ф.Тепловым, который предложил выделять эту функцию как самостоятельную в одной из своих неопубликованных работ, А.А. Леонтьев считает необходимым выделение этой функции в самостоятельную в силу того, что наряду с общими элементами общественно-исторического опыта в каждом языке есть элементы, присущие той или иной национальной культуре. Таким образом, язык отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия и т.д., отработанные историческим опытом данного народа, обязанные своим существованием специфическим условиям трудовой, общественной, культурной жизни этого народа. Национально-культурная функция языка, по мнению многих исследователей, отражается и в нём самом. Специфика осмысления даже одного и того же понятия или явления данным народом в значительной степени оказывается отражённой в особенностях наименования, в специфике семантических изменений, в характере "расчленения" действительности языком. Известный процент слов любого языка несёт на себе печать такого специфического осмысления в виде внутренней формы: подснежник - растение, растущее под снегом и т. д. В этом смысле язык не только служит орудием мышления и формой существования общественно-исторического опыта, но и в известном смысле закрепляет в себе результаты мышления и познания. А.А.Леонтьев, чьи взгляды на сущность национально-культурной функции языка мы здесь изложили, тем не менее, не отождествляет способ закрепления в языке с его национальной спецификой и высказывается против его переноса на характер мышления на данном языке (согласно гипотезе Э.Сепира - Б.Уорфа).

Вышеперечисленные функции языка представляют собой далеко не полный список выделяемых лингвистами функций. В частности, вслед за Леонтьевым А. А. и другими мы полагаем, что язык отражает и закрепляет реалии, абстрактные понятия и т.д., отработанные историческим опытом данного народа, обязанные своим существованием специфическим условиям трудовой, общественной, культурной жизни этого народа. В этом смысле можно выделить ещё одну функцию языка - национально-культурную, или этническую.

Таким образом, проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры нашла своё отражение и при определении количества функций языка. Среди их большого числа нам кажется правомерным выделение и национально-культурной функции, благодаря которой происходит формирование национального самосознания и в которой находят своё отражение особенности осмысления понятий тем или иным этносом.

1.3. Культурная пресуппозиция, культурная коннотация и национально- культурный компонент значения языковых единиц

Обратимся вначале к лексическому уровню и попытаемся определить, каким образом национально-культурная информация закодирована и отражена в слове. По мнению исследователей, специфичность лексики обусловлена, с одной стороны, различиями объективных реальностей мира, данного конкретному этносу в непосредственных ощущениях, а с другой стороны, особенностями самого коллективного сознания, которые проявляются в неодинаковости логических операций над одними и теми же реалиями внешнего мира, в неодинаковости работы механизмов не только логико-понятийного компонента сознания, но и эмоционально-оценочного и других компонентов обыденного сознания (Корнилов, 2003).

Повторяющиеся фразеологические обороты, словесные стереотипы разных культур и эпох могут объяснить многое. Они инкапсулируют в себе основные силовые линии и акценты общества, главнейшие культурные интересы, характерные определения ситуации, первичные мотивации.

"Если вы божитесь по-английски, ваши слова не будут иметь действия на американскую аудиторию - пишет К.Клакхон - и наоборот. Навахо приветствуют друг друга словами "всё хорошо", японцы - "почтительная своевременность", американцы - "как дела?" или "как поживаете?". Каждая эпоха обладает собственными шаблонными выражениями (Клакхон, *op. cit.*).

О функционировании национально-специфических концептов на уровне бессознательного писал в своё время Карл Беккер, не пользуясь данной терминологией:

"Если бы мы заглянули в ту маленькую заднюю дверь, что служит для всех поколений тайным ходом к знанию, нам стоило бы озаботиться поиском незаметных слов с неопределёнными значениями, которым люди позволяют соскальзывать с языка, или с кончика пера, без страха и сомне-

---

ний; слов, которые потеряли своё метафорическое значение благодаря постоянным повторениям и бессознательно воспринимаются в качестве объективной реальности... Для всех поколений эти волшебные слова имеют свои входы и выходы" (Цит. по: Клакхон, 1998).

В публицистическом произведении Б. Брайсона "Заметки с маленького острова" приводится пример таких культурно-коннотированных слов на материале английского языка:

"I wonder if other people notice how much comparative pleasure there is in drinking in a pub called **The Eagle and Child** or **Lamb and Flag** rather than, say, Joe's Bar. Personally, I find endless satisfaction in it. I love to listen to the football results and the lulling rollcall of team names - **Sheffield Wednesday, West Bromwich Albion, Patrick Thistle, Queen of the South**; what glory there is in those names - and I find strange comfort in the exotic and mystifying litany of the shipping forecasts. I have no idea what they mean - '**Viking rising five, backing four; Dogger blowing strong, steady as she goes; Minches gale force twelve, jeez Louise**' - but they exert a powerful soothing effect on me. I genuinely believe that one of the reasons Britain is such a steady and gracious place is the calming influence of the football results and shipping forecasts".

Слова, приведённые в этом отрывке, оказывают воздействие на автора именно в силу своего коннотативного потенциала.

И далее:

"There is almost no area of British life that isn't touched with a kind of genius for names. Just look at the names of the prisons. You could sit me down with a limitless supply of blank paper and a pen and command me to come up with a more cherishably ridiculous name for a prison and in a lifetime I couldn't improve on **Wormwood Scrubs** or **Strangeways**. Even the common names of wildflowers - **stitchwort, lady's bedstraw, blue fleabane, feverfew** - have an inescapable enchantment about them.

But nowhere, of course, are the British more gifted than with place names. There are some 30,000 place names in Britain, a good half of them, I would guess, notable or arresting in some way. There are villages without number whose very names summon forth an image of lazy summer afternoons and butterflies darting in meadows: **Winterbourne Abbas, Weston Lullingfields, Theddlethorpe All Saints, Little Missenden**. There are villages that seem to hide some ancient and possibly dark secret: **Husbands Bosworth, Rime Intrinseca, Whiteladies Aston**. There are villages that sound like toilet cleansers (**Potto, Sanahole, Durno**) and villages that sound like skin complaints (**Scableuch, Whiterashes, Scurlage, Sockburn**). In a brief trawl through any gazetteer you can find fertilizers (**Hastigrow**), shoe deodorizers (**Powfoot**), breath fresheners (**Minto**), dog food (**Whelpo**) and even a Scottish spot remover (**Sootywells**). You can find villages that have an attitude problem (**Seething, Mockbeggar, Wrangle**) and villages of strange phenomena (**Meathop, Wigtwizzle, Blubberhouses**). And there are villages almost without number that are just endearingly inane - **Prittlewell, Little Rollright, Chew Magna, Titsey, Woodstock Slop, Lickey End, Stragglethrope, Yonder Bognie, Nether Wallop** and the unbeatable **Thornton - le - Beans**. (Bury me there!) You have only to cast

---

a glance across a map or lose yourself in an index to see that you are in a place of infinite possibility" (B.B. - 181).

Автор этих строк - американец, осваивающий британскую культуру. Выделенные лексические единицы вызывают у него ощущение экзотичности, благодаря актуализации в данной ситуации национально-культурной коннотации.

Как отмечает Н.Бонвиллейн в работе "Язык, культура и коммуникация" (Bonvillain, 1993), современная этнолингвистика разделяется на два основных направления. Одно направление - это исследование лексических таксономий и культурной категоризации, ставящее вопросы о возможной универсальности лингвистических и когнитивных процессов. Другое направление занимается изучением путей кодирования культурных ценностей и значений в словах и выражениях. Она отмечает, что говорящие затем оперируют этими лингвистическими формами для передачи информации, которая выходит за рамки чисто денотативной референции слов, а именно эмоциональной, прагматической и символической. Н.Бонвиллейн называет это культурной пресуппозицией. Рассмотрим данное понятие более подробно. Лексическая система языка - это не просто набор произвольно выбранных ярлыков, относящихся к объектам, сущностям или событиям. Слова также несут в себе различные виды культурного значения, которые что-то добавляют или изменяют в денотативных смыслах.

Понятие культурной пресуппозиции описывает ту ситуацию, когда участники речевого взаимодействия имеют дело с совокупностью понятий и установок своей культуры, закодированной и передаваемой через язык. Важность этой разделяемой представителями одной культуры информации достаточно очевидна. Например, если говорящий в США упоминает чемпионат мира (World Series), он предполагает, что слушатели понимают, что речь идет о бейсболе, что команды соревнуются в течение всего сезона, и что победители чемпионата Лиги будут бороться за звание чемпиона. Успех коммуникативного акта зависит от того, насколько точно говорящий оценивает знания слушающего.

Культурные пресуппозиции накапливаются людьми в течение всей жизни через жизненный опыт и процесс освоения культуры (аккультурацию).

По утверждению Н.Бонвиллейн, другие виды культурной пресуппозиции более сложны и их интеграция в значение слов представляется более тонкой. Так, к примеру, по результатам исследований Р.Янга, английский язык и язык Навахо выражают различные понятия, предполагающие права людей и других одушевленных существ на индивидуальную автономию по-разному. В английском языке много слов, обозначающих различные виды волевого воздействия (force, oblige, make, compel, order, command, constrain, must, have to, ought to). Язык индейцев Навахо, который распространен в Новой Мексике и Аризоне, напротив, не содержит глаголов этого типа. Например, английское предложение "I make the horse run" переводится на Навахо как "This horse is running for me" (лошадь бежит для меня). Предложение на языке Навахо подразумевает действие лошади, которое по сути своей добровольно. В нем нет важного оттенка "принуждающей властнос-

---

ти" (цит. по: Бонвиллейн, 1993: 70).

Слова также могут использоваться для передачи культурно-обусловленного символического значения. Такое использование слов основано на контекстуальных ассоциациях языка с культурными ценностями и ориентациями. К примеру, описание группы людей словом "террористы" выражает очень негативную их оценку. Сила языка состоит не только в том, что смыслы, добавляемые к словам, выражают отношение говорящих, но также в том, что слова используются для создания соответствующего отношения у слушающих. Назвать кого-либо "террористом" является частично попыткой повлиять на мнение слушателей об этом человеке, так как "терроризм" - это явление социальное осуждаемое. Напротив, описание кого-либо как "борца за свободу" является попыткой вызвать положительную реакцию.

Из-за неявно выраженного символического аспекта языка трудно охватить полный спектр значений, выражаемых говорящими другой культуры. Чтобы заглянуть в видение мира или систему ценностей какого-либо народа, необходимо определить культурную символику, заложенную в его лексике. Это является одной из причин, почему перевод с одного языка на другой никогда не бывает полностью адекватным.

К.Клакхон замечает по этому поводу, что проблема семантики практически неразрешима, поскольку, как сказал Джон Локк, "показать различные значения и недостатки слов так трудно, когда у нас нет для этого ничего, кроме тех же самых слов". Это одна из причин, продолжает автор, по которой столь необходим кросс-культурный подход. "Любой, кто боролся с трудностями перевода, вынужден признать, что язык не сводится к словарному составу. Итальянская поговорка "traduttore, traditore" (переводчик - это предатель) слишком верна. Однажды я спросил у японца, хорошо знавшего английский, как бы он перевёл со своего языка выражение из японской конституции, воспроизводящее наше: "Жизнь, свобода и поиски счастья". Он перевёл: "Разрешение предаваться похоти"" (Клакхон, 1998).

Та же самая мысль содержится в ироническом замечании Клакхона о том, что англичане и американцы все ещё пребывают в уверенности, что говорят на одном и том же языке. С некоторыми оговорками, отмечает далее автор, это остается правдой, пока речь идёт о точных значениях, хотя в американском существуют понятия, не имеющие точных английских эквивалентов. Однако коннотации зачастую существенно разнятся, и это приводит к тем большему непониманию, поскольку оба языка всё ещё называются "английским" (одними и теми же словами называются разные вещи). Иллюстрация этого явления приводится со ссылкой на исследование М. Мид:

"... В Англии слово "компромисс" - хорошее слово, и о компромиссном соглашении можно говорить с одобрением, включая те случаи, когда противной стороне досталось более половины оспариваемого. В США, с другой стороны, меньшая часть означает определённое положение той или иной стороны, и поэтому говорят: "президент против конгресса" или "конгресс против президента"; "правительство штата против федерального" или "федеральное правительство против штата". Это соотносится с американской доктриной контроля и равновесия, но одновременно лишает слово

"компромисс" того этического ореола, который оно имеет в Англии. Если для англичанина "пойти на компромисс" значит выработать приемлемое решение, то для американца, это - выработать плохое решение, при котором для обеих сторон будет потеряно что-то важное. Поэтому в отношениях между США и Англией, которые, когда речь шла о суверенитете, по сути дела были компромиссами, англичане всегда могли говорить о результатах с одобрением и гордостью, в то время как американцам приходилось подчёркивать свои потери" (Мид, 1988, с.250).

Исходя из данного примера можно считать справедливым замечание Клакхона о том, что слова, столь легко срывающиеся с наших уст, не являясь совершенно надёжными заместителями фактов физического мира. Мышление также не сводится к проблеме выбора слов для выражения мыслей. Выбранное слово настолько же отражает социальную ситуацию, насколько и предметную реальность. Приведём ещё один пример из работы Клакхона, иллюстрирующий это утверждение: "Два человека заходят в бар в Нью-Йорке, и с них просят завышенную цену за рюмку плохого спиртного. Они скажут: "Это жульническое заведение". Но если дело происходит в Париже, их слова будут другими: "Все французы - компания надувателей" (Клакхон, 1998, с.118).

Так, В.Н.Телия вводит понятие культурной коннотации как способа выражения национальной общечеловеческой культуры в современном состоянии или на определенном синхронном срезе (Телия, 1996). О.И.Быкова использует понятие этноконнотации как особого комплексного типа коннотации при анализе ключевых слов столетия, зафиксированных специальными словарями. Этноконнотированные "ключевые слова столетия" рассматриваются ею как отражение специфики немецкого национального сознания. В основе механизма возникновения этноконнотации автор видит "ассоциативное переосмысление денотативного аспекта лексических единиц, его интерпретацию в соответствии с представлениями, общими для немецкой лингвокультурной общности". На основе анализа смыслов немецких "ключевых слов столетия" в динамике их семантической истории автор приходит к выводу, что этноконнотация является компонентом национального языкового сознания, отражающим коллективные образные представления, систему типичных социально значимых явлений того или иного этноса. По мнению О.И.Быковой, причинами возникновения этноконнотации могут быть: ассоциативное переосмысление денотативного значения лексемы; исторически обусловленные изменения категорий культуры, в которых кодируется культурно значимая экстралингвистическая информация.

По мнению В.Н.Телия, "культурная коннотация - это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категории культуры" (Телия, 1996: 214). Автор считает, что если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отражения и средства, соотносённые с ней, т.е. служить своего рода "звеном", соединяющим в единую цепь "тело знака" - с одной стороны, а с другой - концепты,

---

стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки национальной и - шире - общечеловеческой культуры, освоенной народом - носителем языка. Применительно к фразеологии в качестве такого средства автор выдвигает образное основание, а в качестве способа указания на эту специфику предлагается интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном "пространстве" данного языкового сообщества. По мнению В.Н.Телия, такого рода интерпретация и составляет содержание культурно-национальной коннотации. Давая определение лингвокультурологии, автор вновь обращается к этому феномену: "Понятие культурной коннотации является, с нашей точки зрения, базовым для лингвокультурологии - научной дисциплины, исследующей воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющиеся в языковых процессах в их действенной преемственности с языком и культурой этноса" (Телия, 1996, с.216).

Говоря о единицах лексического уровня, можно утверждать, что все они обладают национально-культурным компонентом либо на уровне денотативного значения, а более точно, - в структуре интенционала значения слова, либо на уровне импликационала лексического значения, реализуемого в контексте.

Уникальность вербального отражения мира предопределяется как особенностями национального склада мышления, так и объективными и очевидными различиями первых двух составляющих - природной среды и материальной культуры. О.А.Корнилов предлагает выделять три качественно отличные друг от друга группы слов, порождённых реалиями того фрагмента пространственно-временного континуума (ПВК), в котором сформировалось языковое сознание того или иного этноса. Автор называет их словами типа А1, типа А2 и типа Б и комментирует следующим образом: среда обитания этноса, как фрагмент ПВК, данный этносу в непосредственных ощущениях, представляет из себя совокупность сенсбилий (термин Б. Рассела), т.е. базовых единиц ментально-лингвального комплекса человека. Среда обитания, отражённая в сенсбилиях, подразделяется на ПРИРОДУ и МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ народа. Национально-специфическая лексика **типа А** обозначает специфические реалии бытования народа. Она, в свою очередь, подразделяется на обозначения специфических концептов, отсутствующих в других языках (А1) и обозначения неспецифических концептов с разными прототипами (А2). Лексика **типа Б** служит для выражения национального характера и национальной ментальности. Факты языка здесь представлены национально-специфической лексикой, обозначающей абстрактные понятия (Корнилов, 2003, с.148).

Автор отмечает, что национально-специфическая лексика типа А в определённом смысле легче для освоения представителями других культур, поскольку её специфика вытекает непосредственно из экстралингвистических факторов, которые "лежат на поверхности". Они оказываются очевидными для тех, кто возьмёт на себя труд ознакомиться с планом содержания такой лексики, т.е. с самими референтами, составляющими в своей совокупности всю материальную среду конкретной национальной культуры.

ры, включающую как природную компоненту, так и рукотворную. В этом смысле доступ к знанию национально-специфической лексики такого плана лежит на поверхности. Чтобы освоить эту лексику, необходимо знать природно-климатические условия, в которых живёт народ - носитель данного языка, иметь чёткое представление о его быте, традициях, обычаях и т. п. Лексика **типа А** - это обозначения национально-специфических **РЕАЛИЙ БЫТОВАНИЯ народа**. К словам типа А1 автор относит обозначения национально-специфических концептов, которые в других языках не имеют эквивалентов ни на уровне лексических коррелятов, ни на уровне прототипов. Так, к примеру, русские слова валенки, лапти, блины, щи и т.п. нельзя перевести на другой язык, и они не могут быть представлены носителями других языков, поскольку в их образной системе кодирования знаний о мире нет соответствующих прототипов, нет идеальных образов этих концептов, так как в их материальном мире отсутствуют сами именуемые объекты. Автор далее иллюстрирует свои рассуждения по поводу лексики типа А1 примерами из испанского языка. Так, к примеру, попав в Южную Америку и услышав слова *guayavega*, *charango*, *sampona*, неиспаноязычный человек может либо так и не узнать, что они значат, либо удовольствоваться самым общим знанием о том, что первое - это что-то из одежды, а второе и третье - музыкальные инструменты, либо узнать реалии, посмотреть, что они собой представляют, как звучат, из чего делаются, как и когда используются, и запомнить эти названия, соединив их в своём сознании с их образами-прототипами. По мнению того же автора, слова типа А2 отличаются от слов типа А1 тем, что их узнавание может быть определено не в терминах глубины и полноты знания, а в терминах псевдознания и истинного знания. Истинное знание иностранного слова, по мнению О.А.Корнилова, возможно только тогда, когда, знакомясь с этим новым словом, человек исходит из презумпции незнания. Если таковой презумпции нет, утверждает автор, то интеллектуальное усилие неизбежно наталкивается на "ложных друзей", т.е. лексические эквиваленты родного языка. Основной аргумент О.Н.Корнилова в данном рассуждении, с которым нельзя не согласиться, состоит в том, что **концептуальные универсалии могут иметь совершенно различные прототипы**, т.е. в каждом языке (а следовательно, в коллективном языковом сознании) в соответствие универсальному концепту приводится свой собственный национально-специфический образ этого концепта, о чём носители других языков могут даже и не подозревать. Таким образом, возникает определённая диспропорция: примерная эквивалентность на уровне концептов и возможная абсолютная неэквивалентность на уровне образов-прототипов. Получается, что люди говорят как бы об одном и том же, но представляют себе при этом объекты, весьма отличные друг от друга. Ссылаясь на работу А.Вежицкой, автор приводит в качестве примеров подобного явления слова земля и трава. Человек, живя в определённой материальной среде, часто упускает из виду (а иногда и просто не знает), что "пейзаж везде выглядит по-разному. Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, жёлтая или чёрная), и даже зелень травы зависит

от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зелёная)" (Вежбицкая, 1966, с.233-234). О.Н.Корнилов, развивая эту мысль, отмечает, что прототипический образ земли в русском языке имеет признак наличия в ней влаги, сырости (мать - сыра земля, лежать в сырой земле и т.п.), что, видимо, не характерно для прототипической земли в языках народов, населяющих засушливые районы Африки. В тех случаях - делает вывод автор - когда специфичность материальной среды не эксплицируется вербально, а камуфлируется концептуальными универсалиями, можно говорить, что мы имеем дело с лексикой типа А2. Следуя логике своего рассуждения, О. Н. Корнилов далее отмечает, что у универсальных концептов могут быть не только отличающиеся прототипические образы, но и совершенно разные коннотации и приводит в пример слово "лес" в его восприятии жителями одного из таёжных районов России с отрицательной оценочной коннотацией.

Полемизируя далее с А.Вежбицкой по поводу универсальных семантических прототипов, автор пишет, что "как китайская чашка не должна иметь ни блюдца, ни ручки и не должна соответствовать прототипу, существующему в сознании англоязычных (или любых других) лингвистов..., так и любой другой предмет самобытной материальной культуры любого народа НЕ ДОЛЖЕН соответствовать какому-либо общему для всех культур прототипу" (Корнилов, 2003, с.160). Таких универсальных прототипов, отмечает далее автор, попросту нет и не может быть, если речь идёт о действительно самобытных материальных культурах. Нельзя не согласиться с приведённым далее утверждением о том, что в этих случаях как раз и нужно говорить о национально-специфических прототипах, существующих лишь в сознании и воображении представителей данной культуры и неведомых представителям других культур, не посчитавшим нужным ознакомиться с самими именуемыми реалиями. Мы присоединяемся к утверждению О.Н.Корнилова о том, **что знание национально-специфических прототипов, общих для большинства социума, объединённого общим языковым сознанием.** Равно как и о том, что проникновение в иноязычную картину мира невозможно без знания национально-специфических прототипов общих понятий, т.е. без адекватного знания слов типа А2.

Слова типа **Б** являются национально-специфическими логогенами, имеющими абстрактное значение. Термин "логоген" был предложен А.Пейвио в рамках концепции двух форм кодирования знаний о мире, согласно которой вербальные и образные знания представляют собой две разные (но взаимосвязанные) символические системы. "...Единицами репрезентации образной подсистемы являются имагены, обозначающие перцептивный аналог внешних явлений, т. е. образ, характеризующийся иконической природой и недискретностью. В свою очередь, единицами репрезентации вербальной подсистемы являются логогены" (Панкрац 1992, с.83). Национальная специфика семантики этих слов, считает О.Н.Корнилов, имеет вполне материалистическое обоснование и может быть объяснена конкретны-

---

ми факторами материальной среды бытования этноса, которые формируют национальную ментальность. Национальное сознание, сформированное под воздействием этих факторов, в свою очередь, порождает абстрактную лексику, не имеющую адекватных коррелятов в других языках. Природные условия, оказавшие наибольшее влияние на формирование национальной ментальности, будем вслед за О.Н.Корниловым называть ДОМИНАНТАМИ СРЕДЫ БЫТОВАНИЯ ЭТНОСА. Естественно, что эти доминанты различны у разных народов. В качестве примеров лексики этого типа приводятся, в частности, слова русского языка "воля, удаль, простор, разгул, размах" как отражение российских пространств, являющихся доминантой внешней среды бытования этноса. Д.С.Лихачёв (Лихачёв, 1987) в "Заметках о русском" отмечал неизбежность лингвистических "последствий" влияния широких пространств на национальное сознание, указывая на то, что само пространство "вылилось в понятия и представления, которых нет в других языках". Несмотря на то, что двуязычные словари дают определённые соответствия этим словам, они оказываются мнимыми, считает О.Н.Корнилов. Истинных же соответствий просто нет, - отмечает автор - "а понятным и очевидным это становится лишь тогда, когда строгий семантический анализ опирается на весь культурно-исторический контекст, на те самые "философствования", которые иногда недооцениваются сторонниками "чистоты" лингвистики. Иногда при таком подходе кажущаяся идентичность заменяется глубокими концептуальными различиями, и обнаруживается, что, к примеру, удаль отнюдь не то же самое, что отвага, смелость, храбрость и их корреляты в других иностранных языках, а понятие специфически русское, включающее в себя помимо прочего и такие компоненты семантической структуры, как самолюбование, безрассудство, бескорыстие и привычка к широким пространствам" (Корнилов, 2003, с.138).

Ещё одним словом, иллюстрирующим обусловленность его значения доминантой среды бытования этноса, является русское слово воля, уже являвшееся предметом рассмотрения целого ряда лингвистов (Вежицкая, 1996; Шмелёв, 1998). Как выясняется, его псевдосиноним свобода не относится к словам типа Б, поскольку имеет адекватные иноязычные соответствия (freedom - англ., la libertad - исп. и т.д.) и не несёт на себе следов особенностей национальной ментальности. Воля же - это специфически русское слово (и понятие), и его ключевыми компонентами значения следует признать, по О.Н.Корнилову, полное отсутствие какой-либо регламентации (например, закона) и наличие (или подразумевание) бескрайних, ничем не ограниченных пространств.

Не подлежит сомнению тот факт, что лексика типа Б есть во всех национальных языках, однако, и здесь мы разделяем точку зрения О.Н.Корнилова, проблема заключается в том, что без помощи специальных комментариев профессиональных лингвистов и культурологов, в полном объёме владеющих национальной языковой картиной мира конкретного языка, проникнуть в суть именуемых абстрактных концептов чрезвычайно трудно, а установить зависимость национальной специфики таких концептов от реалий внешнего мира, в частности от природно-климатических условий быто-

---

вания этноса, - ещё труднее. В качестве вывода к вышеизложенному можно привести слова Г.Д.Гачева о том, что "...в ядре своём каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняется особенный климат, времена года, пейзаж, национальная пища..., - ибо они непрерывно питают и производят национальные склады бытия и мышления" (Гачев, 1988, с.430).

ВЫВОДЫ:

1. Признавая эгоцентризм речемыслительной деятельности, мы должны признать и её этноцентризм, так как любой говорящий субъект является продуктом породившей его культуры и этноса.

2. Этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвострановедение и лингвокультурология - науки одного направления, дополняющие друг друга и различающиеся лишь по ракурсу и параметрам изучения взаимодействия "язык - культура" и по используемым методам.

3. Взаимодействие языка и культуры характеризуется определённой амбивалентностью. С одной стороны, язык "отражает" культуру, кодируя её в своей системе и единицах; с другой - сам является частью культуры определённого этноса, наряду с её другими, невербальными формами.

4. Одной из главных задач этнолингвистики является получение свидетельств о различных способах мышления через анализ языка, речи и речевой деятельности.

5. Изучение лексического состава языка является "ключом" к постижению ментальности этноса и средством лингвистической объективации его аксиологической системы. Лингвокультурологический анализ текстов в рамках герменевтической парадигмы является важным аспектом этнолингвистики в силу их многомерной отражающей способности.

6. Национально-культурная (или этническая) функция является одной из важных функций языка, так как она обеспечивает возможность передачи национального самосознания, традиций культуры и истории народа средствами языка.

7. Следует разграничивать понятия национально-культурной специфики и национально-культурной коннотации. Национально-культурная специфика является частью семантической структуры каждой лексической единицы того или иного языка. Понятие национально-культурной коннотации уже понятия национально-культурной специфики, так как коннотация обычно определяется как дополнительное значение, связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В таком случае, наличие определённой оценочности у той или иной лексической единицы или ореол экзотичности связаны с рецептивным аспектом.

ГЛАВА 2. КАТЕГОРИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЁ ВЫРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКЕ

2.1. Национальная идентичность, этос, ментальность, в свете этнопсихологии

Мысль Н.Бердяева о том, что национальное единство "глубже единства классов, партий и всех других преходящих исторических образований" (Бердяев, 1990) подтверждается всем ходом истории новейшего времени.

Появление в обществе новых информационных технологий очень сильно изменило жизнь человека. Мир каждого человека расширился до планетарных масштабов, мир человечества в целом, наоборот, стал более тесным. В результате интеграционных процессов в обществе, начавшихся вместе с информационной революцией, были затронуты все аспекты человеческой жизни. И, в первую очередь, это коснулось сферы этнического сознания. Проблема взаимоотношения нового общества и человека в нём затронула такие сферы этнической ментальности, как групповая принадлежность, самоидентификация группы. В этом направлении особую значимость приобретают этноопределяющие факторы: язык, этническая история, система ценностей этнической группы. Таким образом, "быстрота изменений общественных связей и отношений, с одной стороны, соседствует с малоизменяющимся этническим менталитетом, с другой" (Хоц, 1999).

Рассмотрим некоторые базовые понятия, которыми мы будем пользоваться при рассмотрении данной проблемы.

По определению Большого энциклопедического словаря, "этос - это термин античной философии, обозначающий характер какого-либо лица или явления. Этос музыки, например, - это ее внутренний строй и характер воздействия на человека. Этос как устойчивый нравственный характер часто противопоставлялся пафосу как душевному переживанию" (БЭС, с.583).

Понятие "этос культуры" было введено в этнопсихологическую терминологию Р.Бенедиктом, представителем школы "Культура и личность". Согласно ее определению, "этос культуры - это единая культурная тема, которая в пределах каждой культуры определяет элементы культуры и их содержание" (Бенедикт, 1997). Религия, семейная жизнь, экономика, политические институты - это все элементы культуры, определяемые ее этосом.

В рамках недавно возникшей науки этнологии этос определяется как "квинтэссенция культуры, система идеалов, ценностей, доминирующих в каждой конкретной культуре и контролирующих поведение её членов" (Садохин, Грушевицкая, 2000).

В современных лингвокультурологических исследованиях (см., например, работы А.Вежбицкой (Вежбицкая, 2001а; Вежбицкая, 2001б) термин "этос" употребляется в значении, отражающем наиболее характерные черты национальной ментальности, например, "австралийский этос" и т.п.

Понятие "этос" тесно связано с понятием "национальная ментальность",

---

которым оперирует этнопсихология. Исследования в области национальной ментальности ведут свое начало от исследования национального характера. По мнению Т.Г. Стефаненко, проводящей исследования в области этнопсихологии, предположение о существующем национальном характере всегда было более или менее скрытой посылкой как обыденного сознания, так и социальных наук.

Она отмечает, что "первоначально описательное понятие "национальный характер" использовалось в литературе о путешествиях с целью выразить образ жизни народов. В дальнейшем, говоря о национальном характере, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи - на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т.д., и т.п." (Стефаненко, 1999, с.136).

В качестве примера можно привести исследования "загадочной русской души", которые начали проводиться американскими исследователями в годы холодной войны. Русский национальный характер, с его отсутствием прагматизма, так характерного для англо-саксонской, протестантской ментальности, казался непредсказуемым представителям западной цивилизации. Это явилось причиной проведения этнопсихологических исследований и появления ряда гипотез о русском национальном характере, включая гипотезу "свивания", в соответствии с которой корни национальной ментальности следует искать в детстве, а приверженность русских идее сильной внешней власти связана в большой мере с практикой тугого пеленания детей.

В последнее время для обозначения психологических особенностей этнических общностей вместо понятия "национальный характер" стало употребляться понятие "ментальность".

По мнению авторов термина, историков французской школы "Анналов", ментальность - это "система образов,... которые лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей" (Гуревич, 1993, с.56).

Эти исследователи особо подчеркивают, что ментальность есть не набор характеристик, а система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы. Развивая эту идею, С.В. Лурье выделяет центральную зону ментальности, которая в соответствии с ее концепцией состоит из:

- локализации источника добра, включающего Мы - образ и образ покровителя;
- локализации образа зла - образа врага;
- представления о способе действия, при котором добро побеждает зло.

В традиционной русской ментальности, по мнению исследовательницы, источником добра рассматривалась община (мир), а врагом - источником зла, находящимся в постоянном конфликте с народом, - государство (Лурье, 1998).

Для западной ментальности в большей мере характерна индивидуальность, стремление к личной выгоде, которое может быть оценено как положительно, так и отрицательно. "Пусть стержень буржуазности - ко-

---

рысть, но западная корысть, католическая и в особенности протестантская, сопряжена с индивидуализмом и предполагает (в кругу порядочных людей) уважение к чужой корысти и вообще к чужой свободе. Человек, считающий свой дом своей крепостью, признает такое же право за соседом. В этом есть эгоизм и равнодушие, но есть и собственное достоинство, и уважение к ближнему; в этом, пожалуй, есть ощутимая нехватка братской любви, но ведь мы помним о Каине и Авеле, первых братьях на Земле" (Панченко, 1997).

Неразрывность мировоззренческого и психолого-поведенческого уровней ментальности прослеживается в определении термина, предложенного В.В.Колесовым: "ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях" (Колесов, 1999, с.81).

В ряде источников вместо термина "ментальность" употребляется синонимичный термин "менталитет". По определению Энциклопедического словаря российской цивилизации, менталитет - это "глубинный пласт общественного сознания, совокупность механизмов психологических реакций и базовых представлений, характерных для разных социальных общностей. В понятие "менталитет" включаются неосознанно и автоматически воспринятые установки, общие в целом для эпохи и социальной группы, коллективные представления, имплицитно содержащиеся в сознании ценности, мотивы, модели поведения и стереотипы реакций, лежащие в основе рационально построенных и отрефлектированных форм общественного сознания" (ЭСРЦ, 2001, с.190 - 191).

Базовыми характеристиками менталитета считаются его коллективность, неосознанность или неполная осознанность, устойчивость. Менталитет, таким образом, является "скрытым слоем" коллективного сознания определённой социокультурной общности. Он не является результатом целенаправленной деятельности идеологов, его характеризует неосознанность или неполная осознанность, "на этом уровне удаётся расслышать такое, о чём нельзя узнать на уровне сознательных высказываний" (Гуревич, 1993). По мнению А.Я.Гуревича, для уяснения ментальности этноса исследователю приходится опираться не на выраженные заявления людей, оставивших те или иные тексты и другие источники, а **"докапываться" до более потаённого пласта их сознания, пласта, который может быть обнаружен в этих источниках скорее как бы против их намерений и воли.**

Структура менталитета представляет собой устойчивую систему скрытых глубинных установок и ценностных ориентаций сознания, его автоматических навыков, неявных умонастроений, которые определяют устойчивые стереотипы сознания. Поэтому менталитет при выражении, например, национального характера действует спонтанно, не осознаваясь, проявляясь в совокупности принципов и привычек, отражающихся в чертах характера (таковы, например, свойственные россиянам чувства справедливости, терпения, жертвенности, готовности на подвиг и др.). Таким образом, структура менталитета - это сложная многоуровневая пирамида механизмов и способов действия, непосредственно связанных с многовековой культурой

народа. Среди причин, способствующих формированию менталитета и его эволюции, выделяются ряд приоритетных - это 1) расово-этнические качества общности, 2) естественно-географические условия её существования, 3) результаты взаимодействия данной общности и социокультурных условий её проживания. Непосредственное влияние оказывает на менталитет и темперамент определённой социокультурной общности (напр., "русские долго запрягают, но быстро едут"). При анализе расово-этнических качеств, их воздействия на менталитет также важен учёт этнической монолитности данной общности. Одна общность может быть монолитна в этническом плане (напр., японцы или армяне, другая - представлять из себя некий субстрат (напр., американский народ, включающий в себя и автохтонные этносы и переселенцев из Африки, Азии и Европы), третья - объединять различные этносы (напр., россияне), что подразумевает необходимость общего знаменателя (так, для россиян естественны, как правило, принципы терпимости и взаимовыручки, отсутствие религиозных войн).

Другая система причин - естественно-географические условия проживания культурной общности, которые накладывают непосредственный отпечаток на менталитет, закрепляющий на субъективном уровне оптимальные способы адаптации и выживания.

Третья система причин - зависимость от результатов многовекового взаимодействия данной общности и социокультурных условий его проживания. Именно это обстоятельство способствует формированию устойчивых социально-экономических способов и типов жизнедеятельности: коллективно-общинный (Россия) или индивидуалистический, характерный для Запада, кочевой или оседлый образы жизни, что обуславливает наличие инвариантных ментальных констант (напр., общинность и этатизм в России).

Основываясь на взаимодействии отмеченных причинных комплексов, можно определить менталитет как выражение на уровне культуры народа исторических судеб страны, как единство характера исторических задач и способов их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. Менталитет, таким образом, есть своего рода память о прошлом, психологическая детерминанта поведения людей, остающихся верными своему, сложившемуся исторически "коду" в любых обстоятельствах. Складываясь исторически, менталитет в каждый конкретный отрезок времени представляет собой совокупность социально-психологических качеств и черт, сумму детерминируемых ими поведенческих реакций, выступающих как определённая целостность, проявляющихся во всех сторонах жизнедеятельности данной человеческой общности и составляющих её индивидов.

Несмотря на то, что философы, психологи и другие представители гуманитарных наук признают существование "общечеловеческих", "наднациональных" или "вечных ценностей", культура и система культурных ценностей относятся к явлениям национального порядка. "Помимо общечеловеческих ценностей существуют - как их основная часть - ценности национально-культурные, в них нельзя отказать ни одной нации" (Солженицын, 1998, с.175).

Предположения о существовании национального характера всегда были более или менее скрытой посылкой как обыденного сознания, так и соци-

---

альных наук. Начиная с 40-х гг. XX века, доминирующей темой в этнопсихологии стало изучение национального характера. В основу понятия "национальный характер" была положена концепция "модальной личности" К.Дю Буа. Национальный характер - это совокупность социально-психологических особенностей представителей той или иной нации. Национальный характер рассматривается как совокупность поведенческих, эмоциональных и т.п. характеристик, присущих всем членам нации, совокупность психологических черт, характерных для каждого представителя данной нации.

Во-первых, представляется совершенно очевидным, что характер этноса - не сумма характеров отдельных его представителей, а фиксация типических черт, которые присутствуют в разной степени и в разных сочетаниях у значительного числа индивидов. Поэтому прав И.С.Кон, подчеркивающий: "Чтобы понять характер народа, нужно изучать прежде всего его историю, общественный строй и культуру; индивидуально-психологические методы здесь недостаточны" (Кон, 1971, с.124).

Во-вторых, недопустимо рассматривать какие-либо черты достоянием отдельных этнических общностей. Уникальны не черты и не их сумма, а структура: "... речь идет не столько о каких-то "наборах" черт, сколько о степени выраженности той или другой черты в этом наборе, о специфике ее проявления" (Андреева, 1996: 165-166). Например, трудолюбие рассматривается в качестве одной из важнейших черт как японского, так и немецкого национального характера. Но немцы трудятся размеренно, экономно, у них все рассчитано и предусмотрено. Японцы же отдаются труду самоотдачей, с наслаждением, присущее им чувство прекрасного они выражают и в процессе труда.

В последнее время и понятие "национальный характер" вслед за понятиями базовой и модальной личности покидает страницы психологической и культурантропологической литературы. Ему на смену для обозначения психологических особенностей этнических общностей приходит понятие "ментальность". Многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина "ментальность" достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке (Стефаненко, 2003).

Главной чертой гуманитарного мышления является его диалогичность, как писал в свое время М.М.Бахтин. Каждый голос стремится быть услышанным сочувствующим ему или всепонимающим адресатом. Это справедливо и для голоса каждого этноса, который, раздвигая рамки фольклора, все с большей настойчивостью и разнообразием выражает себя в национальных литературах. Особенно ярко этот процесс проявляется в литературах этносов, занимавших долгое время подчиненное положение по отношению к доминирующей нации и культуре. Желание подчеркнуть свое отличие, непохожесть, своеобразие привело к появлению текстов, относящихся к так называемым "mongrel literatures" (литература-помесь) или к дефисным литературам, пишущимся через тире: Chinese - American, Filipino - American, Puerto-Rican - American и т.д.

Вопросы этноса и этничности рассматриваются сейчас многими иссле-

---

дователями в связи с категорией национальной идентичности, которая представляет собой особый интерес для нашего исследования. Категория "национальной идентичности", как и многие научные понятия, является предметом изучения ряда смежных наук: социальной психологии, социологии, политологии, межкультурной коммуникации, антропологии и лингвистики. Субъективное и объективное в этой категории являют себя в неразрывном статическом дуализме.

В социальной культурологии выделяют 2 типа этнической идентификации: этническую самоидентификацию и этническую идентификацию.

Национальная идентичность не является постоянной категорией, она меняется, хотя основными компонентами ее продолжают оставаться индивид, семья, нация (Н.Соловьева). И.В.Арнольд понимает под идентичностью своеобразный стереотип, характеризующий принадлежность индивида или коллектива к определённой нации. По её мнению, этот стереотип включает общность языка, культуры, менталитета, поведения, внешности, привычек в одежде, пище, устройстве жилища и т.д. (Арнольд, 2003). Развивая идею идентичности применительно к жителям одного города - Петербурга, И.В.Арнольд вводит термин "национально-социальная идентичность" и пишет об особой "нации" петербуржцев, используя этот термин в метафорическом смысле.

По мнению итальянского психолога А.Менегетти, "стереотип" означает модель или тип поведения, который объединяет людей в одну или несколько групп. Основа этой структуры - в эмоциях, культуре, традициях, консерватизме, морали, законах. Стереотип характеризует и определяет. Иногда он функционален, а иногда обладает и патологическими свойствами. В любом случае его необходимо понимать, так как стереотип - это знание, в определённой среде превращающееся в силу. А.Менегетти делает интересное замечание: "В конце концов, приходишь к выводу, что многие абсолютные истины - ни что иное, как стереотипы и мнения, доминирующие в определённых этнических, политических, культурно-исторических, экономических и религиозных группах" (Менегетти, 2002, с.32).

Изучение проблемы идентичности очень актуально в связи с большим значением парадигмы культурологии и антропологии для современной науки.

2.2 Американский национальный характер: ценности и приоритеты

Without the presence of black people in America, European-Americans would not be "white" - they would be only Irish, Italians, Poles, Welsh, and others engaged in class, ethnic, and gender struggles over resources and identity.

Cornel West, Race Matters

Говоря об американском этносе, уместно будет вслед за Л.Н.Гумилевым

вым (Гумилёв, 1993) употребить термин "суперэтнос". Уникальность американского этноса состоит в том, что, в отличие от других этносов, он сформировался за исторически сравнительно короткий период времени и впитал в себя культурные традиции других этносов, развивавшихся до определённого времени автономно, а затем подвергшихся процессам ассимиляции и трансформации под влиянием социально-экономических условий и доминирующей англо-саксонской культуры. В процессе дальнейшего исторического развития, однако, национальная специфика отдельных этносов проявила себя вновь, в особенности, в таких сферах общественной жизни как трудовая этика, культура, искусство, создавая неповторимую полифонию американского национального характера.

Уникальность американского этноса состоит в том, что он сформировался за исторически очень короткий срок (с момента образования первых поселений колонистов до победы в Войне за независимость прошло 176 лет, а с момента принятия конституции США до реального объединения страны после гражданской войны, когда экономическая экспансия Севера усилила динамику "плавильного котла" до максимума, - 68 лет); основан не на генетических принципах, а на общности территории, языка и общих ценностных установках личности, стремящейся к индивидуальному успеху. Консул США по культуре Дэвид Сифкин, аккредитованный в Санкт-Петербурге в 2003-2004 г., выразил эту мысль следующим образом: "America is not a place but a state of mind".

Классическое определение американского национального характера содержится в широкоизвестном произведении Гектора Сент-Джона (настоящее имя: Michel Guillaume Jean de Crevecoeur) "Письма американского фермера":

What then is the American, this new man? He is either an European, or the descendent of an European, hence that strange mixture of blood, which you will find in no other country. I could point out to you a family whose grandfather was an Englishman, whose wife was Dutch, whose son married a French woman, and whose present four sons have now four wives of different nations. *He* is a American, who leaving behind him all his ancient prejudices and manners, receives new ones from the new mode of life he has embraced, the new government he obeys, and the new rank he holds. He becomes an American by being received in the broad lap of our great *Alma Mater*. Here individuals of all nations are melted into a new race of men, whose labours and prosperity will one day cause great changes in the world (J. Hector St. John, 1782).

"Словарь английского языка и культуры" издательства Лонгман также предлагает свою дефиницию американского национального духа в словарной статье "American Way":

A set of beliefs or values that many Americans hold but which are not laws or written down in any form. Examples of beliefs which would be considered part of the American Way are: working hard, believing in yourself and your ability to change your situation for the better, and treating people fairly. Sometimes people use the phrase "the American Way" in a negative way to mean that they think Americans believe that they deserve to have material wealth such as bigger

---

cars and houses and expensive things (LDELC).

Известный исследователь английского языка США и американской культуры Х.Л. Менкен (Mencken, 1963) писал, что прообразом нового американца, сформировавшегося после 1814г., явился Эндрю Джексон, президент США. Он являлся носителем следующих качеств, которые затем закрепились за образом типичного американца - невежественный, напористый, не признающий сдерживающих факторов и прецедентов, иконоборец, филлистер, англофоб до мозга костей. Тысячи молодых американцев его поколения штурмовали горы, перебирались через великие реки, вступали в схватку с дикой природой, создавая при этом неформальный, импровизированный тип цивилизации, в которой любая попытка подражать правилам приличия, принятым на Востоке или на покинутой родине, будь то в речи или в манерах, встречала немедленное презрение. В такой атмосфере рождался традиционный американец, пишет Менкен, и с этим нельзя не согласиться.

Аналогичный взгляд на американский национальный характер высказывается и Гарольдом Ласки в предисловии к известной книге французского публициста XIX века А. де Токвиля "Демократия в Америке": "Люди, жившие на этих новых землях, обладали суровыми качествами пионеров. Они были самоуверенны до безрассудства, высокомерны и горды, не признавали никаких повелителей. Условности вызывали у них насмешливое пренебрежение, утонченность и культуру многие из них считали признаком слабости. Они были полны страстного национализма и, хотя и являлись убеждёнными сторонниками демократии, считали её необходимой не столько в политической жизни, сколько в общественных отношениях" (Токвиль, 1994, с.5).

Многие философы, культурологи и социологи предлагали свои определения американского национального характера. В частности, Дж.Сантаяна определяет типичного американца следующим образом:

"Я говорю об американце в единственном числе, так как будто бы не существует миллионов их, на севере и юге, на востоке и на западе, мужчин и женщин, различных возрастов и рас, профессий и религий. Конечно, этот американец, о котором я говорю в единственном числе - мифический; но язык притчи неизбежен в таком предмете и лучше всего делать это открыто и искренне... Итак, символический американец должен соответствовать определённым фактическим данным, поскольку, хотя и существуют значительные различия между отдельными американцами..., тем не менее, есть огромное единство в их образе жизни, обычаях, характере и мыслях. Все они были вырваны с корнем из родной почвы, оторваны от своих предков, запущены все вместе в одну воронку, где они вращались в почти пустом пространстве. Понятие "быть американцем" само по себе является определённым моральным состоянием, определённым уровнем образования и карьеры" (Сантаяна, 19).

Попробуем рассмотреть, каковы наиболее часто выделяемые характерные черты американского этноса. Согласно исследованию Дэвида Хита (Heath, 2001), цивилизационный блок США часто описывается как "эгоистич-

---

но-рационалистический" и характеризуется такими чертами как индивидуализм, гипотетическо-дедуктивный когнитивный подход, личная инициатива; а на уровне политической системы как либерально-капиталистическое экономическое государство, основанное на демократических принципах.

Социологические исследования американского национального характера последних лет, стремящиеся охватить своим вниманием как отдельную личность, так и социальную группу, придают большое значение анализу базовых ценностей. Поиск базовых ценностей особенно актуален в разнородном обществе и в эпоху развития СМИ. По утверждению Майкла Мак Гифферта, "изучение шкалы ценностей сейчас считается комплексным подходом к анализу национального характера; многие учёные считают такой подход ключом к тем аспектам американского национального характера, которые менее доступны другим методам исследования" (McGiffert, 1963).

Определения термина "ценности" в американистике представлены широким спектром дефиниций от "критерия выбора при действии" до формулировки Ральфа Генри Габриэля - "идеал, парадигма, выдвигающая на первый план желаемую и положительно оцениваемую возможную социальную действительность" (Gabriel, 1986).

По своей сути они являются критериями, т.е. идеалами, целями, нормами и стандартами. У Этель Альберт (Albert, 1970) отмечается, что ценности, которые, в основном, проявляются через вербальное поведение, не следует путать с реальным поведением людей. Более того, культуры, как правило, имеют два уровня ценностей: "высокие идеалы, которые не предназначены для всеобщего, буквального воплощения" и вторичные ценности, которые являются практическим руководством к действию. Противоречие между идеальными и реалистическими ценностями, равно как и между стандартами и уровнем их достижения, помогает определить характерные "точки напряжения" того или иного общества.

Выявление этих "точек напряжения" является основной задачей современных американских историков и социологов. На базе указанных подходов был создан целый ряд классификаций традиционных американских базовых ценностей. В начале 60-х гг. Альберт и Уильямс (Albert, 1964; Williams, 1964) обратили особое внимание на следующие базовые ценности:

- 1) активная жизненная позиция, основанная на владении ситуацией в противовес пассивному принятию событий;
- 2) акцент на достижениях и успехе, понимаемом как материальное благосостояние;
- 3) личные моральные качества, ориентированные на такие пуританские ценности как долг, трудолюбие и здравый смысл;
- 4) религиозность;
- 5) научный и светский рационализм, опирающийся на взгляд на Вселенную как упорядоченное, познаваемое и невраждебное образование и поддерживающий скорее экстравертный, чем интравертный взгляд на мир;
- 6) прогрессивное, а не традиционалистское понимание истории, поддерживаемое оптимизмом, уверенностью в будущем и верой в то, что прогресса можно достигнуть с помощью целенаправленных усилий;

---

7) равенство, с горизонтальным, а не иерархическим пониманием социальных отношений;

8) высокая оценка отдельной личности в противовес коллективной идентичности или коллективной ответственности;

9) опора на собственные силы;

10) гуманность;

11) конформизм по отношению к внешним факторам;

12) толерантность по отношению к многообразию;

13) исполнительность и практицизм;

14) свобода;

15) демократия;

16) национализм и патриотизм;

17) идеализм и стремление к совершенству;

18) мобильность и стремление к переменам.

В то время как ряд этих характеристик противоречат друг другу, все они присутствуют в американской "модальной личности" в определённом соотношении. Уолт Уитмен определил дух нации в XIX в. следующим образом:

Do I contradict myself?

Very well then I contradict myself,

(I am large, I contain multitudes)

Описание и объяснение многообразия американского национального характера породило за последнее время многочисленные исследования, которые имеют дело с "парадоксом", "контрапунктом", "дилеммой" и "загадкой". Самым длительным противоречием американской культуры, по мнению исследователей, было сосуществование официального лозунга личной свободы, равенства, равных возможностей и справедливости *de jure* в то время как *de facto* существовала дискриминация чёрных американцев.

В 70-е годы исследователь Дэниэль Белл (Bell, 1976) в работе "Культурные противоречия капитализма" описывал Америку как шизофреническую нацию (перевод дословный. - Н.Б.) в том плане, что её культура движется в направлении гедонизма и потребления, в то время как её социальная структура зиждется на традиционных добродетелях экономии, упорной работы, самоотречения и добросовестности.

Другие исследователи рассматривали дуализм американской жизни как типичный фактор - диалектику, которая характеризовала эту нацию в течение долгого времени. Так, Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1840) утверждал, что индивидуализм и идеализм были настолько же характерны для американцев как конформизм и материализм. Ван Вик Брукс (Brooks, 1958) отмечал два главных идеологических течения, проходящих через американское сознание - трансцендентальное течение Джонатана Эдвардса и Ральфа Уолдо Эмерсона и "прагматическое течение, которое Бенджамин Франклин преобразовал в философию здравого смысла".

Майкл Кэммен, проводя параллель между формированием нации и природными условиями, писал: "существует спор по поводу содержания понятия Америка - будет ли она конгломератом индивидуумов, каждый из кото-

---

рых идёт своим путём, или хорошо организованным обществом сотрудничающих между собой групп. Сами масштабы ландшафта сделали первое почти неизбежным, а последнее почти что необходимостью" (Каммен, 1972). Один из путей объяснения многочисленных определений американского национального характера - это показать стиль мышления, способного функционировать при глубоко ощущаемых противоречиях. Анализируя альтернативы, которые стоят перед большинством американцев, психоаналитик Эрик Эриксон утверждал: "Таким образом, настоящий американец как наследник истории великих контрастов и резких изменений строит свою заключительную самоидентификацию на попытке сочетания динамичных полярностей, таких как миграция и оседлость, индивидуализм и следование стандарту, состязательность и сотрудничество, набожность и свободомыслие, ответственность и цинизм и т. д." (Erikson, 1967). По наблюдениям М.Кэммена, "США могут с успехом считаться первым крупным обществом, которое встроило инновацию и изменения в свою культуру в качестве постоянной переменной, так что определённый вид "творческой деструкции" постоянно изменяет внешний облик американского образа жизни" (Каммен, 1972).

Качества, которые стремится сформировать у молодого поколения американская система образования, включают в себя следующее: личную инициативу, высокую самооценку, самодостаточность (self-efficacy), автономность, конструктивность и умение сотрудничать (participatory members of society). Развитие этих качеств рассматривается в качестве фактора, ведущего к укреплению национального этоса и культурного единства, компенсирующего гендерные, классовые, этнические и расовые различия.

Наличие особого связующего духа "Americanness", компенсирующего разнородность составляющих американского метаэтоса, подтверждается примерами из художественной и публицистической литературы, например, следующим описанием единого духа Америки, которое приводит Дж. Стейнбек в своей книге "Путешествие с Чарли в поисках Америки":

If other Americans reading this account should feel it true, that agreement would only mean that we are alike in our **Americanness**.

If I were to prepare one immaculately inspected generality it would be this: For all of our enormous geographic range, for all of our sectionalism, for all of our interwoven breeds drawn from every part of the ethnic world, we are a nation, a new breed. Americans are much more American than they are Northerners, Southerners, Westerners, or Easterners. And descendants of English, Irish, Italian, Jewish, German, Polish are essentially American. This is not patriotic whoop - de - do; it is carefully observed fact. California Chinese, Boston Irish, Wisconsin German, yes, and Alabama Negroes, have more in common than they have apart. And this is the more remarkable because it has happened so quickly. It is a fact that Americans from all sections and of all racial extractions are more alike than the Welsh are like the English, the Lancashireman is like the Cockny, or for that matter the Lowland Scot like the Highlander. It is astonishing that this has happened in less than two hundred years and most of it in the last fifty. **The American identity** is an exact and provable thing. (J.S. - 161).

Общий этос, сформировавшийся в Америке в процессе её развития, перекрывает географические, региональные и этнические факторы различия. Слово "nation", употреблённое в этом описании, подчёркивает смысл единства народа, его психологическую узнаваемость и отличие от представителей других культур:

I had always considered this a kind of a semantic detail, but moving about in my own country I am not at all sure that it is so. Americans as I saw them and talked to them were indeed individuals, each one different from the others, but gradually I began to feel that the Americans exist, that they really do have generalized characteristics regardless of their states, their social and financial status, their education, their religions, and their political convictions. But there is indeed an American image built of truth rather than reflecting either hostility or wishful thinking, what is this image? What does it look like? What does it do? If the same song, the same joke, the same style sweeps through all parts of the country at once, it must be that all Americans are alike in something. The fact that the same joke, the same style, has no effect in France or England or Italy makes this contention valid. But the more I inspected this American image, the less sure I became of what it is. It appeared to me increasingly paradoxical, and it has been my experience that when paradox crops up too often for comfort, it means that certain factors are missing in the equation (J.S. - 211).

Большинство исследователей связывает основные характеристики американского характера с основополагающей ролью протестантизма как основной Северо-Американской конфессии и предлагает следующий инвентарь характеристик: высокая ценность плодотворного действия, аскетизм, рационализм, практицизм, утилитаризм, прагматизм. Квинтэссенция основ американского менталитета содержится в известной работе М.Вебера "Протестантская этика и дух капитализма". В XVI веке многие богатейшие области британской империи приняли протестантскую веру. Вебер задаётся вопросом, в чем же причина такой сильной предрасположенности экономически наиболее развитых областей к церковной революции. Анализируя преобладание протестантов среди владельцев капитала и предпринимателей, автор приходит к выводу, что своеобразный склад психики, привитый тем направлением воспитания, которое было обусловлено религиозной атмосферой родины и семьи, определял выбор профессии и дальнейшее направление профессиональной деятельности. Протестанты как в качестве большинства, так и в качестве меньшинства проявляли специфическую склонность к экономическому рационализму, которое католики не обнаруживали и не обнаруживают ни в том, ни в другом положении. По мнению Вебера, причину этого следует искать прежде всего в устойчивом, внутреннем своеобразии каждого вероисповедания, а не только в его внешнем историко-политическом положении. В своей работе М. Вебер приводит высказывание Монтескье, который писал, что англичане "превозшли все народы мира в трех весьма существенных вещах - в набожности, торговле и свободе" (цит. по: Вебер, 1972, с.56), что и было перенесено ими позднее в Новый Свет.

Один из основоположников системы американской демократии Б. Фран-

---

клин в своей "Автобиографии" и других известных работах высказывал следующие мысли относительно основных жизненных ценностей: "Помни, что время - деньги; тот, кто мог бы ежедневно зарабатывать по 10 шиллингов, и тем не менее полдня гуляет или лентяйничает дома, должен учесть не только этот расход, но считать, что он истратил или, вернее, выбросил сверх того еще пять шиллингов" (op.cit., 59-60). Так проповедует Б. Франклин и его проповедь очень близка "образу американской культуры" по формуле Фердинанда Кюрнберера: "из скота добывают сало, из людей - деньги", которая является своеобразным идеалом этой "философии скупости". Суть дела заключается в том, размышляет Вебер, что здесь проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная "этика", нарушение которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о "практической мудрости", что было бы не ново, а о выражении некоего этоса, и именно в таком аспекте данная философия становится объектом научного исследования. В этих словах отсутствует тот "дух", которым проникнуты поучения Франклина: то, что в одном случае является преизбытком неиссякаемой предпринимательской энергии и моральной индифферентной склонности, принимает в другом случае характер этически окрашенной нормы, регулирующей весь уклад жизни. "Summum bonum" (высшее благо) этой этики, продолжает Вебер, прежде всего в наживе, все большей наживе, при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдомонических или гедонистических моментов; эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к "счастью" или "пользе" отдельного человека. Такой подход основывается на Библейском изречении: "Если ты видишь мужа, проворного в своем деле, то он должен стоять перед царями".

В этом специфическом смысле автор и использует понятие "дух капитализма", подчёркивая, что речь идет о современном ему западноевропейском и американском капитализме. Капитализм, по утверждению Вебера, существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века. Однако ему недоставало именно того своеобразного этоса, который обнаруживается у Франклина.

Нравственные правила Франклина имеют утилитарное обоснование: честность полезна, ибо она приносит кредит, то же самое можно сказать о пунктуальности, прилежании, умеренности - все эти качества именно поэтому и являются добродетельными, что приносят выгоду их обладателю. При этом видимость честности вполне может заменить подлинную честность. "Упомянутые добродетели, как впрочем, и все остальные, являются добродетелями лишь постольку, поскольку они *in concreto* полезны данному человеку и видимость добродетели можно ограничить во всех случаях, когда наблюдается тот же эффект ... Здесь как будто схвачено *in flagranti* именно то, что немцы ощущают как "лицемерие" американской морали. Однако, в действительности, дело обстоит не так просто. Приобретение денег является при современном хозяйственном строе результатом и выражением деятельности человека, следующего своему призванию, а эта дея-

---

тельность составляет альфу и омегу морали Франклина" (op. cit., с.61 - 63).

В работе американского исследователя Э.Сагулина содержится анализ христианско-кальвинистского этоса, пронизывающего американскую конституцию. Автор отмечает, что конституция США имплицитно и, возможно, невольно предполагает кальвинистский образ мышления, воплотившийся в идее федерализма. Довольно часто в исторических исследованиях отмечается, что основная составляющая этоса эпохи может быть не выражена достаточно прямо, поскольку она понимается и разделяется всеми живущими как нечто само собой разумеющееся. Отсюда делается вывод, что отсутствие ссылок на Бога, Христа и Библию в американской конституции свидетельствует не о ее светском характере, а о том, что эти ценности воспринимались современниками и творцами этого документа как само собой разумеющееся. С исторической точки зрения отцы - основатели, являющиеся сами продуктом христианского этоса и активнопрактикующими христианами, не ощущали необходимости выражать свою веру в общественной сфере. Конец 18-го столетия и конституция США как документ, отразивший его дух, демонстрирует резкий теологический переход от ортодоксального кальвинизма к общей христианской ортодоксальности и от нее через еще несколько ступеней к светскому гуманизму.

В исследовании Г.М.Васильевой (Васильева, 2001) ведущие качества американского характера объединяются в прагматическую ценностную интенцию американской культуры, которая на психолого-поведенческом уровне ментальности проявляется в следующих качествах американского народа: трудолюбие и практицизм; ориентированность на действие, безоговорочное подчинение закону, оправданность и высокая оценка любого предпринимательства и коммерческой деятельности, приносящих успех; высокая моральная оценка денег и богатства; отсутствие мифологизированного сознания; рационально-утилитарное отношение к природе; признание приоритета молодости над старостью; ориентированность на задачи сегодняшнего дня и другие.

Психологические конфликты, неизбежные в условиях полинационального сообщества, также нашли своё отражение в литературе:

I remember how when I was a child we responded to the natural dislike of the stranger. We who were born here and our parents also felt a strange superiority over newcomers, barbarians, *forestieri*, and they, the foreigners, resented us and even made a rude poem about us:

*The miner came in forty - nine,
The whores in fifty - one.
And when they got together,
They made a Native Son*

And we were the outrage to the Spanish - Mexicans and they in their turn to the Indians... (J.S. - 170)

Этническая идентификация может осуществляться как с позиций самоанализа, так и со стороны других индивидов и групп. Так, например, после трагедии 11 сентября 2001г. в США одна из публикаций румынской газеты, приведённая в ресурсах Интернет, рассматривает феномен американ-

---

ского духа через иерархию и баланс различий и общности. К различиям относят, во-первых, внешние различия представителей различных рас и этнических групп; языковое многообразие американского этоса; культурные различия представителей разных цивилизаций и религиозных верований. В качестве ведущей черты американского духа, особенно ярко проявившей себя в дни трагедии, публикация отмечает патриотизм и сплоченность нации:

"The Americans' solidarity spirit turned them into a choir. Actually, choir is not the world. What you could hear was the heavy artillery of the American soul".

([http://www.diodon349.com/attack on America/](http://www.diodon349.com/attack%20on%20America/))

Современный миф об американской трагедии включает понятие национального духа, отражающего солидарность и сплоченность. Публикация перечисляет ряд факторов, которые могли бы явиться основой этой сплоченности: чувство общей родины, стремительно развивающаяся история, экономическая и финансовая мощь - и помещает концепт "свобода" во главу этого списка.

Понятие "американский" все чаще появляется в сопровождении дефицита, вводящего в объем этого концепта какой-то иной национально-специфический компонент, напр., "Chinese American", "Puerto-Rico American", "Fillipino American", особенно когда речь заходит о национальных литературах.

В американистике существует следующая классификация национальных литератур, связанная с отражением в них этоса преобладающих национальных групп США: литература коренных американцев; литература латино, азиатско-американская литература; афро-карибская литература.

Огромный интерес современных американцев к своим национальным корням характеризуется исследователями как этнический ренессанс. Так, А.В.Хоц (Хоц, 1999) в своей работе приводит данные о том, что более 1 млн американцев венгерского происхождения во втором поколении вновь вернулись к своему языку и некоторым культурным традициям.

О.Тоффлер отмечал, что "правильная печь" не является доминантой сегодня. "Особенность каждой из групп стала приобретать всё большее значение, и это отодвинуло нас от идеи стандартизированного американца. "Печь" работает, но при этом групповые особенности не переплавляются в абсолютный стандарт" (Тоффлер, 1994).

В 1969 г. Конгресс утвердил законопроект об изучении в школах культурного наследия главных этнических групп американской нации. Таким образом, важность этнической идентичности была подтверждена юридически.

Рассмотрим особенности проявления общеамериканского и национально-специфического на примере филиппино-американской литературы.

В 1947 году после периода колонизации со стороны США, Филиппины получили независимость; в настоящее время филиппино-американское население является самой быстрорастущей азиатско-американской группой в США и, по данным статистики, превзойдет количество населения американо-японского и китайского происхождения вместе взятых в следу-

---

ющем десятилетии.

Главный вопрос филиппинской литературы - это как вернуть или обрести потерянную национальную идентичность. Произведения филиппинских писателей старшего поколения отражают мир, в котором Америка является местом открытия и "переработки" самих себя, что сравнивается с опытом пребывания в вынужденном изгнании.

Работы молодых писателей филиппино-американского происхождения далеко не всегда отражают "иммигрантский этос", что вызывает оживленные дебаты по поводу возможности существования четко обозначенного филиппино-американского взгляда на мир.

Отмечается, что темы расовой предубежденности, ностальгии и отчуждения звучат не столько как этнически окрашенные американские или западные, но, скорее, как ритуальные отклики чисто филиппинского голоса, который долгое время заглушался и теперь звучит как эхо самого себя. Думается, что эта же характеристика приложима и к другим литературным течениям современной американской этнической литературы.

Главное направление филиппино-американских писателей - это создание собственного официально принятого мифа об истории эмиграции, основанного на исторических фактах и памяти, который бы отличался от поверхностных отчетов об этой истории. Среди тем, наиболее часто упоминаемых критиками, выделяются следующие: тема "незаметности", "невидимости" иммигранта; радикальные проекты солидарности цветного населения против капитала; и, с другой стороны, выражение тенденций примирения и интеграции.

Так называемая "дефисная" культура - это исключительно американский феномен, первый компонент которого указывает на концептосферу исходной, "старой" культуры. Анализ данного явления через призму художественного текста приводится в романе Энни Прулкс "Преступления аккордеона":

" 'Hyphenism' - what is this 'hyphenism' business?" said Loats, smoothing out Beutle's paper....

"This is Roosevelt's horse? He is riding it hard. He don't like hyphens! Jesus Christ! He is concerned about **German hyphen Americans**.... He says, 'some Americans need hyphens in their names because only part of them have come over. But when the whole man has come over, heart and thought and all, the hyphen drops of it's own weight out of his name' And what else drops? Jesus, Jesus and Christ, a beautiful language, Bach, Handel, Mozart, Shiller drops, Goethe drops, Kant and Hegel, Wagner, Wagner drops. Schubert, he drops. The accordion drops. And beer drops. Instead we get crazy dried-up American women yelling for the vote and the goddamn dried-up Americans and their dried-up American ideas about Prohibition. They don't see the Germans are the hardest-working people in America. They don't see that everything that is good in America come from the Germans" (A.P.A - 102).

Концепты любой культуры закодированы в языке, и с утратой языка уходят и уникальные создания исходной культуры, обедняя общее содержание ноосферы человека. Конфликт культур всегда выражает себя и в

языковом коде - в стремлении либо восстановить, либо отказаться от исконных номинаций ради новых ценностей:

" I guess I give up the hyphen, Hans. I don't care if they drop a thousand bombs on the Kaiser's head. I don't feel so German now. My children, they're born here, this is their country. I should keep hanging on to the old place that never did anything but drive me away? I just want America to stay out of it, this war, I want to work my farm and sit down to a good dinner and sleep good at night." And it was true that Loats's daughter Daisy had borrowed a copy of Walt Whitman's *I Hear America Singing* from the teacher and read it aloud after supper (A.P.A. - 103).

Понять, каково же самоощущение представителя этноса, состоящего из двух определяющих характеристик, можно попытаться, проведя герменевтический анализ ряда публицистических и художественных текстов, принадлежащих к подобным культурам. Рассмотрим для примера понимание национальной идентичности, изложенное в работе Эрика Као "Что значит для меня быть американцем китайского происхождения?"

В начале своего эссе, в сильной позиции, автор отрицает идею объединения двух этнических признаков в одну характеристику и подчёркивает идею двойственности своей этнической принадлежности, именно то, что выдающийся американский публицист конца XIX - начала XX в. выразил термином "twoness":

"Being Chinese-American means nothing to me. I don't think of myself as being Chinese-American. **I am an American, and I am Chinese.** I don't believe that these are mutually exclusive terms which can only meet on some middle ground that is defined as "Chinese-American". **I am one, I am the other, and I am both** (E.K.).

Второй абзац эссе начинается с утверждения американской идентичности автора "I am American". Какие аргументы приводятся в пользу этого? Факт рождения в американском городе штата Калифорния, посещение школы уже в другом городе, но также в Калифорнии. Тот факт, что пишущий прожил всю свою жизнь до настоящего момента в штате Калифорния позволяет считать его американцем в юридическом смысле этого слова. В подтверждение своей американской идентичности автор приводит ряд признаков, которые вербально выражают ряд национально - специфических концептов: "middle-class Southern California neighborhood", "mostly white neighbors", "playing baseball, basketball, Cowboys and Indians", "wearing Sears Toughskins", "watching Saturday morning cartoons" "speaking English at home". Как можно видеть, основные признаки культурной принадлежности данного человека - от используемого языка до традиционного бытового поведения - характеризуют его как американца в широком смысле этого слова.

Китайская часть национальной идентичности автора данной публикации складывается из национальной принадлежности (my parents are ethnic Chinese who immigrated from Taiwan), физических характеристик (I have black hair, "yellow" skin (I prefer "golden"), and brown, almond-shaped eyes), билингвизма (I can speak Mandarin), целого ряда умений культурно-обусловленного поведения (I did take some kung fu classes.... I can use chopsticks.

I sometimes wear this little jade Buddha thing which was given to me by my mother. I can play the violin.), а также следование определённому ценностному коду (My family stresses the importance of academics and study).

На вопрос "What are you?" автор данного эссе отвечает "I am Chinese", если он находится в США, подчёркивая свои национальные корни, но путешествуя и находясь в другой стране отвечает "I am American", акцентируя своё гражданство.

В заключении своего эссе автор приходит к выводу, что термин "Chinese-American" не совсем удачен в его случае, так как он содержит смысл "не вполне американец", с чем автор категорически не согласен в силу указанных выше аргументов, доказывающих то, что он является "продуктом" породившей его американской культуры:

I don't believe I should be placed under a category such as "Chinese-American". Such a qualified and categorical term tells me that I am not really, fully an American. I believe that I am, without qualification (E.K.).

Э.Као считает, что термин "Chinese-American" может быть приемлем лишь в статистической, бюрократической и юридической сферах.

Подчёркивание приоритета "общего знаменателя" над национально-специфичным находим и в произведении известного публициста Дж.Майкса "Как скрести небеса":

Harlem is the black variation of New York. The Negroes are Americans first and Negroes only in the second place (G.M. - 106).

И ранее:

However, only the superficial observer will be misled into believing that there is no such thing as the United States and the American people. They do indeed exist. They have produced the American way of life, the comic strips in their newspapers; they have their national game, baseball - which is cricket played with a strong American accent - and they have a national language, entirely their own, unlike any other language spoken on this earth (G.M. - 11).

2.3. Роль географического фактора в формировании американского менталитета

В этнографических и культурологических исследованиях отмечается, что особое место среди причин разнообразия культур занимают объективные условия природной среды и географического положения, которые включают ландшафт, климат, флору, фауну, а также другие ресурсы - земельные угодья, полезные ископаемые и т.д.

Не вызывает сомнения тот факт, что национальный характер и ценности, общественное устройство США и их политика неразделимо связаны с природными ресурсами и благоприятным климатическим положением страны. В публицистическом произведении "Письма американского фермера" Мишель-Гийом де Кревкёр (псевдоним Гектор Сент-Джон) также использует природо-обусловленный подход при описании нарождающейся республики: "Люди - как растения; вкус и запах плода происходит от той особой почвы и атмосферы, в которой они произрастают. Мы есть только то, что мы

получаем из воздуха, которым дышим, от климата, в котором обитаем, от правительства, которому мы подчиняемся, от религии, которую исповедуем и от рода занятий, который мы избрали" (H.S.J. - 5).

Одна из важных тем американской истории связана с эпическим повествованием об американских переселенцах, которым пришлось столкнуться с огромной необжитой территорией и осваивать её. В отличие от Старого Света, где люди жили на своей земле с самого зарождения истории, встреча американцев с новой землёй была резкой, неожиданной и часто агрессивной. Эта земля поглощала массу энергии у новой нации и мощно овладевала её коллективным воображением. Часто говорят, что Америка - это нация с избытком географии, но нехваткой истории и в этом выражении есть доля истины. Американцам потребовалось менее четырёхсот лет на то, чтобы покорить более трёх миллионов квадратных миль новой территории; по сути дела, основную часть своей сферы обитания они освоили за последние полтора столетия. Даже сегодня большая часть США является заселённой и освоенной только частично. Неудивительно, что борьба за "покорение" физической географии занимает такое важное место в исторической памяти нации. По мере того как американцы изменяли "лицо" земли, менялись и они сами в процессе постоянных тесных контактов с новым континентом.

Чаще всего покорители Америки не имели чётких географических знаний, но их ожидания были полны оптимизма. За исключением африканцев, которые были привезены в страну в качестве рабов, большинство переселенцев приехало в Америку по своей воле в надежде на лучшую жизнь. Естественно, что они были склонны думать о новой стране положительно, даже если знали о ней очень мало. Очень часто их ожидания оправдывались, и с лихвой, поэтому рассказ об американской истории часто бывает повествованием с географическими эпитетами в превосходной степени.

Даже по самым общим показателям Америка находится в географически выгодном положении. Два океана служат буферами от военной угрозы и долгое время извобляли Америку от необходимости содержать дорогостоящую и потенциально непредсказуемую военную машину. Огромные пространства обеспечивали значительное многообразие природных условий, которые позволяли стране полностью обеспечивать себя сельскохозяйственной продукцией и основными природными ископаемыми.

Хорошо развитая система естественных водных путей связывала территорию воедино, обеспечивая дешёвое передвижение по воде людей и товаров и обуславливая высокий уровень мобильности (как географической, так и социальной).

С течением времени слава о географической изобильности Америки распространилась по всему миру и способствовала привлечению к ней потока иммигрантов, не иссякающего и по сей день. Несмотря на многие преувеличения в характеристике новой территории, которые объяснялись финансовыми интересами землеторговцев и агентов по переселению, правдивая информация о географических особенностях Америки явилась очень важным фактором развития американской истории.

Как и многие другие факторы в истории развития человечества, географически выгодное положение Америки кажется более очевидным в ретроспективе, нежели во время фактического процесса её освоения.

Географические особенности Америки познавались путём проб и ошибок, через тяжёлый опыт многочисленных переселенцев, которые открывали для себя необходимые факты по мере продвижения вперёд и оставили контуры своих маршрутов для изучения потомкам. Эти контуры можно наблюдать и сегодня, и знание их проливает свет на ход истории нации.

Вполне закономерно, отмечает Е.А.Стеценко (Стеценко, 2002), что среди западных стран именно США оказались одним из лидеров в разработке новых подходов к дилемме природы и цивилизации. Благодаря высокому уровню технологического развития и научного прогресса и созданию постиндустриального массового общества, сопровождавшемуся разрушением окружающей среды, они одними из первых ощутили масштабы поразившего планету экологического и духовного кризиса и угрозу надвигающейся катастрофы.

Взаимоотношения человека, природы и общества в США всегда были актуальной проблемой в силу специфики исторической судьбы этой страны. (Известный американский литературовед Перри Миллер, подчеркивая особую роль этих взаимоотношений в национальной истории, назвал американцев "нацией природы" - Nature's Nation).

По мнению Е.Стеценко, осмысление американского мира осуществлялось переселившимися в Новый Свет пуританами преимущественно в контексте библейских мифологем. Она отмечает, что в религиозном сознании американская природа трансформировалась в мифологическое пространство, воспринимаясь как рай или ад, сад или пустыня (wilderness). Мифологемырая или ада были прежде всего образными определениями первоизданной красоты и изобилия или дикости и опасности обретенной земли. Как заметила американская исследовательница Сесилия Тичи, "духовная биография Америки требовала преобразовать Новый Свет в утопическую Новую Землю" (цит. по: Стеценко, 2002). Там предстояло построить истинное христианское государство ("град на горе"), где праведники будут готовиться к апокалипсису и тысячелетнему Христовому царству. Параллельно с совершенствованием душ ради достижения вселенской гармонии должна была совершенствоваться и природа.

Позднее, в процессе дальнейшего развития американского общества, природный фактор стал частью специфически американского философского и литературного течения - трансцендентализма. Природа для трансценденталистов (крупнейшими представителями которых являются Эмерсон и Торо) - это и объект практической деятельности, и высшая духовная данность, и эстетический феномен. Все эти три фактора органично переплетаются в эссе Р.У. Эмерсона. В его описаниях пейзажей социальная маркированность местности преодолевается единством эстетического впечатления: "Сегодня утром я увидел прелестный пейзаж; не сомневаюсь, можно сказать: это не пейзаж, а двадцать или тридцать ферм. Вот это поле принадлежит Миллеру, следующее за ним Локку, а дальше идет роща Мэн-

---

нинга" (цит. по: Стеценко, 2002: 19).

Любое простое объяснение великих исторических событий может оказаться ошибочным или, по крайней мере, недостаточно корректным. Этот аргумент является справедливым и для данного случая, когда мы пытаемся объяснить процесс превращения Америки в мировую державу. Но, тем не менее, ни одно объяснение этого важного факта не будет полным, если оно не будет включать в себя тот аргумент, что экономическая и политическая мощь Америки держится на очень прочном географическом фундаменте. Справедливо и то, что один лишь географический фактор не может объяснить историю успеха Америки. Если бы другие группы людей заселили Америку - с другими орудиями труда, с иными целями и ценностями и иной культурной памятью - история Америки получилась бы другой. Однако, некоторые вещи можно считать очевидными. Богатые природные ресурсы Америки естественным образом сделали заселение Америки делом более лёгким, чем это было бы при других обстоятельствах, а огромное разнообразие географических условий явилось гарантией того, что Америка смогла найти возможности и решимость для прорыва, которых были лишены люди в менее благоприятных частях света. И если богатство страны было вознаграждением за удачу и упорный труд, то разнообразие её природных условий было вознаграждением для тех, кто был способен приспособиться к новым условиям. Географический фактор мог и наказать - и жестоко. Таким образом, если история Америки есть перечень людских успехов, она также является и перечнем несбывшихся надежд. Тем не менее, сами размеры и разнообразие территории Америки внушали оптимизм: если кого-то постигала неудача в одном месте, то всегда можно было найти другие места, где можно было начать жизнь заново. Все эти факторы наложили отпечаток и на языковое сознание американцев. Не случайно самые выдающиеся произведения американской литературы - такие, как романы "Моби Дик" и "Приключения Геккльберри Финна" - представляют собой повествование не столько о противостоянии Человека Человеку, или даже Человека Богу, сколько о противостоянии Человека изобильной, разнообразной и могучей Природе. Это повествование лежит в основе всего американского опыта.

ВЫВОДЫ

1. Уникальность национального характера любого этноса основывается на сложном образе детерминированной культурой и опытом исторического развития структуре ментального мира представителей данного этноса.
2. Ментальность - это система взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы, а её базой является иерархия ценностей, исторически сложившаяся у того или иного этноса.
3. В то время как термин "ментальность" является основной операционной единицей философии и социальной психологии, лингвокультурные исследования тяготеют к использованию термина "этнос", который понимается нами как квинтэссенция культуры, система идеалов и ценностей, до-

---

минирующих в каждой конкретной культуре.

4. Под национальной идентичностью понимается осознание людьми принадлежности к определённом этносу; чувство солидарности с определённым множеством этнически родственных людей в их коллективных и индивидуальных жизненных стремлениях и тех или иных конкретных действиях.

5. Полиэтничность, характерная практически для всех современных государств и составляющая основу американского суперэтноса, не отрицает, тем не менее, существования единой культуры американского народа и возможности выделения ведущих черт американского национального характера, в основе которых лежит индивидуализм, протестантская трудовая этика, научный и светский рационализм.

6. Влияние среды обитания, географического фактора на национальный характер и последующее его отражение в лексической системе языка отмечается как этнографами, так и лингвистами. Природный фактор в США стал одним из факторов и действующих лиц социально-исторического процесса. В процессе освоения и преобразования первозданной природы Америки преобразовывался и характер осваивавших её людей в направлении американизации, ведущие параметры которой были нами рассмотрены в данной главе.

ГЛАВА 3. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА США И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТЕКСТЕ

Язык помнит и хранит тайны,
в нём скрыт высший смысл.

В.Б.Касевич

3.1 Понятия "концепт" и "концептосфера" в современной лингвистике

Термин "концепт" в психологии относится к общей идее или ячейке знания, которая является результатом многих актов восприятия. Он не основан на единичном чувственном опыте. Концепты основываются на обобщениях. Будучи однажды сформированными, они играют важную роль в дальнейшем развитии мышления. Большой корпус слов в любом высокоразвитом языке являются представителями концептов. Каждое из таких слов как "дерево", "собака", "жидкость", "красота" и тысячи других представляют общие аспекты класса вещей, которые и различаются в каких-то других отношениях.

Первая модель концептуальной схемы языка была создана Питером Марком Роже (Roget, Peter Mark. Roget's international thesaurus, 1852), хотя это и не входило в его намерения. Созданные позднее словари Пруденса Бусьера (Boissiere, Prudence. Dictionnaire analogique de la langue française, 1882), Франца Дорнсейфа (Dornseiff, Franz. Der deutsche Wortschatz nach

---

Sachgruppen, 1954) и Джулио Касареса (Casares, Julio. Diccionario ideologico de la lengua Espanola, 1959) создали аналогичные концептуальные схемы для французского, немецкого и испанского языков. Концептуальный словарь английского языка, составленный в 1973г. Джулиусом Лаффалем, содержит попытку представить логико-психологическую концептуальную картину языка на основе анализа отношений слов и концептов в ассоциированном текстовом материале, находящемся в отношениях смежности с этими словами и концептами. Составляя группы доменов (слов, объединённых общим смыслом), автор использует принципы синонимии, подобия и отнесённости. Сам термин концепт определяется данным автором как когнитивная реакция, общая для группы слов из-за присущей им всем общности опыта, описываемого словами (Лаффаль, 1973)

По Хайдеггеру, концепт - это исходное зерно в глубине культуры, которое прорастает в тексте и известно от предков до детей. Использование термина "концепт" можно найти еще в XII в. у П.Абеляра (Философский энциклопедический словарь), где он понимается как структура знания, представленная через интуитивное восприятие. Концепт как информационная структура может быть вербализованным и невербализованным. Можно сказать, что он является синтезом коллективного бессознательного.

В лингвистических исследованиях последнего времени проблеме концепта уделяется очень много внимания в силу ёмкости этого термина и его огромного потенциала для междисциплинарных исследований.

Использование термина "концепт" в лингвистике ведёт свое начало от работы С.А.Аскольдова 1928г. (Аскольдов, 1997), и получило распространение в этнолингвистике, лингвокультурологии и лексической семантике благодаря работам Д.С.Лихачёва (1997), Ю.С.Степанова (2001), А.Д.Шмелёва (2002) и М.В.Никитина (1997). Концепт определяется как "понятие, погружённое в культуру" (Краснова, 2003). С.А.Аскольдов употреблял такое понятие как "этноконцепт".

В.В.Колесов считает, что слово как факт языка есть событие концепта: "слово, являясь знаком, эксплицирует концепт" (Колесов, 2002: 140).

Ю.С.Степанов вводит понятие "константа культуры" для обозначения концепта, существующего постоянно или, по крайней мере, очень долгое время (Степанов, 1997: 76). Специфическое свойство констант культуры как концептов - это их способность к презентации коллективно осознанного духовного, социального или "вещного" культурного достояния того или иного сообщества (безотносительно к осознаваемой или бессознательно протекающей рефлексии на это достояние), с одной стороны, а с другой - способность "описывать действительность, но действительность особого рода - ментальную" (Op.cit.: 54 - 55). Концептуализированную предметную область Ю.С.Степанов понимает как "такую сферу культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) слова, вещи, мифологемы и ритуалы (... в каждом конкретном случае не обязательно должен наличествовать весь перечисленный набор сущностей)... Концепты, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете, как бы "парят" над концептуализируемыми ими областями" (Op.cit.: 68).

М.В.Никитин отмечает, что состав и структура концепта как виртуальной сущности сознания, его содержание и составляющие структуру элементы выявляют себя, актуализируясь в значении разнообразных языковых форм. Само значение языковых форм есть концепт, связанный знаком и трансформированный его ролью в речемыслительном процессе (Никитин, 1974). Способы актуализации концепта М.В.Никитин представляет следующим образом: "Ядро концепта, как правило, выявляет себя в прямом значении имён, а элементы концептуальной структуры обнаруживают себя в процессах тропеизации, словообразования, фразеологизации, в сочетаемостных комбинаторно-семантических процессах, во взаимодействии эксплицитных и имплицитных смыслов, в превращении и модификации суммарного значения высказываний и текстов за счёт этого взаимодействия" (Никитин, 2003, с.174).

Термин "концепт" употребляется нами в его антропоцентрическом аспекте, отражающем вербализованное в знаке коллективное или индивидуальное ментальное образование, связанное с определённым понятием, но не исчерпывающееся им.

Особую актуальность приобрело использование термина "концепт" в русле исследований "язык и культура", проводимых А.Вежицкой, где автору удалось убедительно показать некоторые "неуловимые" смыслы общегородского представления о предмете, идее и т.п., анализируя и сопоставляя их содержание в разных культурах (Вежицкая, 2001).

Идею неразрывной связи концепта и породившей его культуры подчёркивает в своей фундаментальной работе Ю.С.Степанов (Степанов, 2001), а В.В.Колесов пишет о национальном колорите, присущем концепту (Колесов, 1999), что подтверждается и нашими исследованиями. Национально-культурная специфика проявляется в разных способах репрезентации одного и того же концепта, в степени подробности или обобщённости репрезентации концепта в разных языках, в количестве и наборе лексем, в уровне абстракции, на котором концепт представлен в том или ином языке.

В филологических исследованиях используются также понятия, корреспондирующие с понятием концепт - это лингвокультурема и логоэпистема. Лингвокультурема определяется как "единица, включающая в себя единство знака, значения и соотносительного понятия о классе предметов культуры. Семантика лингвокультуремы представляет собой диалектическую связь языкового и неязыкового содержания (референта). Такая единица соотносится одновременно и с собственно языковым планом, и со знаниями о широко понимаемых предметах материальной и духовной культуры; она входит не только в собственно языковые, но и более глубокие внеязыковые "парадигмы" и "синтагмы", т.е. классификационные системы и способ применения в действительности самих вещей" (Воробьёв, 1991, с.104). Концепция логоэпистемы, развиваемая Е.М.Верещиным, В.Г.Костомаровым и др., также корреспондирует с термином "концепт": "логоэпистема - фрагмент и модус души (как индивида, так и национально-культурной общности (= "души народа"))" (Верещин, Костомаров, 2000, с.112).

Понятие концептосферы также очень важно для лингвокультурологи-

---

ческих исследований. Совокупность концептов той или иной области представляет собой концептосферу языка. По мнению Д.С.Лихачёва, слой концептов мало стабилен, чрезвычайно изменчив, т.к. он крайне зависим от носителя языка. Изучение концептосферы любого национального языка открывает её неразрывную связь с культурой народа, в первую очередь, с литературой и устным народным творчеством. Многие исследователи подчёркивают особо важную роль литературы в формировании и поддержании концептосферы национального языка. Отсюда проистекает важность изучения текста как вместилища национально-специфических концептов, причём текст, в отличие от дискурса, отражает наиболее устойчивые и "отстоявшиеся" концепты национального сознания. Печально известные в истории факты сожжения "неудобных" и "опасных" текстов, а также запреты на пользование национальными языками (ср., например, языковую политику США в отношении индейских племён в XIX в.) также свидетельствуют о том, что язык, текст являются реальными и мощными компонентами культурной памяти народа ("You don't have to burn books to destroy a culture. Just get people to stop reading them". Ray Bradbury).

А.Я.Гуревич делит концепты культуры на две группы: "космические", философские категории, которые называются универсальными категориями культуры (время, пространство, причина, изменение, движение), и социальные категории, так называемые культурные категории (свобода, право, справедливость, труд, богатство, собственность) (Гуревич, 1994).

В.А.Маслова предлагает выделить ещё одну группу - категории национальной культуры (для русской культуры это - воля, доля, интеллигентность, соборность и т.п.) (Маслова, 2001). По её мнению, культурно-специфических концептов в любом языке значительно больше, чем кажется на первый взгляд. Например, культурно-специфическим можно считать концепт "картошка". Для русских - это эталон скудного питания (ср. фразеологизм "сидеть на одной картошке"), но не только. Весьма интересные наблюдения над концептом "картошка" у русских содержится в работе современного польского исследователя де Лазари:

"Два года пришлось мне жить в России, чтобы осознать, что чужестранец не в состоянии понять эту страну, думая и рассуждая о ней на своем родном языке. Наконец я понял, что русскую действительность следует познавать через русский язык и лишь потом, прожив здесь некоторое время, можно попробовать этот опыт перевести на польский язык. Когда я стал писать о России, заметил, что некоторые русские слова, хотя у них и есть польский эквивалент, говорят о другом опыте, о другом мире. Чем дольше здесь живу, тем лучше чувствую слова-ключи, слова-знаки, слова-мифы, обозначающие гораздо больше самих слов. Вот картошка... В Польше - это kartofel (все чаще potato) один из гарниров, и говорят, что от нее толстеют и едят все меньше.

Зато здесь картошка - это основа еды, ритуал и способ жизни. Весной картошку сажают, летом окучивают, осенью копают, а зимой на картошке зимуют. Ополячить картошку и назвать ее kartofel или ziemniaki - это лишить ее всего магического и живительного смысла. Даже больше - это перево-

---

доть саму действительность (в значении латинского *transfere*), значит ... терять ее в процессе перевода" (де Лазари, 2002, с.86).

Ю.С.Степанов считает, что культура "пронизывает" человека в виде неких ментальных образований - концептов. Посвящая свое исследование анализу ключевых концептов русской культуры, Ю.С.Степанов в начале работы разграничивает слова "концепт" и "понятие". Он отмечает, что термин "понятие" употребляется в логике и философии, а термин концепт, зародившись в рамках математической логики, закрепился в последнее время в науке о культуре, в культурологии. По определению Ю.С.Степанова, "концепт - это как бы сгусток культуры в сознании человека; то в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт - это то, посредством чего человек, рядовой, обычный человек, не "творец культурных ценностей" - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее" (Степанов, 2002, с.43). Так, иллюстрируя содержание концепта "закон", автор отмечает, что "пучок" представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово "закон" и есть концепт "закон". Отмечается, что концепт - это явление скорее культурно-духовного, нежели логического плана, сопоставимое с "коллективным бессознательным" в психологии. По замечанию И.К. Архипова, слово, выражая концепт, всегда "не попевает" за ним, так как язык беднее мышления (Архипов, 2001, с.11). Нельзя не согласиться с О.И.Титковой в том, что "сама форма вербализация концепта редко дает представление о его актуальности, социальной значимости (ср. 11 сентября, например, 1996г. и 2001г: лишь некое совокупное знание большинства членов социума о том, что произошло 11 сентября, и последующее осознание социальной значимости события представляет актуальный концепт, вербализуемый рекуррентной единицей "11 сентября" (Титкова, 2003, с.85). Приведенный пример иллюстрирует также социально обусловленный характер категории актуальности.

Существенным аспектом понимания сущности рассматриваемой проблемы является то, что в структуре концепта, наряду с некоей универсальной частью, характерной для большинства языков, выделяется и культурно-специфическая часть. Вследствие этого можно говорить о "культурных концептах", содержание которых может варьироваться в зависимости от того, представителем какой культуры является тот или иной человек (Заборский, 2003, с.66).

А.В.Рудакова (Рудакова, 2002), проанализировав взгляды лингвистов на структуру концепта, отмечает, что данная структура носит нежесткий характер. Метафорически З.Д.Попова, И.А.Стернин, Г.В.Токарев представляют концепт в виде облака, так как он все время актуализируется в разных своих составных частях и аспектах, соединяется с другими концептами и отталкивается от них. По Стернину, в этом и заключается смысл мышления (Стернин, 2001). В рамках этой метафоры концепт рождается как единица универсального предметного кода, которая и остаётся его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает объём концепта и насыщает его содержание. Внутри концеп-

---

та перетекают и переливаются концептуальные признаки, концепт не имеет жёстких очертаний и границ. У концепта нет чёткой структуры, жёсткой последовательности слоев, их взаиморасположение индивидуально и зависит от условий формирования концепта у каждой личности (Попова, Стернин, 2001). Те же авторы предлагают полевою модель значения слова (архисемы в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), предполагая, что концепт имеет многокомпонентную и многослойную структуру, которая может быть выявлена через анализ языковых средств её репрезентации. А.В.Рудакова отмечает, что концептуальные признаки в условиях вербализации концепта предстают как семы, а концептуальные слои находятся по отношению друг к другу в отношениях производности, возрастания абстрактности каждого последующего уровня. Интерпретационное поле составляет его периферию, которая состоит из слабо структурированных предикаций, отражающих интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из менталитета разных людей. Противоречивость установок объясняется принадлежностью не к ядру, а к интерпретационному полю, которое содержит "выводы" из разных когнитивных признаков ядра и составляет периферию концепта. Признаки концепта, извлечённые из его интерпретационного поля, показывают пływучесть, смещаемость, диффузность когнитивных слоёв, образующих периферию концепта (О.И.Рудакова, 2002).

Нельзя не согласиться с М.В.Никитиным в том, что, образно говоря, "концепт подобен двуликую Янусу: как сказано, одной стороной он обращён к миру, который он отражает и/или конструирует в сознании, другой - к языку и знакам, которые его выражают и называют (репрезентируют и объективируют). Будучи обращён к языку, концепт предстаёт как значение прежде всего в двух его рассмотренных разновидностях: значение-денотат, значение-сигнификат.... Обращённый к миру один и тот же концепт предстаёт прежде всего в превращённых формах понятия и представления" (Никитин, 2003, с.175).

По мнению В.В.Красных, концепт - это своего рода свёрнутый глубинный "смысл" "предмета" (близкий пониманию концепта текста), который может разворачиваться при возбуждении, активации семантической (ассоциативной) сети. В.В.Красных закрепляет за термином "концепт" следующее понимание: "Концепт - это некая максимально абстрагированная идея "культурного предмета", не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные. Концепт (в виде указанной "идеи") включает в себя определённые коннотации. Такому пониманию полностью удовлетворяют такие единицы, как, например, *душа, грех, свобода, воля, закон* и т.д." (Красных, 2003, с.75).

Идею о специфичности национальных прототипов универсальных концептов разрабатывает и О.Н.Корнилов. Он отмечает, что у универсальных концептов могут быть не только отличающиеся прототипические образы, но и совершенно разные коннотации. Примером тому являются не только обозначения элементов окружающей природной среды, но и обозначения

артефактов материальной культуры. В качестве примера автор приводит описание концепта *чашка*, к которому в разное время обращались разные исследователи (Лабов, Херш, Караматца, Вежбицкая). Полемизируя с А.Вежбицкой, автор отмечает, что, к примеру, китайская чашка не должна иметь ни блюдца, ни ручки и не должна соответствовать прототипу, существующему в сознании англоязычных (или любых других) лингвистов, занимающихся построением универсальных толкований. Нельзя не согласиться с утверждением того же Корнилова, что любой предмет самобытной материальной культуры любого народа не должен соответствовать какому-либо общему для всех культур прототипу.

По нашему определению, национально-специфический концепт - это прототипический образ объекта, ситуации, характеристики, эмоции и т.п., заключающий в себе опыт коллективного языкового сознания и коллективного бессознательного того или иного этноса.

Когда хотят подчеркнуть концептуальное содержание, стоящее за словом, говорят, что слово "не равно самому себе" как, например, это делается при описании значимости концепта "баня" для российской культуры:

"И всё же почему в СССР баня была больше, чем баня, становилась частью образа жизни и чуть ли не национальной философией? Почему так полюбила её интеллигенция? Не потому ли, что баня была отдушиной, солнечным лучом, пространством свободы? От сухого жара раскрывались поры не только физические, но и внутренние, от которых зависит сознание. Расслаблялась плоть, но зато воспарял дух. И жизнь обретала высший смысл и цену. Каждый в эти минуты ощущал себя шукшинским бесконвойным героем... Каждый переживал блаженное освобождение - от рутины, от популярности, может быть, даже от собственного предназначения..." ("Аргументы и факты" № 42, 2003 г., с. 20).

За содержанием одних и тех же слов в разных языках стоят разные, не совпадающие по смысловому объёму концепты, информационное поле которых составляют факты реальной жизни, культурные символы и мифы. Вот каким образом, например, описывается концепт "отечественная война" в сознании современного человека в одной из российских газет:

"Отечественных войн в нашей истории было две. О героях войны 1812 года мы знаем немного, хотя нам кажется, что этот период российской истории изучен нами досконально. Есть скорее некий образ из зала героев войны 1812 года в Зимнем дворце ("У русского царя в чертогах есть палата..."), Бородинской панорамы, восстановленного храма Христа Спасителя и фильма "Гусарская баллада". Ну и Толстой, разумеется.

Великая Отечественная: Жуков (величие и опала), Сталинград, Курская дуга, блокада, знамя над рейхстагом, скрытая Поклонная гора и фильм "Белорусский вокзал" ("Народник" № 4/август/ 2003/).

Ещё один пример из американской литературы. В рассказе, темой которого является диалог latino-американской (мексиканской) и основной американской культуры, приводится анкета, на которую должен ответить студент/студентка колледжа, которые планируют изучать курс мексиканской культуры (Chicano culture). Опросник включает в себя ключевые кон-

---

цепты данной культуры:

THE CHICANO CULTURE QUIZ

Identify the significance or meaning of the following, to the best of your knowledge:

Cinco de Mayo (5th of May)

Dieciseis de Septiembre (16th of September)

Cesar Chaves and the UFW...

Define and distinguish between the following:

Hispanic

Chicano

Mexicano

Mexican-American

Relate the stories of the following:

Our Lady of Guadalupe/La Morenita

La Sebastiana

La Llorona

El Coco/El Cucui

Identify cultural traditions:

Baptism

Quinceaneras

Weddings

Anniversaries

Funerals

La Bendicion (D.C. - 286)

Читающий рассказ понимает, что в этих концептах заключена квинтэссенция мексиканской культуры и без знания их содержания нельзя понять эту культуру и осуществлять эффективную межкультурную коммуникацию. Рассказ называется *Ni Modo* и эта фраза также является концептуально значимой для описываемой культуры - смиренное принятие обстоятельств, которые человек не в силах изменить. В тексте она встречается ещё два раза помимо заголовка. Первый раз - в перечне названий академических курсов:

... Folklore and Tradition in Chicano/Chicana Society - A Look at the Ni Modo Philosophy.

И второй раз - также в сильной позиции - в концовке рассказа, содержащей идею положения "меньшинств" и гендерных отношений в современной Америке.

Ni modo: a phrase meaning that a person accepts what can't be undone; in other words, there is nothing you can do about it, let it go, accept it, might as well. Ni modo.

I looked up again at J.V. Velasques, Ph. D. Mr. Perfectly Educated in his Perfectly Pressed White Linen Suit. He was staring at me now. No mistaking that. He's cute. I stared back. Ni modo (D.C. - 288).

Концепты национальной культуры всегда формируются под влиянием геополитического фактора. На основе проведённого ею анализа ключевых слов британского варианта английского языка М.Н.Цветкова (Цветкова, 2000) выделила следующие константы, входящие в концепт "ENGLISHNESS":

1. home
2. freedom
3. privacy
4. common sense
5. gentleman
6. sense of charity
7. sense of justice
8. sense of humour
9. stiff upper lip
10. affection
11. heritage

Необходимо особо подчеркнуть, что национально-культурная информация является "сердцем" концепта, ядром его содержания и, поскольку концепт объективирован в слове, при освоении чужого слова получатель речи осваивает и определённый сегмент иной культуры. Язык в этом случае выступает средством межкультурной коммуникации.

В качестве иллюстрации приведу пример из произведения Билла Брайсона "Notes from a Small Island", в котором описывается восприятие Англии глазами американца. Рассказчик перечисляет слова английского языка, с которыми ему не приходилось встречаться в Америке. Они-то и представляют национально-специфические концепты, отличающие одну культуру от другой:

England was full of words I'd never heard before - **streaky bacon, short back and sides, Bullish beacon, serviettes, high tea, ice - cream cornet**. I didn't know how to pronounce 'scone' or 'pasty' or 'Tow ester' or 'Slough'. I had never heard of **Tosco's, Perth shire or Denbingshire, council houses, Morecambe and Wise, railway cuttings, Christmas crackers, bank holidays, seaside rock, milk floats, trunk calls, Scotch eggs, Morris Minors and Poppy Day**.... I sat for half an hour in a pub before I realized that you had to fetch your own order, then tried the same thing in a tea - room and was told to sit down.

The tea - room lady called me love. All the shop ladies called me love and most of the men called me mate. I hadn't been here twelve hours and already they loved me. (B.B. - 20).

Концепты культуры отражаются во всех видах искусства. Пример знакомства с культурными концептами через кинематограф описан в упоминавшемся выше романе Билла Брайсона:

Inside, another new world opened for me....The film itself provided a rich fund of social and lexical information, as well as the welcome opportunity to rest my steaming feet and see a lot of attractive young women disporting in the altogether. Among the many terms new to me were '**dirty weekend**', '**loo**', '**complete pillock**', '**au pair**', '**semi - detached house**', '**shirt - lifter**' and '**swift shag**

---

against the cooker', all of which have proved variously useful since (B.B. - 21).

Интересным представляется тот факт, что национально-специфические концепты, подвергшиеся процессу символизации, относятся, в основном, к предметам материальной народной культуры, например: еда, одежда, средства передвижения и т.д.

Так, например, концепты транспортных средств обладают отчётливой и устойчивой национально-культурной спецификой: для характеристики русских в историческом аспекте - это тройка, образ которой запечатлён в народных песнях, традиционных ремёслах, классической литературе (Н.В.Гоголь), а также в современных СМИ (телевизионная заставка программы новостей). Для Америки это, несомненно, автомобиль, который отвечает американскому духу индивидуализма, идее мобильности и национальному стереотипу, согласно которому, если в жизни что-либо не ладится, следует сесть в автомобиль и отправиться на новое место в поисках счастья (сюда же относится и трейлер - типично американское изобретение). Достаточно вспомнить культовый роман Дж.Керуака "На дороге" ("On the Road"). В ставшем классическим произведении Дж.Стейнбека "Путешествие с Чарли в поисках Америки" содержатся такие строки:

"I knew that ten or twelve thousand miles driving a **truck**, alone and unattended, over every kind of road, would be hard work, but to me it represented the antidote for the poison of the professional sick man. And in my own life I am not willing to trade quality for quantity. If this projected journey should prove too much then it was time to go anyway" (J.S. - 3).

Для современной России национально-специфическим концептом, переросшим в символ, является, конечно же, поезд и один из его гипонимов "Красная стрела". Трансформированное название этого концепта встречаем у В.Пелевина в названии книги и одноимённой повести "Жёлтая стрела". Символ паровоза является излюбленным в российской мифологии советского периода, начиная с послереволюционного: "Наш паровоз вперёд лети, в коммуне остановка..." и завершая пелевинским:

"ЖЁЛТАЯ СТРЕЛА, ПОЕЗД НА КОТОРОМ ТЫ ЕДЕШЬ К РАЗРУШЕННОМУ МОСТУ" (Пелевин, 2001, с.260).

Идея мчащегося поезда, символизирующего политический курс страны, выражается и в следующих образах:

"Ещё Серёгу видел недавно. Очень сильно изменился. Не пьёт, не курит. Утризм принял.

- Это ещё что?

- Это религия такая, очень красивая. Они верят, что нас тянет вперёд паровоз типа "У-3" - они его ещё тройкой называют - а едем мы все в светлое утро. Те, кто верит в "У - 3", проедут над последним мостом, а остальные - нет" (Op. cit.: 294).

3.2 Рекуррентные языковые единицы как средство объективации актуальных культурных концептов

Роль повторяющихся, рекуррентных, частотных слов в речевом дискурсе и тексте исследовали такие лингвисты как И.В.Арнольд (1981), А.Вежбицкая (2001), А.Д.Шмелёв (2002), Ю.С.Степанов (1991) и др.

Как известно, вербализованные концепты представляют собой "ключевые слова" (тексты, "культурные сценарии") данного языка и данной культуры. "Ключевые слова" характеризуются частотностью употребления, являются центром семейства фразеологических выражений, входят в поговорки, поговорки, названия популярных книг и кинофильмов. По словам А.Вежбицкой, "в словах языка закодированы определённые способы концептуализации мира" (Вежбицкая, 1999, с.283).

Значительный вклад в разработку теории рекуррентности вносит и работа О.И.Титковой (2003). В отличие от вышеперечисленных авторов, О.И.Титкова изучает не единицы постоянной культурной значимости ("культурные константы", по терминологии Ю.С.Степанова), а так называемые культурно-социальные переменные, выражающие социально значимые концепты в определённый период времени. Термин рекуррентность "привязывается" к уровню языкового стандарта, признаваемого большинством членов социума: "Рекуррентной мы считаем языковую единицу, отвечающую критериям частотности и социальной значимости в определённый период времени на уровне языкового стандарта, т.е. признаваемую большинством членов социума" (Титкова, 2003, с.82). Критерии, которыми пользуется автор для отнесения языковой единицы к данной категории, - это частотность, социальная значимость, временной параметр, локальный параметр. По мнению автора, явление рекуррентности представляет собой одновременно явление системы языка с одной стороны и результат таксономической мыслительной деятельности человека в определённом категориальном аппарате с другой стороны. Для доказательства своего подхода к явлению рекуррентности автор вводит в свой научный аппарат категорию актуальности, которая характеризуется как категория не чисто языковая, но когнитивная и лингвосоциальная. Знания о социальной значимости обозначаемого явления и социальном престиже рекуррентной единицы автор называет **актуальным знанием**, а рекуррентная единица рассматривается как **средство презентации актуального знания**. Нельзя не согласиться с автором в том, что сама форма вербализация концепта редко даёт представление о его актуальности и социальной значимости. Этот тезис иллюстрируется примером со словосочетанием 11 сентября. Если сравнить два выражения, например, 11 сентября 1996 г. и 2001 г, то станет понятно, что лишь некое совокупное знание большинства членов социума о том, что произошло 11 сентября, и последующее осознание социальной значимости события представляет актуальный концепт, вербализуемый рекуррентной единицей "11 сентября". Приведенный пример иллюстрирует также социально обусловленный характер категории актуальности. Осо-

---

бую важность для нашего исследования представляют собой размышления автора о концептуальном поле рекуррентности и концептосфере народа. Суть их сводится к тому, что рекуррентные единицы вербализуют концепты особого рода, по терминологии О.И.Титковой - "актуальные концепты", которые в комплексе в определённый период времени образуют множество объединённых общими признаками концептов, названное автором концептуальным полем рекуррентности. Автор выделяет три основные характеристики концептуального поля рекуррентности:

а) оно постоянно, т.е. является абсолютным показателем концептосферы народа, в нём аккумулируются именно актуальные культурные концепты;

б) имеет фузионный характер. Это означает, что с течением времени параметр социальной значимости нейтрализуется - некоторые актуальные культурные концепты постепенно "растворяются" в концептуальном поле рекуррентности, а на их место приходят другие. Это касается именно социальной значимости, которая эволюционирует во времени значительно быстрее, нежели культурная значимость, удерживаемая в сознании народа поколениями;

в) концептуальное поле рекуррентности гетерогенно, что означает, что параметр социальной значимости неравнозначен в разных концептах одного и того же концептуального поля рекуррентности (например, в течение нескольких месяцев после 11 сентября этот концепт являлся наиболее социально значимым среди остальных). Такие концепты в рамках одного и того же концептуального поля рекуррентности О.И.Титкова предлагает называть доминантными, или доминантой.

Для данного исследования перспективным является положение о том, что рекуррентные единицы обладают лингвокультурной спецификой и что их изучение позволит получить доступ к знаниям культурологического характера в социумах, об их культурной и социальной специфике и (в сопоставительном аспекте) о лакунарности в концептосферах отдельных социумов.

В заключение, подчёркивая главные характеристики рекуррентной языковой единицы, следует отметить, что "языковая рекуррентная единица лексикона выступает как форма представления коллективного знания социума о социальной значимости явления во времени или/и о социальном престиже самой рекуррентной единицы в определённый период времени" (Титкова, 2003, с.85).

3.3 Культурно-специфические концепты доминирующей американской культуры

Как известно, культура означивается её субъектами в материальных "телах" естественных реалий (таких как небо, земля, растения, дикие животные и т.п.), артефактов (типа крест, дом, чаша и т.п.), ментофактов (большинство из которых, типа добро, зло, истина, совесть и т.п., облекается в языковые знаки как означающие для концептов культуры и тем самым при-

---

дает им семиотическое бытие). Как считает В.Н.Телия, "Симболарий культуры - это совокупность кодов, ценностным содержанием которых являются прескрипции, или установки, которые в самом общем виде можно передать как суждения о достойном vs. недостойном человека и/или социума мировидении, миросознании, их деятельностной ориентации и её последствиях" (Телия, 2001, с.409).

Мы постараемся рассмотреть на примере отобранных лексических единиц и представленных ими концептов ценности реальные, то есть те, которыми люди руководствуются в повседневной жизни и которые выражены в материальном коде культуры.

По мнению О.А.Корнилова, знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов - это составная часть когнитивной базы любого социума, объединённого общим языковым сознанием.

Рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, можно, по мнению З.Д.Поповой и И.А.Стернина, получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка: "Чтобы очертить концепт в национальном сознании народа, необходимо суммировать все его семемные и семные репрезентации в языке и текстах и на основе этого сделать вывод о его содержании и возможной структуре" (Попова, Стернин, 1999, с.89). Следует, однако, отдавать себе отчёт в том, отмечают вышеуказанные исследователи, что это всегда будет лишь часть концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью, поскольку он является нежёстко структурированной единицей и результатом индивидуального опыта. Общенациональные и групповые признаки концепта можно выделить через семантику языка, а индивидуальные - через психолингвистический эксперимент.

В соответствии с принятыми подходами к анализу концептов мы будем рассматривать выбранные концепты по следующим параметрам:

1. Этимология;
2. Словарная дефиниция;
3. Культурологическая дефиниция;
4. Тематическая принадлежность;
5. Контекстуальные признаки;

3.3.1. Ключевые концепты бытия американской цивилизации и их лексическая репрезентация

По А.Менегетти, мораль Бытия отражает природный замысел человеческой личности. "У природы свои законы, существующие уже много тысячелетий. Она воплощает их в конкретных материальных формах: людях, деревьях, рыбах, планетах, воде и т.д. "Интенциональность" следует понимать как некий модус, задуманный тем, в чьей власти его воплотить в жизнь" (Менегетти, 2002, с.46).

Большинство из концептов, отобранных нами для анализа, представле-

---

ны лексемами, отмеченными в словарях пометой "Western US". Эти слова и стоящие за ними культурные концепты сделали американскую культуру уникальной, не похожей на культуру, вывезенную из Старого Света. Данные концепты актуализируют целый пласт ментальности, отражённой в фольклоре, литературе, различных видах дискурса и невербальных формах искусства. Американская культура - это прежде всего материальная культура, поэтому лексика, отобранная для анализа, отражает, в основном, бытийную сторону жизни народа, но концепты, стоящие за представленными в языке артефактами, отражают и духовные ценности, связанные с производством данных артефактов. Известная философская формула "бытие определяет сознание" как нельзя лучше отражает логику отбора репрезентируемого материала.

1. **WORK** - [ME werk, work, fr. OE werk, weork, work, akin to OHG werk, werah, work, ON verk, Gk ergon, erdein, rhezein to do, make sacrifice.]

1. activity in which one exerts strength or faculties to do or perform:

a: sustained physical or mental effort valued as it overcomes obstacles and achieves an objective or result - contrasted with play;

b: the labour, task, or duty that affords one his accustomed means of livelihood (six days shalt thou labor and do all thy work - Exd. 20:9);

c: strenuous activity marked by the presence of difficulty and exertion and absence of pleasure;

d: occasional or temporary activity toward a desired end: chore;

e: a specific task, duty, function or assignment often being a part or phase of some larger activity [WNWDAL].

По данным Концептуального словаря английского языка, лексическая единица "work" возглавляет домен "work", который характеризуется следующим образом: перечисление видов работ и деятельности, требующей значительных затрат энергии. Включает в себя следующие идеи: строительство и производство; ручные инструменты и место работы (jobs); усилие и труд.

Последние исследования в области лингвокультурологии (Вежбицкая, 1997; Елизарова, 2000) уже проявили внимание к словам, имеющим чёткие переводческие эквиваленты в сопоставляемых языках, но демонстрирующим и значительные концептуальные различия, например, "friend" и "друг", "freedom" и "свобода" в английском и русском языках. Исследователи в области культурной антропологии идут ещё дальше и показывают, что концептуальные различия в содержании слов имеют место не только у представителей разных культур, но и у разных поколений в рамках одной и той же культуры. Сошлёмся на исследование Маргарет Мид, посвящённое анализу концепта "работа" ("work"):

"Возьмите слово *работа*. Для ваших родителей работа - это то, что они получили по окончании школы: следующая ступень, отчасти пугающая, отчасти волнующая; конец беззаботных школьных дней. Работа - это то, что они собирались получить, были обязаны получить; нечто, что ждало их после школы с той же неумолимостью, что и осень, сменяющая лето. Но что

значит работа для тех, кто родился в 1914 или 1915 годах? То, чего вы могли никогда не получить; то, к чему стремишься и о чём надо молиться; то, для чего голодаешь и крадёшь; в общем - работа. Её не было. Когда эти два поколения вступают в разговор, и всплывает слово *работа* - как они могут понять друг друга? Предположим, что речь идёт о призывнике: "Какая досада, что ему пришлось оставить работу". Для старших эти слова - отъявленный антипатриотический эгоизм. Для молодых они имеют очевидный смысл. Им кажется странным, что старшие видят самопожертвование в том, что женатым и имеющим детей людям пришлось бросить семьи ради военной службы, но не понимают что значит оставить работу в такой же ситуации. "Разве они знают, что означает *работа* в наше время - для тех, кто родился в 1915, 1916, 1917 годах? Разве они знают, что, как в древности человек не был мужчиной, не имея ребёнка мужского пола, так сейчас нельзя считать себя полноценным человеком, не имея работы? Мы не говорим, что не стоит уходить в армию, если у тебя есть работа. Мы просто хотим сказать, что это трудно. Мы говорим то же самое, что они сказали бы о человеке, у которого есть дети. Почему же они так кипятятся?" (Мид, 1988, с.127).

Для американского народа характерно трудолюбие и практицизм, ориентированность на действие, оправданность любого предпринимательства и коммерческой деятельности, приносящей успех; высокая моральная оценка денег и богатства, уважение к плодам своего труда, ответственность:

"Every story, when we were children, revealed a lesson - "**work hard**"..." (J.S. - 132).

В уже упоминавшейся нами работе М.Вебера "Протестантская этика и дух капитализма" (Вебер, 1972) даётся анализ истоков подобного отношения к труду. Объяснение состоит в том, что труд издавна считался испытанным аскетическим средством церковью Запада. Считалось, что он служит превентивной мерой против всех искушений и является поставленной богом целью всей жизни человека. Профессиональная принадлежность человека связывается с провиденциальной идеей, в соответствии с которой Провидение дало каждому его профессию, которую он должен принять и на стезе которой должен трудиться. О значении провиденциальной цели, в соответствии с которой люди делятся по профессиям, мы узнаем по плодам этого деления, поэтому определенная профессия ("certain calling"/"stated calling") является наивысшим благом для каждого человека. Полезность профессии по М.Веберу определяется:

- 1) с нравственной точки зрения;
- 2) степенью важности для "всего общества";
- 3) доходностью.

Моральный кодекс американца выразил в литературе Б.Франклин: труд, а вместе с ним и успех, есть путь к достижению человеком своей независимости.

Библейские предписания: "Трудитесь в поте лица на стезе своей" и "не трудящийся да не ест" вошли в ядерную зону как провозглашаемой так и практически воплощаемой морали американского общества. Словарь крылатых высказываний английского языка издательства "Penguin Books"

(PDQ) также даёт нам богатый материал актуализации концепта "work", прежде всего, из Библии:

Man goes forth to his work, and to his labour until the evening (PDQ - 37, № 24).

Every man's work shall be made manifest (PDQ - 53, № 24)

Словарь американских пословиц (DAP) также фиксирует в своих примерах высокую ценность понятия трудовой деятельности:

It may be hard to work, but it must be harder to want.

Work is a fine fire for frozen fingers.

If your plough be jogging you may have food for your horses (DAP - 283).

Весьма показательным является тот факт, что наличие анализируемого нами концепта и репрезентирующих его лексем характерно и для политического дискурса. Так, например, кандидат на пост вице-президента США от Демократической партии сенатор Дж.Эдвардс начинает свою предвыборную речь с концепта "труд" как одной из основных ценностей американского образа жизни:

You taught me the values that I carry with me in my heart: faith, family, responsibility, and opportunity for everyone. You taught me that there's **dignity and honor in a hard days work** (Edwards, 2004).

В информационных материалах американской прессы, посвящённых деятельности американских президентов, постоянно присутствует лейтмотив работы, часто упоминаются слова "ranch", "horse" и традиционные виды работ, выполняемых на ранчо. Таким образом, создается имидж президента, являющегося представителем своего народа ("a common man").

"We will have an opportunity to continue **the work** on this, one of the very difficult issues, at the **Crawford ranch**," the Russian president said during a joint press conference at the White House on Tuesday.

The Russian leader has been told to dress "casual," said the official, possibly a sign that Bush may not just give him a tour of the property but may encourage him to indulge in his favorite **ranch pastimes**, which include **clearing cedar and chopping wood**.

"We're going to be riding John Deere Gators," a sort of souped-up golf cart, Bush said. "They're a little more compassionate than some **horses**."

The vacation spin started off badly, as lefty pundits pummeled the president for taking a record-long vacation while ordinary Americans were **working** harder and harder and while the economy was leaving fewer and fewer with the ability to take time off. So the Bushes moved aggressively to convince the press that Bush was, in fact, **working like a dog** - a decision they underscored with his nationally televised stem-cell decision from Crawford. The oxymoron "**working vacation**" entered the lexicon, and a torrent of sympathetic editorialists weighed in (W.R.)

Для сравнения можно привести данные исследования Н.В.Уфимцевой (Уфимцева, 2000) о месте концепта "труд" в русской культуре. Она отмечает, что труду в системе ценностей русской культуры, в отличие от протестантизма, отводится место отнюдь не главное: работа для русского прежде всего трудная (33), труд - тяжёлый (40), непосильный (7), напрасный (6), каторжный (5), бесполезный (4). Подобное отношение к труду отражено и в

многочисленных поговорках: "от работы кони дохнут" и т.п. Практически не связаны в сознании русских концепты "труд" и "деньги". Как справедливо отмечает М.В.Никитин, "своеобразие концептов одинаковой предметной отнесенности в разных языках следует относить не на счёт своеобразия языка как формы,... а на счёт своеобразия культур, природных факторов и истории, структур совокупной деятельности общественного человека и особенностей того мира, в котором эта деятельность развёртывается" (Никитин, 2003, с.277).

2. **JOB** - входит в домен "work" по принципу гипо-гиперонимических отношений. [perh. Fr., obs. E. Lump, fr. ME jobbe, perh. Alter. Of gobbe.]

1 a: a piece of work: performance, achievement: a small miscellaneous piece of work undertaken on order at a stated rate;

b: a quality, product, or result of work;

2 a: a regular remunerative employment; position, situation;

b: a specific duty, role or function: work customarily performed: an activity or group of related activities contributing to a larger process [WNWDAL].

Словарь американских идиом Р. Спирса (EAI) приводит также выражение "between jobs", которое является эвфемизмом слова "unemployed", что также характеризует отношение американцев к наличию и отсутствию работы. В современном словаре высказываний знаменитых людей приводится цитата из речи Флоренс Кеннеди - юристки и борца за гражданские права, которая явно имплицитно гендерный аспект данного концепта:

There are very few **jobs** that actually require a penis or vagina. All other **jobs** should be open to everybody (NPDMDQ - 254).

По утверждению А.Вежбицкой (Вежбицкая, 2001, с.35), ключевые слова являются одним из основных способов понимания иной культуры. Рассмотрим с точки зрения роли ключевых слов и основных смыслов один из рассказов Энни Прулкс из ее цикла "Ближнее пастбище". Название рассказа - "Job History" ("Трудовая биография"). Одно из ключевых слов рассказа "ranch" употреблено в сильной позиции рассказа в первом предложении. Это слово, будучи реалией (понятие "ranch" характерно только для американской культуры; оно не тождественно русским понятиям "ферма", "хутор" и др. и относится к разряду безэквивалентной лексики), является самым частотным в рассказе и во всем цикле, передавая один из основных смыслов американской культуры - индивидуальное хозяйство на собственном участке земли. Слово "ranch" употреблено в рассказе 13 раз, являясь ведущим в передаче идеи работы и разнообразных трудовых обязанностей. Тема работы на ранчо, появившись в сильной позиции рассказа, открывает семантические связи для других названий видов трудовой деятельности (таких как, например, "raise sheep", "pump gas", "join the army" и т.д.; всего 29 наименований).

Тематическая цепочка ключевого смысла "работа" представлена в рассказе структурой из 29 элементов, включающей в себя кульминацию - потерю работы (27):

(1) raise sheep

(2) pumping gas

-
- (3) joins the army
  - (4) snow-fence crew
  - (5) drives oil trucks
  - (6) business for themselves
  - (7) ranch supply store
  - (8) rents the service station doing all the carpenter work Lori painting the interior and exterior
  - (9) raises hogs
  - (10) road construction crew
  - (11) takes a job at Tongue River Meat Locker & Processing
  - (12) a temporary job at a local meat locker during hunting season
  - (13) Leeland is out of work and stays home with the baby
  - (14) Lori works in the school cafeteria
  - (15) tries truck driving again... in long-distance rigs on coast-to-coast journeys
  - (16) Lori works now in the kitchen of the Hi-Lo Cafe in Unique
  - (17) quits driving trucks and again tries raising hogs with his father on the old ranch
  - (18) becomes a volunteer fireman
  - (19) Leeland and Lori take a series of buses to Muncie to pick up the vehicle. It is their first vacation
  - (20) Lori gets work cleaning their workshop (the taxidermists')
  - (21) Leeland continued long-distance truck driving
  - (22) the youngest daughter baby-sits
  - (23) Leeland quits truck driving
  - (24) Once more they decide to go into business for themselves. They lease the old gas station where Leeland had his first job and where they tried the ranch supply store
  - (25) Leeland is driving long distance trucks again despite his back pain
  - (26) The oldest son is home, working as a ranch hand in Ulm.
  - (27) The worst year comes. Leeland's mother dies, Leeland hurts his back, and, in the same week, Lori learns that she has breast cancer and is pregnant again.
  - (28) Two springs after Lori's death... hires Leeland to cook.
He is good with meat, knows how to choose the best cuts and grill or do them chicken- fried style to perfection.
  - (29) The oldest son comes back and next year they plan to lease the old gas station and convert it to a motorcycle repair shop and steak house.
- Среди перечисленных профессий и видов занятий мы находим следующие: фермер, работник заправочной станции, солдат, дорожный рабочий, водитель грузовика, владелец магазина, рабочий мясокомбината, безработный, член добровольной пожарной дружины, повар и т.д. Хотя количественно большее число слов, составляющих тематическую цепочку "работы", относится к главному герою, некоторые из них характеризуют членов его семьи. Каждый старается выполнять какую-либо работу, чтобы семья могла существовать: Lori works in the school cafeteria. The youngest daughter baby-sits. The oldest son is home, working as a ranch hand in Ulm (A.P., 86).

Концепт всего рассказа, отражающий один из аспектов американского этоса, состоит в том, что человек наиболее полно проявляет себя через работу; труд представляет собой главную ценность и неперемное условие выживания, становления и ценности человеческой личности, несмотря на жизненные испытания. При этом суть работы не имеет большого значения, важен сам факт ее наличия как источника средств к существованию и как образа жизни.

Система ценностей и культурных особенностей американского этноса включает в себя также следующие признаки:

а) динамика жизни: рассказ Энни Прулкс "Job History" описывает жизнь человека от рождения до старости. Тематическая цепочка, выдвигающая тему "работа", насчитывает 28 наименований занятий и профессий;

б) частая перемена мест, связанная с поисками работы:

(1) his parents move to Unique when his mother inherits a small dog - bone ranch(81).

(2) Leeland and his mother fight over his marriage and Leeland leaves the ranch (82).

(3) Leeland joins the army, puts in for the motor pool. He is stationed in Germany for six years and never learns a word of the language(82).

(4) He comes back to Wyoming...(82).

(5) ... then moves Lori and children to Casper where he drives oil trucks (82).

в) быстрая смена трудовых умений и навыков с целью выживания;

г) важное место спортивной жизни штата в сознании рядового американца:

He is depressed for days when San Francisco beats Denver in the Super Bowl (80).

д) отсутствие интереса к другим языкам и культурам:

He is stationed in Germany for six years and never learns a word of the language (82).

Концепты работы и мобильности тесно связаны между собой в американском менталитете:

'Who's got permanence? Factory closes down, you move on. Good times and things opening up, you move on where it is better. You got roots, you sit and starve. You take the pioneers in the history books. They were movers. They take up land, sell it, move on...Long as there's automobiles I can get work, but suppose the place I work goes broke. I got to move where there's a job. I get to my job in three minutes. You want I should drive twenty miles because I got roots?' (J.S. - 91).

3. "QUILT"

Концепт "work" связан гипо - гиперонимическими отношениями с другими концептами этого поля. Названия конкретных ремёсел несут в себе национально-специфическую информацию и акцентируют виды трудовой деятельности либо ремесла, которым отдаётся предпочтение в том или ином регионе. Наблюдения за рекуррентной лексикой позволили нам выделить особое своеобразие концептов "quilt" и "quilting" для американской культуры. "Quilt" это не просто лоскутное одеяло - это продукт ремесла,

---

принадлежность к какой-нибудь школе или стилю внутри этого ремесла. Это проявление характера через размер и степень сложности рисунка. Рисунок - это ключевые национальные ценности того или иного исторического периода и, наконец, - это общение в кругу единомышленников, собратьев (вернее было бы сказать, сосестёр, но такого слова почему-то нет в русском языке). Концепт "quilting" - это концепт - сценарий, который представлен в качестве национально-специфического концепта в романе Уитни Отто "How to make an American Quilt". Инструктивный стиль, повтор лексемы "quilt" (quilting), наличие лексики, называющей компоненты ремесла и трудовые операции - всё это характерно для этого произведения и других текстов, помещающих в фокус своего внимания национально-специфические ремёсла, чтобы через них показать особенности национального духа, душу этноса и её неповторимое своеобразие. Описание национального ремесла, традиционного промысла особенно важно для этого в силу глубоких исторических корней, которые и определяют отличия между этносами:

Instructions No.2

If you quilt alone, choose your subject carefully. Expect to live with it for approximately two years, depending on the simplicity or complexity of the work. The fairly intricate quilt will contain, roughly, thirty - five pieces per block. Perhaps a thousand pieces in the finished quilt (W.O. - 13).

Вокруг концепта "quilt" выстраиваются цепочки ассоциаций, актуализирующие историю страны, вехи развития национальной культуры:

The 1933 Sears, Roebuck Quilt Contest boasted an accumulated cash prize of \$7,500; \$1,200 for the first-prize winner alone. Manna in the thirties. Shoes for the children. Rent paid up; food to eat. Pressure off your husband for a few months, only until the country turns that fabled corner and rights itself (W.O. - 43).

По законам жанра художественного текста, концепт "quilt", повторяясь, обрастает обертонами смыслов, всё больше проявляет свой антропоцентрический импликационал и, в итоге, символизируется, разрастаясь до размеров человеческой судьбы:

The scenic pattern is the great dream; the repeating pattern a nod to reality. Your life. Everyone's life. Which brings you to the Crazy Quilt and it's lack of order, it's randomness, it's shrouded personal meanings. Differentiated from a quilt with one theme; this other quilt that requires many hands, many meanings juxtaposed with each other (W.O. - 50).

Концепт "quilt" находится и в сильных позициях стихотворения современного американского поэта афро-американского происхождения Мелвина Диксона "Тётя Ида шьёт лоскутное одеяло". В стихотворении два эпиграфа, каждый из которых построен на употреблении этого концепта:

You are right, but your **patch** isn't big enough.

- Jesse Jackson

When a cure is found and the last panel is sewn into place, **the Quilt** will be displayed in a permanent home as a national monument to the individual, irreplaceable people lost to AIDS - and the people who knew and loved them most.

- Cleve Jones, founder, the NAMES Project

Смысл множественности и разнообразия заложен во многих культурных символах США, начиная с национального девиза "e pluribus unum". Знаменитая метафора "melting pot" приложима не только к пёстрому этническому составу Америки, но и к культурно-религиозной сфере. Уилл Герберг употребил развёрнутый вариант этой метафоры: "the triple melting pot: Protestant, Catholic, Jew", подчеркнув тем самым главные культурно-религиозные течения в составе "основного потока".

Эти различия, обусловленные историческими и географическими факторами, нашли своё выражение в излюбленных языковых образах, к которым можно отнести метафоры "quilt", "patchwork" и "tapestry". Как видно из их значения, все они принадлежат к определённым сферам ремесла: шитью и ткачеству. На распространённость этих средств указывает частотность их употребления в качестве названий ряда художественных и научных текстов (Ann Tyler "The **Patchwork** Planet"; W. Otto "How to Make an American **Quilt**"; Raymond Williams "Religions of Immigrants from India: New **Threads** in the American Tapestry").

Концепты прядения, ткачества очень важны в культурном отношении, так как стоящие за ними реальности отличали одну культуру от другой. Ю.С. Степанов отмечает, что "способ приготовления чего бы то ни было вообще в культурном отношении очень важен. Часто различие в способах обработки даже одного и того же вещества определяет различия культур или, по крайней мере, различия двух "парадигм", двух "стилей" в одной культуре. С подобным явлением мы сталкиваемся в материале данного словаря ещё раз, говоря о прядении и ткачестве" (Степанов, 2001: 287).

Примерами культурной символизации продуктов ткачества могут служить шотландская ткань "tartan", африканская набивная (adinkra) или домотканая (kente) ткань, которая несёт особые символы, иллюстрирующие народную мудрость и философский склад мышления и др. Для американской культуры такими же "концептуально нагруженными" словами являются "quilt" и "quilting". По определению словаря MEDAL "quilting" имеет следующие значения:

1. cloth made by sewing several layers together or by filling two layers with feathers or a similar substance;
2. the work of making a quilt, especially of making an attractive quilt together with several other people.

Рассмотрим пути символизации концепта "quilt" на материале стихотворения Мелвина Диксона "Aunt Ida Pieces a Quilt", посвящённого людям, ставшим жертвами СПИДА. Стихотворение начинается с перечисления предметов одежды молодого человека, погибшего от СПИДА, которая передаётся его родственникам: clothes, the hospital gown, too-tight dungarees, blue choir robe, a Sunday shirt. Одежда хранит часть души человека, отпечаток его материального бытия. Важность этих образов для раскрытия концепта стихотворения определяется их появлением в сильной позиции. Здесь же появляется концепт "quilting", выражающий идею изготовления огромного лоскутного покрывала в память о погибших от СПИДА по всей стране:

My niece Francine say they quilting all over the country.

So many good boys like her boy, gone.

Каждая строфа стихотворения содержит лексему "quilt" или слово, тематически связанное с ней: needle, thread, frame, stitch, sackcloth, calico, cotton и др.

Слово "quilt" является идионимом (термин В.В.Кабакчи), обозначающим специфический элемент внутренней культуры, уходящий корнями к её истокам:

Most of my quilts was made down South. My mama
and my mama's mama taught me...

Лоскутное покрывало, сшитое из кусочков одежды погибшего мальчика, становится символом памяти о нём. Материальный и символический смысл объединяются в одном концепте:

When Francine say she gonna hang this quilt in the church
I like to fall out. A quilt ain't no showpiece, it's to keep you warm.
Francine say it can do both.

Обучение ремеслу приравнивается к обучению культурному коду, который передаёт духовные ценности этноса от старшего поколения к младшему опосредованно, на уровне подсознательного восприятия через трудовой код:

... I made Francine come over and bring her daughter Belinda.

We cut and tacked his name, JUNIE,
Just plain and simple, "*Junie our boy.*"
Cut the *J* in blue, the *U* in gold. N in dungarees
Just as tight as you please. The *I* from the hospital gown
And the white shirt he wore First Sunday. Belinda
Put the necktie in *E* in the cross stitch I showed her.

Память об ушедшем человеке должна материализоваться в конкретном объекте или действии. В американской (и афро-американской) культуре - это "quilting". Как часто происходит с объектами повседневной материальной культуры, они, в силу своей актуальности и общедоступности, поднимаются до уровня национальных символов (так государство Гана в год вступления в ООН подарила этой организации полотно из традиционной домотканой ткани "kente" размером 12x20 футов в качестве своего культурного символа).

В данном стихотворении в концепте "quilt" содержится смысл "национальная гордость". Это объективируется в контексте топонимом "Washington":

Francine say she gonna send this quilt to Washington
like folks doing from all 'cross the country,
so many good people gone...

В контексте стихотворения "quilt" становится символом единения людей всех возрастов, национальностей и регионов:

...Babies, mothers, fathers
and boys like our Junie. Francine say
they gonna piece this quilt to another one,
another name and another patch

---

all in a larger quilt getting larger and larger.

Maybe we all like that, patches waiting to be pieced.

Общечеловеческие ценности: терпеливость, сострадание, память и др. символизируются в каждой культуре по-разному. Часто символизируются идионимы, так как концепты, стоящие за ними, отражают истоки той или иной культуры. Концепты "quilt" и "quilting" относятся к константам американской культуры в силу их большой дискурсивной активности.

4. RANCH

"Ranch" относится к доменам "work" и "earth" по ассоциативной связи. Рассмотрим роль данной лексики в формировании и выдвигании национально-культурной информации в макротексте - цикле рассказов И.Энни Прулкс "На прицеле" (Proulx, 1999). В данном случае анализ концентрируется на сильных позициях, которые, как правило, задают тематическую и смысловую направленность повествования.

Ключевым словом цикла рассказов является слово "ranch". Очевидно, что понятие, выражаемое этим словом, является одним из ключевых концептов американской культуры. Подтверждением тому является его присутствие в названиях традиционных песен, кинофильмов (ср. ставший классикой кинематографа фильм 50-х годов с участием Марлен Дитрих "Ранчо, пользующееся дурной славой" (Rancho Notorius, USA, 1952)), литературных произведений. "Словарь английского языка и культуры" издательства "Лонгман" даёт культурологическую ссылку к понятию "ranch", на слово "meanwhile". Как выясняется, фраза "meanwhile, back at the ranch..." являлась ключевой в старых вестернах, когда происходила смена кадра по сюжету фильма: "meanwhile, back at the ranch - a phrase used in old Westerns when the scene changes to show what is happening at the Ranch (= house) while some of the characters have been away from it. The phrase is often used humorously".

Концепт "ranch" и репрезентирующая его лексема активно функционируют и в современном политическом дискурсе. Так, во время встречи на высшем уровне президентов США и России приглашение Джорджем Бушем Путиным на свое ранчо является знаковой ситуацией и указывает на то, что именно пребывание на ранчо позволит представителю другой культуры ощутить квинтэссенцию американского духа.

Возвращаясь к проблемам текста, следует отметить, что образ ранчо, будучи самым частотным в контексте цикла рассказов, символизируется.

Каково же содержание концепта "ранчо" в текстах рассказов? Чтобы определить его объем, проанализируем вначале содержательное ядро значения этого понятия, воспользовавшись словарными дефинициями нескольких авторитетных словарей:

1. Ranch (Western US) - a tract of land used for grazing and the rearing of horses, cattle or sheep.

Also: rancho (Sp., properly, a mess, mess room)

1. A rude hut, as of posts, covered with branches or thatch, where herdsmen or farm laborers may live or lodge at night.

---

2. A large grazing farm where horses and cattle are raised - distinguished from hacienda, a cultivated farm or plantation (Mexico and California).

3. Am E - a farm that produces the stated thing: a fruit/chicken ranch

4. Ranch house: a 3 - bed ranch with 2-car garage [WIDEL].

II. Ranch (in the Western US and Canada) - a very large farm where sheep, cattle, or horses are bred [RHDEL].

III. Ranch n. [Mex. Sp. Rancho - small ranch; fr.Sp. camp, temporary habitation, hut and Sp. Dial.(Andalusia), small farm, fr. OSp ranchar(se), ranchear(se) to take up quarters, be billeted, fr. MF (se) ranger to take up a position, be quartered, fr. Ranger = to set in a row, place, station]

1. an establishment for grazing and rearing of horses, cattle, or sheep that usually includes the buildings occupied by the owner and employees with the adjacent barns and corrals;

2. a farm of any size usu devoted to the raising of one particular speciality (poultry ~; wheat ~; milk ~)

dude ranch (US) - ranch organized for tourists [WNWDAL].

В содержательной структуре ядра значения содержится указание на принадлежность этого слова американскому образу жизни. Следовательно, следуя подходу проф. Никитина М.В. (Никитин, 1997), этот признак можно отнести к интенционалу значения слова. Такой же характер носит функционирование национально-культурного компонента или маркера и у других реалий: "cowboy", "wrangler", "drag", "gas-pump", etc. Исследования последних лет в области лингвокультурологии показали, что концептуальные универсалии могут иметь совершенно различные прототипы, т. е. в каждом языке в соответствие универсальному концепту приводится свой собственный национально-специфический образ этого концепта.

В словах же, не имеющих в структуре значения такого четкого национально-культурного маркера, широко употребляющихся в американской прозе западного региона, таких как "farm", "cattle", "livestock" и др., национально-культурный компонент располагается на уровне импликационала значения и может проявлять себя в микро - и макроконтексте художественного произведения.

В системе культурных ценностей североамериканского этноса ранчо - это не просто жилище и угодья для разведения скота, это образ жизни, своеобразная психология, "плавильный котел" для формирования определенных черт характера. Для многих американцев ранчо - это, прежде всего, символ "малой родины", который ассоциируется с концептом "детство". Как и во всех индустриальных цивилизациях, города вбирают в себя бывших жителей сельской местности, оставляя им душевную тоску по "утраченному раю". В соответствии с подходом Ю.С.Степанова, концепт имеет "трёхслойную" структуру: 1) "актуальный слой"; 2) дополнительные, или "пассивные" признаки; и 3) "внутреннюю форму" (Степанов, 2001: 47 - 49). Смысл "малая родина" входит в актуальный слой концепта в силу высокой частотности употребления лексической единицы "ranch" в этом значении. На уровне структуры лексического значения он входит в свободный импликационал значения:

When I was a child on the **ranch** near Salinas, California... (J.S. - 55)

Long ago I owned a **little ranch** in the Santa Cruz mountains in California. In one place a forest of giant madroñe trees joined their tops over a true tarn, a black, spring - fed lake. If there is such a thing as a haunted place, that one was haunted, made so by dim light strained through the leaves and various tricks of perspective (J.S. - 57).

Концепт "ranch" включает в свой смысловой объем также следующие признаки национального характера и образа жизни:

а) индивидуализм:

In the long unfurling of his life, from tight-wound kid hustler in a wool suit riding the train out of Cheyenne to geriatric limper in this spooled-out year, Metro had kicked down thoughts of the place where he began, a **so-called ranch** on strange ground at the south hinge of the Big Horns (A.P. - 19).

б) трудные природные условия; постоянная схватка с Природой, из которой человек далеко не всегда выходит победителем:

They called it a **ranch** and it had been, but one day the old man said it was impossible to run cows in such tough country where they fell off the cliffs, disappeared into sinkholes, gave up large numbers of calves to marauding lions, where hay couldn't grow but leafy spurge and Canada thistle thrive, and the wind packed enough sand to scour windshields opaque (A.P. - 19).

Dangerous and indifferent ground: against its fixed mass the tragedies of people count for nothing although the signs of misadventure are everywhere (A.P. - 97).

в) работоспособность, закалка, выносливость:

Boys were money in the bank in that country and Ice brought them up to fill his labor needs (A.P. - 99).

г) определенная "грубость" натуры и "тяжесть" характера как реакция на тяжелые условия жизни:

The country, it's horses and cattle, suited them and they loved anything that was it, and they ran that country because there were eight of them and Ice and they were of one mind (A.P. - 101).

Концепт "ranch" передаёт дух Америки, её традиционные ценности и частью своего смыслового объёма этот концепт охватывает и политическую сферу. Непременное условие успешной карьеры политика на Западе США - это его "отношения" с ранчо. Человек, не знакомый с этой основой земли американской, не будет иметь политического доверия со стороны избирателей. Описание этой стороны американской ментальности находим у Стейнбека в "Путешествиях с Чарли в поисках Америки" при описании Техаса:

The tradition of the frontier **cattleman** is as tenderly nurtured in Texas as is the hint of Norman blood in England. And while it is true that many families are descended from contract colonists not unlike the present - day braceros, all hold to the dream of **the longhorn steer** and the unfenced horizon. When a man makes his fortune in oil or government contracts, in chemicals or wholesale groceries, his first act is to buy a ranch, the largest he can afford, and to run some cattle. A candidate for public office who does not own a **ranch** is said to

---

have little chance of election. The tradition of **the land** is deep fixed in the Texas psyche. Businessmen wear **heeled boots** that never feel a stirrup, and men of great wealth who have houses in Paris and regularly shoot grouse in Scotland refer to themselves as little old country boys. It would be easy to make sport of their attitude if one did not know that in this way they try to keep their association with the strength and simplicity of **the land**. Instinctively they feel that this is the source not only of wealth but of energy. And the energy of Texans is boundless and explosive. The successful man with his **traditional ranch**, at least in my experience, is no absentee owner. He works at it, oversees his herd and adds to it. The energy, in a climate so hot as to be staggering, is also staggering. And the tradition of **hard work** is maintained whatever the fortune or lack of it (J.S. - 200).

Здесь употреблён целый ряд культурно-специфичных слов (идионимов), объединённых семантической связью - "land", "ranch", "work", "steer", "cattleman", "heeled boots", которые принадлежат к ядерной зоне концептосферы английского языка США.

Их базовый характер по отношению к другим слоям американской культуры явствует и из следующего описания того же автора:

By its nature and its size Texas invites generalities, and the generalities usually end up as paradox - **the 'littl ol' country boy'** at a symphony, **the booted and blue - jeaned ranchman** in Neiman - Marcus, buying Chinese jades (J.S. - 201).

Душа американца, особенно если он с Запада, имеет нерасторжимую связь с землёй, аграрной культурой и составляющими её ценностями.

Как и многие концепты, имеющие особую актуальность для той или иной культуры, концепт "ranch" характеризуется определённой амбивалентностью.

Так, в контексте цикла рассказов Э.Пру понятию "ranch" часто сопутствуют признаки, указывающие на некий упадок, сопутствующий этому типу хозяйствования и образа жизни: "a so-called ranch", "they called it a ranch and it had been", "...the scratch of Wyoming dirt he named as home".

У Дж.Стейнбека:

Straight down there, forty miles away, our family ranch was - **old starvation ranch** (J.S. - 180).

Импликационал понятия "ranch" включает в себя множество признаков, порой исключаящих друг друга. С одной стороны, ранчо - это символ дома, "малой родины", источник жизненных сил. С другой стороны - это "тюрьма", ловушка, вовлекающая человека в круг повторяющихся монотонных обязанностей, ограничивающая его социальные контакты и возможность увидеть другую, полную разнообразия жизнь. Поэтому уход с ранчо иногда воспринимается как символ новой жизни:

Every ten days or so Ottaline reared up and said she wanted to go to town and look for a job (A.P. - 127).

Ottaline was dissolving. It was too far to anything: someone had to come for her (A.P. - 128).

"Is it raining yet?" she repeated. It was raining everywhere and people were

---

alive in it except in the Red Wall country (A.P. - 129).

Мы наблюдаем, таким образом, что в контексте объем понятия "ranch" увеличивается за счет актуализации признаков из области его свободного (иногда отрицательного) импликационала. Повторение образа "ranch", в совокупности всех реализуемых данным понятием признаков, ведет к символизации данного понятия, делает его "ключом" к пониманию национальной культуры, национального менталитета.

Для сравнения рассмотрим, какие аспекты понятия "ranch" реализуются в нехудожественной, информационной коммуникации, а именно в текстах политических комментариев.

Объектом анализа были избраны обзоры корреспондентов различных агентств печати, посвященные визиту президента России В.В.Путина в США. Анализ тематической отнесенности лексики показал, что слово "ranch" является ключевым при описании неформальной части визита. Оно вынесено в заголовки некоторых материалов, например, "President Bush Hosts Russia's President Putin at His Texas Ranch" (Ross, 2001); "Bush Welcomes Putin To Ranch" (Кнох, 2001); "Bet the Ranch" (Lizza, 2001). Слово "ranch" встречается в контексте публикаций в различном лексическом окружении: "his ranch in Crawford, Texas"; "the Putins arrived at the ranch... in a light rain"; "as he took them on a tour of the ranch"; "the Ranch Hands" (название группы, играющей музыку в стиле "кантри-вестерн свинг"); "presidents beloved ranch"; "his favorite ranch pastimes".

Анализ контекста по методу тематической сетки, предложенному И.В.-Арнольд (Арнольд, 1981) позволил выделить следующие признаки понятия "ranch": "дом", "гостеприимство", "отдых, досуг", "труд", "традиционная пища". В дополнение к данным признакам, которые встречаются также и в художественных текстах, в жанре политических комментариев актуализируются такие признаки понятия "ranch" как "домашняя резиденция президентов США", "место встречи на высшем уровне", "место политических переговоров". О важности места понятия "ranch" в системе национальных ценностей свидетельствует фрагмент следующей публикации:

"It's the president's first year in office. He has just passed one of the biggest tax cuts in history. In August he escapes Washington for a month at his Western ranch, in the state where he served two terms as governor. His top communications adviser, worried that the long vacation is reinforcing a widespread perception of him as indolent, suggests the president spend less time on vacation. The president loses his temper. "Look", he says, you can tell me to do a lot of things, but **you're not going to tell me when to go to the ranch.**" It's an admirable moment: the president bucking his handler's ceaseless appetite for spin. But the handler is not Karen Hughes, it's Michael Deaver. **The ranch** is not Prairie Chapel in Texas, **but Rancho del Cielo** in California. The anecdote comes not from sources in Crawford, but from Lou Cannon's biography. And the president is not George W. Bush, but R. Reagan" (Lizza, 2001).

То внимание, которое уделяется политическими историками анализу отношения различных президентов США к пребыванию на ранчо, - рассматривается ли это пребывание как отдых (vacation) или деятельность на

пользу общества ("Western White House") - подтверждают наше предположение о роли понятия "ranch" как одного из важных концептов в иерархии американских национальных ценностей.

By showcasing **the Crawford ranch**, the Bush spinmeisters hope to show voters that Bush had a life, an identity, and a home before he entered the White House. But the third point, at least, is certainly untrue. **The Crawford ranch** does not precede Bush's life on the national stage; it is a product of it. When Bush was just governor of Texas, he didn't have **the ranch**--it was bought two years ago, with his presidential campaign at full steam. Before then, he lived in the governor's mansion and spent vacations at a home he owned at a members-only lakeside retreat in East Texas called the Rainbo Club, which caters to the Dallas elite. His other holiday destinations were the Bush family compound in Kennebunkport, Maine, which did so much to identify his father as an aloof preppy, and the Gasparilla Inn, a luxurious Florida hideaway owned by an heir to the DuPonts, where the Bush family went after the Florida recount. As one Texas newspaper noted back when Bush purchased **his ranch**, "Mr. Bush has no roots in the area." But after seven trips there as president, Bush has most of the national press convinced that he was practically born and bred in Crawford. It's a great political feat (Lizza, 2001).

5. COWBOY

I didn't think Jesus was a married man. May be not a married man, but **he was a cowboy, the original rodeo cowboy**. It says it right in the Bible.

E. Annie Proulx. A Close Range

Данное слово входит в концептуальные домены: "animal" и "male" по принципу ассоциативной (в первом случае) и гипо - гиперонимической связи.

По данным словаря английского языка и культуры издательства Лонгман, слово имеет следующую дефиницию:

Cowboy - a person employed to look after cattle, especially on horseback in Northern America (LDELC).

Образ ковбоя оставил неизгладимый след в американской культурной памяти - отчасти, из-за важности работы, которую он выполнял, и отчасти, из-за статуса народного героя, который продолжает возрастать и укрепляться со сменой поколений и который, благодаря процессам глобализации (реклама, СМИ), вошел в культурное пространство многих народов мира. Концепт "cowboy" относится к доминантным концептам бытия американской культуры, так как род занятий, связанный с уходом за скотом, восходит к библейским временам и является частью жизненного опыта этносов любого континента, имеющего в качестве природных условий естественные пастбища и любой из видов крупного рогатого скота. По мнению исследователей американской культуры, корни американского индивидуализма уходят в колониальный период, где идеи "онтологического индивидуализма" Локка были широко известны и влиятельны. Позднее образы никем не ограниченной сильной личности - ковбоя, золотоискателя и предпринима-

---

теля становятся центральными темами американской мифологии.

Обратимся к словарной дефиниции слова "cowboy", освещающей его основные содержательные характеристики:

Cowboy - n., often attrib.[cow + boy]

1 a boy that tends cows;

2 a: one of a band of loyalist guerillas and irregular cavalry that operated mostly in Westchester county, New York, during the American Revolution;

b: an outlaw or gangster in the early days of the U.S. West;

2 a: one who tends or drives herds of cattle particularly in western U.S. and Canada; typically: a distinctively accouted horseman tending large herds of beef cattle - called also cowpuncher;

b: a usually mounted cattle ranch hand;

c: (1) a rodeo rider: a performer who gives exhibitions of roping, riding, bulldogging; (2) an actor whose usual role is that of a cowboy, a gunman, or adventurer in a Western;

3 one given to display or to recklessness; esp.: an automobile driver who violates rules of safety and law (WNID).

Анализ этимологии концептов показывает, что во многих случаях американские культурные символы были заимствованы у других народов, присвоены американской культурой и мифологизированы.

Так, профессия ковбоя была заимствована из Мексики. Подтверждение этому мы находим в информационных текстах, посвященных истории появления этой профессии:

The Spanish style of herding cattle on open ranges was different from the style of other Europeans, particularly, the English. The American "rancho" was possible because of the lack of enough water for normal agricultural practices, and because of the easy availability of large amounts of land. This land-extensive form of cattle - raising required different techniques and brought forth the vaquero, the cowboy (from the Spanish vaca, cow) who tended the widely-scattered herds of Spanish longhorn cattle" (SAT, 1991).

Однако, само слово "cowboy" зародилось на Атлантическом побережье вместе со словом "cowpen" (загон для скота) и в 18-м веке произносилось как два отдельных слова: "cow boy".

Расцвет ремесла ковбоев приходится на 1865 - 1885 гг., когда возникла необходимость доставлять скот с Запад США в истощенные Гражданской войной восточные территории. Эта профессия собирала вместе пёструю компанию людей вне зависимости от их социального происхождения. По свидетельству исторических источников, более 50% ковбоев составляли бывшие чернокожие рабы, получившие свободу при эмансипации, а также латиноамериканцы - метисы - потомки смешанных браков между испанскими плантаторами и темнокожими рабами. Ковбойское ремесло было востребовано, хорошо оплачиваемо и пользовалось уважением в обществе. Это движение закончилось в 1880-е гг. с изобретением колючей проволоки для огораживания пастбищ, которая стала вытеснять открытые пастбища (open range) и с распространением железных дорог на Запад. 4 июля 1886 г. в Прескоте, штат Аризона, было проведено первое платное

родео, чтобы продемонстрировать и сохранить искусство ковбоев. Эпоха ковбоев длилась всего 20 лет, но оказала огромное влияние на американскую культуру.

Рассмотрим этимологию концепта "cowboy" и его ассоциативное поле. В художественных текстах и в обыденном сознании в концепте "cowboy" акцентируется, прежде всего, его принадлежность американской культуре. Происхождение же данного концепта, как мы уже отмечали, связано с жизнью мексиканского этноса.

Научно-популярный текст об истории развития культуры ковбоев содержит упоминание о такой типичной черте американского национального характера - приписывать себе первенство в изобретении всего. Именно так случилось и с ремеслом ковбоя, которое, возникнув в Мексике, было освоено (и присвоено) американскими фермерами:

Because of the American penchant to be considered the inventor of nearly everything, the wide-open style of cattle-ranching was appropriated from the Mexican originators. As popular a folk-hero as the American cowboy is, he owes his development to the Spanish and the Mexicans, not to the English (SAT, 1991).

Некоторые исследователи идут еще дальше и отмечают, что кроме вложения капитала, американские фермеры и ковбои не внесли ничего нового в развитие скотоводства на Юго-Западе США:

It is quite probable, as McWilliams asserts, that "with the exception of the capital required to expand the industry, there seems to have been nothing the American rancher or cowboy contributed to the development of cattle-raising in the Southwest" (SAT, 1991).

Название многих реалий ковбойской культуры пришло из Мексики и имеет испанское происхождение: седло с орнаментированным рогом: chaparejos or chaps;- lazo, lasso; la reata, lariat;-аркан, лассо; the cinch;-подпруга; the halter;-недоуздок; the mecate, or horsehair rope; chin strap for the hat; etc.

Ковбойский слэнг также имеет испанское происхождение: juzgado, hoosegow (кутузка), rancho, rancher (фермер); estampada, stampede (паническое бегство животных), colaboza, calabooze; and pinto for a painted horse.

Интересно отметить, что движение ковбоев, просуществовав сравнительно короткий срок, послужило основанием для появления одной из самых ярких фигур американского фольклора - героя на коне.

Словарь английского языка и культуры издательства "Лонгман" даёт следующий культурологический комментарий к слову "cowboy":

The idea that most people have of cowboys comes from cowboy films and is not very realistic. People think of cowboys as wearing special clothes such as Stetsons and long boots, independent, and strong. People sometimes compare American men to cowboys if they have a very independent job and behave in a very masculine way:

The American engineers on the Kuwait oil operation are modern - day, tobacco - chewing cowboys with hard hats instead of Stetsons [LDELС].

Фигура ковбоя вошла в концептосферу американской культуры также

через образы, созданные кинематографом, например, фильмы на тему "Sheriff and bad cowboys". В культурологическом комментарии того же словаря мы находим следующую информацию: "These films do not give a true picture of what life was like in the wild west but for most people this is how they imagine the wild west used to be".

Слова ассоциативного поля понятия "cowboy" включают в себя следующие лексические единицы: cattle drive, outfit, trail, the trail boss/the range boss, the cook, point man, swing riders, flank riders, drag riders, the wrangler, stampede lariat/lasso, cattle rustler, chuck wagon, chaps, ten gallon hat, bandana, vaqueros, rodeo.

Концепт считается ключевым для той или иной культуры, если он фигурирует в фольклоре, мифологии, литературе, а также в других формах национальной культуры. Всё это справедливо для концепта "cowboy". Самые ранние упоминания слова "cowboy" в литературном творчестве находим в фольклоре. Следующая баллада (автор неизвестен) относится ко 2-й половине XIX века:

As I Walked Out in the Streets of Laredo

As I walked out in the streets of Laredo,
As I walked out in Laredo one day,
I spied a poor cowboy wrapped up in white linen,
Wrapped up in white linen and cold as the clay.

'I see by your outfit that you are a cowboy,'
These words he did say as I boldly stepped by.
Come sit down beside me and hear my sad story;
I was shot in the breast and I know I must die.

'Let sixteen gamblers come handle my coffin,
Let sixteen cowboys come sing me a song,
Take me to the graveyard and lay the sod o'er me,
For I'm a poor cowboy and I know I've done wrong.

It was once in the saddle I used to go dashing,
It was once in the saddle I used to go gay,
'Twas first to drinking and then to card playing,
Got short in the breast, I am dying today.

'Get six jolly cowboys to carry my coffin,
Get six pretty girls to carry my pall;
Put bunches of roses all over my coffin,
Put rose to deaden the clods as they fall.

'O beat the drum slowly and play the fife lowly
And play the dead march as you carry me along,
Take me to the green valley and lay the sod o'er me,

For I'm a young cowboy and I know I've done wrong.'

We beat the drum slowly and played the fife lowly,
And bitterly wept as we bore him along
For we all loved our comrade, so brave, young and handsome,
We all loved our comrade although he'd done wrong

(The Faber Book of America, 32)

Концепт "cowboy" занимает одну из центральных позиций в концептосфере английского языка США и, следовательно, в языковой картине мира американского этноса. Появление в едином контексте слов "Jesus" и "cowboy", пусть даже с юмористической окраской, свидетельствует о значимости этого концепта для американской культуры:

"I didn't think Jesus was a married man."

"Maybe not a married man, but he was a cowboy, the original rodeo cowboy. It says it right in the Bible. It's in Matthew, Mark, Luke and John." He adopted a sanctimonious tone: "Go into the village in which, at your enterin, you shall find a colt tied, on which yet never no man sat; loose him and bring him here. The Lord hath need a him. And they brought him to Jesus, and they cast their garments upon the colt and they set Jesus on it.' Now, if that ain't a description a bareback riding I don't know what is" (A.P. - 68).

Еще одним признаком концепта "cowboy", реализующимся в контексте художественного произведения (рассказ П.Хьюстон "Ковбои - моя слабость"), является привлекательная внешность:

I have a picture in my mind of a tiny ranch on the edge of a stand of pine trees with some horses in the yard. There's a woman standing in the doorway in cutoffs and a blue chambray work shirt and she's just kissed her **tall, bearded, and soft-spoken** husband goodbye (P.H. - 108).

Признаки "tall" и "soft-spoken" повторяются в контексте рассказа, подчеркивая типичность такого представления о ковбое.

Five o'clock the next morning was the first time I saw **the real cowboy**. ... He was **tall** and thin and **bearded**.

That's when the **tall** cowboy, the one from that morning, walked out of the holding pen behind me...

He was more than a foot **taller** than me, and his hat added another several inches to that (P.H. - 116).

Следующий признак, который мы встречаем в контексте рассуждений о ковбоях, это нечто, заданное имплицитно, что угадывается как некое благородство характера:

It all went back to the girl in the log cabin, and how the **soft-spoken** man would react if she thought she was going to have a baby. It would be winter now, and snowing outside the windows warm with yellow light. **He might dance** with the sheepdog on the living -room floor, **he might sing** the theme song from Father Knows Best, he might go out and **do a swan dive** into the snow (P.H.-115).

I tried to get his opinion on music and sailing, but just like a cowboy, he was **too polite** for me to tell anything for sure (P.H. - 21).

Актуализация сущности характера ковбоя, некоего морального "стержня" часто осуществляется через представление его внешних характеристик:

They told me that he'd made two thousand dollars in one afternoon doing a Wrangler commercial. That he'd been in a Laundromat on his day off and the director had seen him through the window, had gone in and said, "Hey, **cowboy**, you got an hour? You want to make two thousand bucks?"

"Ole Monte," Buck said. "He's **the real thing**."

Признак "real" является основой мифологизации данного концепта.

"Real" имплицитно подразумевает надёжность, порядочность и другие достойные человеческие качества:

But a **real cowboy** is hard to find these days, even in the west. I thought I'd found one on several occasions, I even at one time thought Homer was a cowboy, and though I loved him like crazy for a while, somewhere along the line I had to face the fact that **even though Homer looked like a cowboy, he was just a capitalist with a Texas accent who owned a horse** (P.H.-109).

Здесь акцентируются основные внешние признаки ковбоя - наличие лошади и техасский акцент, в то время как душевные качества намечены в подтексте. Концепт "horse" находится в гипонимических отношениях с концептом "cowboy" в данном случае, т.к. наличие лошади является основным признаком, связанным с понятием "cowboy" и отражающим его внешние характеристики:

First we talked about our **horses**. It was the logical choice, the only thing we really had in common, but it only lasted twenty minutes (P.H. - 121).

As the figure came closer I saw it was **a horse, a big chestnut**, and it was carrying a rider **at a full gallop** and it was coming right for the car (P.H. - 123).

He winked and touched **the horse's flank** with his spurs and it hopped a little on the takeoff and then there was just dirt flying while the high grass swallowed the horse's legs (P.H. - 123).

Другие гипонимы, входящие в концептуальное поле понятия "cowboy", отражают типичные черты внешнего вида ковбоя: hat, stampede strap, chaps, leather gloves.

Все предметы, представленные концептами-гиперонимами, являлись функционально-важными, необходимыми для жизни ковбоя. Все их можно считать национально-специфическими концептами, т.к. они отражены во всех формах американского искусства, включая живопись, кинематограф, литературу.

Пример экфрасиса (термин Н.А.Абиевой), а именно - вербального описания живописного полотна или художественной фотографии ковбоя в стихотворении Дэвида Ферри подтверждает наше предположение о ключевом характере данного концепта в концептосфере английского языка США.

Photographs from a Book: Six Poems

David Ferry

IV

Plate 134. By Eakins. "**A cowboy in the West.**

An unidentified man at the Badger Company **Ranch**"

His **hat**, his **gun**, his **gloves**, his chair, his place
In the sun. He sits with his feet in a dried-up pool
Of sunlight. His face is the face of a hero
Who has read nothing at all about heroes.
He is without splendor, utterly without
The amazement of self that glorifies Achilles
The sunlike, the killer. He is without mercy
As he is without the imagination that he is
Without mercy. There is nothing to the East of him
Except the camera, which is almost entirely without
Understanding of what it sees in him,
His **hat**, his **gun**, his **gloves**, his homely and
Heartbreaking **canteen**, empty on the ground.

(The Faber Book of America, 339)

Одежда - это культурный код, соблюдение которого совершенно необходимо для успешного функционирования в социуме. В приведённом ниже примере мы наблюдаем употребление ряда идиомов, обозначающих уникальные концепты бытовой сферы культуры США:

Down East this cap did not draw a second glance, but when later, in Wisconsin, North Dakota, Montana, I had left the sea far behind, I thought it drew attention, and I bought what we used to call **a stockman's hat, a Stetson, not too wide of brim, a rich but conservative Western hat of the kind my cow - harring uncles used to wear** (J.S. - 40).

Ещё одним признаком, на основе которого происходила мифологизация понятия "cowboy", является некоторая загадочность или романтический ореол, присущий понятию "cowboy":

I've always **had this thing about cowboys**, may be because I was born in New Jersey (P.H. - 109).

There was a time when I was sure Homer was the man who belonged in my painting and I would have sold my soul to be his wife or even only his girl - friend (P.H.-110).

Штат Нью-Джерси находится на Восточном побережье США, поэтому концепт, связанный с культурой Запада США, является экзотическим и привлекательным.

Говоря о мифологеме ковбоя, следует принять рабочее название этого термина. Термин "мифологема" был заимствован общеупотребительной научной лексикой из юнгианского психоанализа для обозначения устойчивых и повторяющихся конструктов коллективной общенародной фантазии, обобщённо отражающих действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций, одушевлённых существ, которые мыслились архаическим сознанием как вполне реальные. По определению Ю.М. Лотмана, "мифологемы - коллективные и индивидуальные - являются именами собственными, либо выступают в функции имён собственных... понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализовываться в виде постоянных эпитетов или других слов - спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте" (Лот-

---

ман, 1979: 104; 115).

В протестантской культуре, которая доминировала в США на протяжении двух столетий, высоко ценились такие человеческие качества как бережливость, трудолюбие и соответствие своему божественному предназначению ("predestination"), о чём напрямую мог свидетельствовать успех в трудовой деятельности. Всё это олицетворял собой ковбой, выполняющий свой нелёгкий труд на полных опасностей просторах дикого Запада.

Мифологизация концепта "cowboy" произошла в силу важности философии индивидуализма и преодоления трудностей для американского этноса, т.е. по его сущностному признаку. Но составляющими символа явились признаки внешние, привлекательные для обыденного сознания.

В результате процессов межкультурной коммуникации слово "ковбой" достаточно широко вошло и в дискурс разговорного русского языка и появляется с прямо противоположными оценочными значениями каждый раз, когда речь заходит об Америке. Нами было отмечено его образное употребление с негативной окраской в качестве метонимии для обозначения американской экспансии в Ираке в программе "Свобода слова" и употребление в символическом значении "соль земли американской" с позитивной оценкой в программе "Намедни", посвящённой проблеме в аграрном секторе Америки, связанной с "коровьим бешенством". Вхождение концепта "ковбой" в состав современного русского языка к качеству лексемы-ксенонима свидетельствует о его высокой семантической активности.

6. **FARM** - входит в домены "earth" и "work".

[M E. ferme - (O) Fr. Ferme: - med.L. firma fixed payment, f. L.firmare fix, settle confirm, in med. L.contract for, f.L. firmus FIRM a.]

1. obs. A fixed yearly amount (whether in money or in kind) payable as rent, tax, or the like. Also rent and farm - 1767.

2. A fixed yearly sum accepted as a composition for taxes or other moneys to be collected; also, a fixed charge imposed on a town, county, etc. to be collected as taxes within its limits. Now Hist. ME

3. The condition of being "farmed out" ME

4. obs. A lease - 1647.

5. A tract of land held (orig. on lease) for the purpose of cultivation; sometimes specialized as dairy ~, grass~, poultry ~ 1523. Also a tract of water used as a preserve, as fish -, oyster - f~, etc. 1865

6. A farm - house 1596.

7. A place where children are "farmed" 1869

(TSODHP)

Этимология слова, актуализирующего концепт "farm", несёт важную информацию и определяет функционирование концепта в современном языке.

Появление слова, вербализующего концепт "farm", относится к среднеанглийскому периоду. Для этого периода характерно большое количество заимствований из французского языка. Источником для заимствования послужило старофранцузское слово ferme, которое, в свою очередь, было заимствовано из средневековой латыни. Так, слово firma, относящееся к средневековой латыни, означает определённый платеж, налог. Оно, в свою

очередь, происходит от глагола *firmare*, который означает арендовать, собирать налоги, заключать контракт. Изначально, т.е. в период классической латыни, глагол *firmare* означал укреплять что-либо, закреплять что-либо за кем-либо. Глагол *firmare* является однокоренным прилагательным *firmus*, которое значит твердый, устойчивый.

Интересным представляется тот факт, что слова современного английского языка *farm* и *firm* происходят от одного слова - латинского *firmus* (ME<OFr *ferme*<L *firmus*). Очевидно, такое совпадение не случайно, так как современная американская ферма во многом похожа на фирму. Сельскохозяйственно-предпринимательская специфика развития американского общества повлияла и на формирование американского национального характера. По мнению академика Терентия Мальцева, бытовая культура и духовный склад народа порождены тысячелетиями земледельческой цивилизации. "Все нравственные каноны, моральные представления, даже художественные вкусы целых эпох обусловлены отношением человека к матери - сырой земле" (Мальцев, 1996, с.3).

"Письма американского фермера" Гектора Де Кревкёра открывают целую серию произведений американской литературы, анализирующей феномен фермы как первоосновы американского пути развития. "Богачи остаются в Европе, а эмигрируют лишь люди среднего достатка да бедняки. В Америке, в этом огромном приюте для бедных, разными путями и в силу разных причин собрались обездоленные со всей Европы" (Паррингтон, 1962, с.202). Для Кревкёра основой Америки, её фундаментом, является самостоятельный американский фермер, живущий в достатке, независимый в суждениях, читающий газеты и активно обсуждающий дела своей страны. Правда, он признаёт, что на фронтире скопляются все обездоленные и нуждающиеся с их грубыми нравами и ненавистью к власти и имущим, живущие вне всяких законов - юридических и нравственных. Но его успокаивает мысль, что эти отчаянные люди скоро уйдут дальше на запад, а на их место придут "более трудолюбивые и благонамеренные" граждане, которые преобразуют "дикую местность в цветущий, плодородный, благоустроенный край".

Сильная позиция - первый абзац - романа Дж. Смайли "Тысяча акров" также содержит лексику "*farm*", которая является ключевым словом и главным макрообразом данного произведения:

At sixty miles per hour, you could pass **our farm** in a minute, on Country road 686, which ran due north into T intersection at Cabot Street Road. Cabot Street Road was really just another country blacktop, except that five miles west it ran into and out of the town of Cabot. On the western edge of Cabot, it became Zebulon county Scenic Highway, and ran for three miles along the curve of the Zebulon River, before the river turned south and the Scenic continued west into Pike. The T intersection of CR 686 perched on a little rise, a rise nearly as imperceptible as the bump in the center of an inexpensive plate (J.S. - 3).

Для американского народа характерны трудолюбие и практицизм, ориентированность на действие, высокая моральная оценка денег и богатства, уважение к плодам своего труда, ответственность, что находит выра-

---

жение в содержании "воспитательного дискурса" в данном произведении:

Every story, when we were children, revealed a lesson - "work hard" (the pioneers had no machines to dig their drainage lines or plant their crops), or "respect your elders" (an old man had no heirs, and left the farm to the neighbor kid who had cheerfully and obediently worked for him), or "don't tell your neighbors your business", or "luck is something you make for yourself" (J.S. - 132).

С данным этическим кодом связана и такая черта американской ментальности как привычка измерять все конкретной мерой, например, количеством земли или качеством техники, т.е. "любое достижение может быть выражено в числах" (М. Вебер):

That was the year my father bought his car, a Buick sedan with prickly gray velvet seats, so rounded and slick that it was easy to slide off the backseat into the footwell when we went over a stiff bump or around a sharp corner. ... The car was the exact measure of six hundred acres compared to three hundred or five hundred (J.S. - 5).

Отношения между людьми также выражаются через материальный код, а именно через отношение к земле:

We've always known the families in Zebulon County that lived together for years without speaking, for whom a historic dispute over **land** or **money** burns so hot that it engulfs every other subject, every other point of relationship or affection (J.S. - 8).

Тесная связь между личностью человека и результатами его трудовой деятельности показана через описание фермера и его фермы:

A good farmer (a savvy manager, someone with talent for animals and machines, a man willing to work all the time who's raised his children to work the same way) will have **a good farm**. A poor-looking farm diagrams the farmer's personality (J.S. - 199).

A farmer looks like himself, when goes to the cafe, but he also looks like his **farm**" (J. S. -199).

Такие признаки как индивидуализм, соперничество, дисциплинированность также входят в содержательный объем концепта "farm":

Their farm represented neither history nor discipline, and while they were engaged in training dogs and making ice cream, we were engaged in **toiling steadily** up a slight incline toward a larger goal (J. S. - 46).

Морально-этический код представителя американского среднего класса предан с помощью концепта "farm" в следующем внутреннем монологе героини романа "Тысяча акров", который она называет катехизисом:

"What is a **farmer**?

A farmer is a man who feeds the world.

What is a **farmer's** first duty?

To grow more food.

What is a **farmer's** second duty?

To buy more land.

What are the signs of a **good farm**?

Clean fields, neatly painted buildings, breakfast at six, no debts, no standing water.

How will you know a **good farmer** when you meet him?

He will not ask you any favors" (J. S. - 45).

В составе концепта "farm" отчётливо прослеживается смысл, выражающий реальную ценность американского общества - частную собственность и отношение к ней.

В публицистике, в данном случае отзывах на этот роман, концепты "land", "farm", гипонимы "corn" и "Iowa" переплетаются, создавая концепт - гипероним "America":

"This is a novel so rich in themes that one can only marvel at how adeptly Smiley weaves her people and plots and references into a whole as cohesive as the furrowed rows of **corn** on her fictional **farm** in Iowa".

Detroit Free Press

"Superb... Smiley has concocted a rather exotic agenda for this book, which includes such diverse topics as family dysfunction... **farming** as it's practiced on big industrial **farms** in America today and, yes, King Lear".

San Francisco Chronicle

"COMPELLING...TERRIFIC... In A Thousand Acres, Smiley has taken the vast flat horizon glimpsed from that car speeding past America's abundant heartland and given it depth, history and texture... A marvelous and moving story of **America**".

Detroit Free Press

Концепты "land", "work", "West" и "farm" очень часто переплетаются в контексте повествования, так как они образуют ядерную часть концептосферы английского языка США. Обратимся к конкретному примеру: в начале романа Виллы Кэзер "Моя Антония" (сильная позиция) даётся описание причин путешествия рассказчика на Запад, которые были типичны для многих тысяч американцев его поколения:

I first heard of Antonia on what seemed to me an interminable journey across the great midland plain of North America. I was ten years old then; I had lost both my father and mother within a year, and my Virginia relatives were sending me out to my grandparents, who lived in Nebraska. I travelled in the care of a mountain boy, Jake Marpole, one of the "hands" on my father's old **farm** under the Blue Ridge, who was now going **West to work** for my grandfather. Jake's experience of the world was not much wider than mine. He had never been in a railway train until the morning when we set out together to try our fortunes in a new world (W.C. - 3).

7. **LAND** - домены "earth" и "place".

There was nothing but land: not a country at all but the material out of which countries are made.

Willa Cather. My Antonia. 1918

[OE. Land = O Fris., OS., ON., Goth. Land, OHG. Lant (Du., G. land): - Gmc. Landam.]

1. The solid portion of the earth's surface, as opp. to sea, water. Cf. Firm land, Dry Land. Obs. A tract of land. Also transf. Of ice. 1669.

2. Ground or soil, esp. as having a particular use or particular properties. Often defined as arable l., corn l., plough - l., stubble l., OE.

---

3. A part of the earth's surface marked off by natural or political boundaries; a country, territory OE. b. fig. = Realm, domain OE. c. U.S. Euphem. For Lord in phrases: the land knows, good land!

4. Ground or territory as public or private property; landed property OE. b. plural Territorial possessions OE.

5. obs. The country as opp. to the town.

6. expanse of country of undefined extent.

7. One of the strips into which a corn - field or a ploughed pasture - field is divided by water furrows. OE

8. Sc. A building divided into flats or tenements for different households

9. techn. The space between the grooves of a rifle bore; also, the space between the furrows of a mill - stone. b. The lap of the strakes in a clinker - built boat. Also called landing [WNWDAL].

О важности концепта "земля" в языковой картине мира многих этносов свидетельствуют разнообразные тексты, а в первую очередь - библейские: "И Господь Бог сотворил человека из праха земного". О тесной связи в этом высказывании концептов "человек" и "земля" весьма остроумно высказался в конце XIX века американский учёный-химик А. Биллоус:

"Это столь непостижимое для человеческого ума изречение блистательно, однако, подтверждается химическим анализом. Доказано, по крайней мере, что элементы человеческого организма тождественны с элементами почвы, взятой с любого места земной поверхности, на всём протяжении между экватором и полюсами" (Биллоус, 1895, с.100).

Концепт "land" является важным элементом концептосферы английского языка США:

So it was that I determined to look again, to try to rediscover this monster land (J.S. - 11).

Образы поражающих воображение просторов и великолепия Природы можно найти в текстах различной направленности: публицистике, фольклоре, поэзии, песенном творчестве, художественной литературе, а также в живописи и других формах искусства. Вот как описывает природное богатство страны известный негритянский публицист начала XX века У. ДюБойз:

Little of beauty has America given the world save the rude grandeur God himself stamped on her bosom; the human spirit in this new world has expressed itself in vigor and ingenuity rather than in beauty (D.B. - 24).

Связь между ландшафтом и национальным характером подчёркивается и в цитате из Меридел Лё Сюёр, взятой в качестве эпиграфа к роману Дж. Смайли "Тысяча акров":

"The body repeats **the landscape**. They are the source of each other and create each other. We were marked by the seasonal body of **earth**, by the terrible migrations of people, by the swift turn of a century, verging on change never before experienced on this greening planet" (Meridel Le Sueur "The Ancient People and the Newly Come").

Этот образ земли (land или earth), заданный эпиграфом, формируется через яркие описания уже в самом начале романа:

From that bump, **the earth** was unquestionably flat, the sky unquestionably

---

domed, and it seemed to me when I was a child in school, learning about Columbus, that in spite of what my teacher said, ancient cultures might have been onto something. No globe or map fully convinced me that Zebulon County was not the center of the Universe. Certainly, Zebulon County where **the earth** was flat, was one spot where a sphere (a seed, a rubber ball, a ballbearing) must come to perfect rest and once at rest must send a taproot downward into the ten-foot-thick topsoil (J. S. - 3).

Смысл "непреходящая ценность" выявляется в объёме содержания концепта "land" в его следующей контекстной реализации в романе М. Митчел "Унесённые ветром":

Land is the only thing in the world that amounts to anything, for 'tis the only thing in this world that lasts... 'Tis the only thing worth working for, worth fighting for - worth dying for (M.M. - 300).

В программном стихотворении классика американской поэзии Р.Фроста образ "land" также подаётся через рекуррентную лексику, акцентируется сильной позицией и выдвигает идею влияния фактора Природы на формирование национального характера.

The land was ours before we were **the land's**.
She was our **land** more than a hundred years
Before we were her people. She was ours
In Massachusetts, in Virginia,
But we were England's, still colonials,
Possessing what we still were unpossessed by,
Possessed by what we now no more possessed.
Something we were withholding made us weak
Until we found out that it was ourselves
We were withholding from our land of living,
And forthwith found salvation in surrender.
Such as we were we gave ourselves outright
(The deed of gift was many deeds of war)
To the **land** vaguely realizing westward,
But still unstoried, artless, unenhanced,
Such as she was, such as she would become.

(R. Frost, The Gift Outright)

Земля и идея владения, собственности переплетены в размышлениях по этому поводу Дж. Стейнбека:

Only when agriculture came into practice - and that's not very long ago in terms of the whole history - did a place achieve meaning and value and permanence. But **land** is a tangible, and tangibles have a way of getting into few hands. Thus it was that one man wanted ownership of **land** and at the same time wanted servitude because someone had to work it. Roots were in **ownership of land**, in tangible and immovable possessions. In this view we are a restless species with a very short history of roots, and those not widely distributed. Perhaps we have overrated roots as a psychic need. Maybe the greater the urge, the deeper and more ancient is the need, the will, the hunger to be somewhere else (J.S. - 93).

---

8. **WEST** - входит в домены "place " и "path" (направление).

I was halfway across America, at the dividing line between the East of my youth and **the West of my future**, and maybe that's why it happened right there and then, that strange afternoon.

Jack Kerouac. On the Road.

[OE. West = O Fris., OS., OHG. (Du., G.) west, ON. Vestr: - CGerm. (exc. Gothic) westaz, f. IE. Wes-, repr also in Gr. Hesperos, L. vesper: - wesperos with poss. Connections in Celtic, Balto - Sl. and Arm.]

1.a cardinal point of the compass, 90 degrees to the left when facing north, corresponding to the point where the sun is seen to set.

3. the direction in which this point lies.

4. (usually cap.) a region or territory situated in this **direction, esp. the western part of the U.S., as distinguished from the East: a vacation trip through the West.**

5. (cap.) the western part of the world, as distinguished from the East or Orient; the Occident.

6. (cap.) the noncommunist countries of Western Europe and the Americas. (RHDEL)

Выводы о важности того или иного концепта в американской культуре делаются на основе частотности употребления лексической единицы, представляющей данный концепт, а также понятий, входящих в его концептуальное поле.

Слово "West" встречается в авторских высказываниях, ставших крылатыми, например: "Go West, young man, and grow up with the country" (Horace Greely), в клише: "the Wild West" и т.д. Эпиграмматическое выражение "The West must be seen to be believed, but first, it must be believed to be seen" подчёркивает всю загадочную привлекательность этого места, понятия и идеи для американцев многих поколений:

The **west** isn't a place that gives itself up easily. Newcomers have to sink into it slowly, to descend through its layers, and I'm still descending. Like most easterners, I started out in the transitional zones, the big cities and the ski towns that outsiders have set up for their own comfort, the places so often referred to as "the best of both worlds". But I was bound to work my way back, through the land, into the small towns and beyond them. That's half the reason I wound up on a ranch near Grass Range, Montana; the other half is Homer (P. H. - 109).

Концепт "West" включает в себя и мифологему "West", которая является основой одного из самых мощных мифов Америки. Учитывая американский регионализм, следует отметить, что ни Юг, ни Восточное побережье не породили мифа, равного по силе мифу об американском Западе. На наш взгляд, это объясняется интенсивностью социальных процессов, проходивших на фронтире и сформировавших особый тип личности, отстаивающей свою свободу и право на успех вопреки всем препятствиям и в отсутствие регулирующего государственного механизма.

КОНЦЕПТЫ - ТОПОНИМЫ

"AMERICA" - домен "PLACE".

We have inherited so many attitudes from
Our recent ancestors who wrestled this
Continent as Jacob wrestled the angel,
And the pioneers won.

J. Steinbeck. Travels with Charley

Концепт "Америка" настолько широко представлен в различных типах дискурса, что очень сложно было бы охватить и проанализировать все его грани. Рассмотрим некоторые из них. Самой важной составляющей концепта "Америка", на наш взгляд, является смысл "земля обетованная". Этот смысл особенно актуален для эмигрантского сознания, а эмигранты, как известно, и являются основным контингентом формирования и пополнения американской нации. Как отметил консул США по культуре, аккредитованный в Санкт-Петербурге, "America is not a geographical point, it's a state of mind". Его наличие можно проследить как в литературном отражении (начиная от знаменитого сонета Эммы Лазарус, высеченного на пьедестале статуи Свободы), так и в социальных процессах, если проанализировать статистику иммиграционных заявлений, рассматриваемых ежегодно американским консульством. Как отмечает А.В. Трепакова, "как бы мы ни относились к американской политике сегодня, невозможно отрицать, что жизнь в Америке оказывается привлекательной для жителей других стран. Именно этим объясняется не уменьшающееся число иммигрантов в Америку, в том числе из России" (Трепакова, 2004). Обратимся к примерам:

Not like the brazen giant of Greek fame,
With conquering limbs astride from land to land;
Here at our sea - washed, sunset gates shall stand
A mighty woman with a torch, whose flame
Is the imprisoned lightning, and her name
Mother of Exiles. From her beacon - hand
Glows world - wide welcome; her mild eyes command
The air - bridged harbor that twice cities frame.
"Keep, ancient lands, your storied pomp!" cries she
With silent lips. **"Give me your tired, your poor,
Your huddled masses yearning to breathe free,
The wretched refuse of your teeming shore.
Send these, the homeless, tempest - tossed to me:
I lift my lamp beside the golden door!"**

(Emma Lazarus. The New Colossus)

Концепт "Америка" выражен через ассоциирующийся с ним концепт "свобода". Образ "the golden door" является актуализатором концепта "земля обетованная" где всех угнетённых и притесняемых ждёт избавление от страданий.

А вот как выражен американский национальный дух в следующем выс-

---

казывании Эдмунда Бёрка, датированном 1775 г:

Young man, there is America - which at this day serves for little more than to amuse you with stories of savage men, and uncouth manners; yet shall, before you taste of death, show itself equal to the whole of that commerce which now attracts the envy of the world (The Faber Book of America, 287).

Как видим, характеристика американского духа сочетает в себе такие противоречивые понятия как "дикость", "грубость", "коммерция", "предмет зависти для всего мира". Тот факт, что Америка является крупнейшим магнитом для иммигрантов в течение последних ста лет, доказывает правоту предсказания Бёрка.

В примере из романа Э.Прулкс концепт "Америка" в сознании потенциального эмигранта выраженokkaзионализмом, основанном на процессе перераспределения морфем по принципу народной этимологии и употреблении средств родного языка (итальянского) - артикля "la" и содержит смысл "обогащение" (домены: MUCH и MONEY):

He had his theory, his idea of the fine instrument; with the proof of this one he planned to make his **fortune** in **La Merica**.

(A.P. 2 - 17)

Тот же самый смысл выражен и в фольклоре - в шутках и анекдотах про американскую предприимчивость:

Two Quakers were standing on the shore of the Hudson Bay. One of them said: "I came here to do good" and the other said: "And I came here to do well."

Идею новизны, входящую в концепт "Америка", Г.Менкен выразил следующим образом:

In these surroundings at this time the thoroughgoing American of tradition was born. **America** began to stand for something **new** in the world - in government, in law, in public and private morals, in customs and habits of mind.

And simultaneously **the voice of America** began to take on its characteristic tone colors, and **the speech of America** began to differentiate itself unmistakably from that of England (Mencken, 1963).

Смысл "национальная гордость" также является составляющим концепта "Америка", который проявляет себя в художественном дискурсе от Г.Менкена до Р.Фроста:

All things **American** are to be **grand** - our territory, population, products, wealth, science, art - but especially our political institutions and literature. Unbounded confidence in the material development of our country...prevailed throughout the Union during the first 30 years of the century, and over and above a belief in, and concern for, materialistic progress, there were enthusiastic anticipations of achievements in all the moral and intellectual fields of natural greatness.

(H.M. - 145)

And I ask all to try to forgive me
For being as **over elated**
As if I had measured the country
And got **the United States** started

(Robert Frost, "A Recorded Stride")

Идея национальной гордости проявляется также в литературе афроамериканцев, подчёркивая неотъемлемую принадлежность к американскому этносу со времён его формирования и огромной роли в становлении национальной экономики:

I, Too

I, too, sing America.

I am the darker brother.

They send me to eat in the kitchen

When company comes,

But I laugh,

And eat well,

And grow strong.

Tomorrow,

I'll sit at the table

When company comes.

Nobody'll dare

Say to me,

"Eat in the kitchen,"

Then.

Besides,

They'll see how beautiful I am

And be ashamed -

I, too, am America.

КОНЦЕПТЫ - НАЗВАНИЯ ШТАТОВ

Названия отдельных штатов являются характерными национально-культурными концептами, т.к. содержат в своём информационном поле богатую информацию о психологии, жизненном укладе, традициях живущего там населения.

Весьма частотны в современной литературе образы штатов Айова и Висконсин. Это можно объяснить той ролью, которую они играют в экономике страны - это штаты-кормильцы, "the breadbasket of America", её самая суть и соль земли. В то же время, появляясь в художественных текстах эти названия передают идею провинциализма и застоя:

Her mother had given her the name Agnes, believing that a good - looking woman was even more striking when her name was a homely one. Her mother was named Cyrena, and was beautiful to match, but had always imagined her life would have been more interesting, that she herself would have had a more dramatic, arresting effect on the world and not ended up in **Cassel, Iowa**, if she had been named Enid or Hagar or Maude.

(L.M. - 78)

"Where am I from?" Agnes said it softly. "Iowa." She had a tendency not to speak up.

"Where?" The woman scowled, bewildered.

"**Iowa**," Agnes repeated loudly.

The woman in black touched Agnes's wrist and leaved in confidently. She

---

moved her mouth in a concerned and exaggerated way, like a facial exercise. "No, dear, " she said. "Here we say O-hi-o."

(L.M. - 79)

When she packed up to leave, she knew she was saying good - bye to something important, which was not that bad, in a way, because it meant that at least you had said hello to it to begin with, which most people in **Cassell, Iowa**, she felt, could not claim to have done (L.M.-80).

Texas:

Техас безусловно имеет ореол романтичности как "сердце" Америки:

Writers facing the problem of Texas find themselves floundering in generalities, and I am no exception. Texas is a state of mind. Texas is an obsession. Above all, Texas is a nation in every sense of the word. And there's an opening covey of generalities. A Texan outside of Texas is a foreigner. My wife refers to herself as the Texan that got away, but that is only partially true (J.S. - 197).

What I am trying to say is that there is no physical or geographical unity in Texas. Its unity lies in the mind. And this is not only in Texans. The word Texas becomes a symbol to everyone in the world. There is no question that this Texas-of -the-mind fable is often synthetic, sometimes untruthful, and frequently romantic, but that in no way diminishes its strength as a symbol (J.S. - 202).

New - York:

In America I live in New York, or dip into Chicago or San Francisco. But New York is no more America than Paris is France or London is England.

John Steinbeck

Концепт "New-York", объективированный в художественном дискурсе, реализует следующие смыслы:

а) "предел мечтаний":

... "But then " may be I'll find a flat in the Big Apple and stay forever."

Millie nodded. People from out of town were always referring to the Big Apple, like some large forbidden fruit one conquered with mountain gear. It seemed to give them energy, to think of it that way (L.M. - 84).

б) "квинтэссенция достижений американской культуры":

The next morning Millie made a list of things for John to do and see in New York. ...She sat at the dining room table and wrote:

Statue of Liberty

World Trade Center

Times Square

Broadway 2 - fors

She stopped for a moment and thought.

Metropolitan Museum of Art

Circle Line Tour

Как и многие культурные концепты, концепт "Нью-Йорк" характеризуется амбивалентностью и включает в себя признаки как с положительной, так и с отрицательной оценочностью, например, "место, непригодное для жительства":

Local man: 'New York, huh?'

Me: 'Yep.'

Local man: 'I was there in nineteen thirty-eight - or was it thirty-nine? Alice, was it thirty-eight or thirty-nine we went to New York?'

Alice: 'It was thirty-six. I remember because it was the year Alfred died.'

Local man: 'Anyway, I hated it. **Wouldn't live there if you paid me'** (J.S. - 13).

Намеченное в данной работе изучение концептов-топонимов представляет из себя интересную исследовательскую задачу в области когнитивной и этно- лингвистики.

3.3.2. Содержание концепта "values" в культуре основного потока

Говоря об аксиологической системе какого-либо этноса, следует всегда иметь ввиду, что она, как правило, включает в себя ценности двух порядков - провозглашаемые (идеальные) и реальные, которыми члены данного этно-социального сообщества руководствуются в повседневной жизни. В исследованиях по данной проблеме отмечается, что ценности, выражаемые через вербальное поведение, не следует путать с реальным поведением людей. Они являются скорее "идеалом, парадигмой, выдвигающей на первый план желаемую и положительно оцениваемую возможную социальную действительность".

Рассмотрим содержание самого концепта "values", как оно представлено в словарных дефинициях и в различных типах дискурса.

Value - adequate equivalent; material or monetary worth; (obs.) worth, worthiness; relative status or estimate (XIV); amount represented by a symbol (XVI). - OF. Value, fem.pp. formation from valoir be worth: - L. valere be strong, healthy, effective, be worth; cf. Sp. Valua, It. **Valuta**. Hence vb. Estimate the value of (XV); consider of value (XVI) (ODEE).

VALUE - 1. the relative worth, merit, or importance. 2. monetary or material worth, as in commerce or trade. P. The worth of something in terms of the amount of other things for which it can be exchanged or in terms of some medium of exchange. 4. equivalent worth for return in money, material, services, etc. 5. estimated or assigned worth; valuation, 6. denomination, as of a monetary issue, postage stamp, ets. 7. Math. magnitude, quantity. 8. import or meaning; force; significance. 9. liking or affection; favourable regard. 10. values, Sociol. The ideals, customs, institutions, etc., of a society toward which the people of the group have an affective regard. These values may be positive, as cleanliness, freedom, education, etc., or negative, as cruelty, crime, or blasphemy. 11. Ethics, any object or quality desirable as a means or as an end in itself (RHDEL).

VALUE - 1. an amount considered to be a suitable equivalent for something else; a fair price or return for goods or services. 2. Monetary or material worth. 3. Worth in usefulness or importance to the possessor; utility or merit. 4. **A principle, standard, or quality considered worthwhile or desirable**. 5. Precise meaning or import, as of a carefully considered word. 6. Math. An assigned or calculated numerical quantity. 7. Music. The relative duration of a tone or rest. 8. The relative

---

darkness or lightness of a color in the Munsell color system (HIDEL).

VALUE - I.1. That amount of some commodity, medium, of exchange, etc., which is considered to be an equivalent for something else; a fair or adequate equivalent or return. 2. The material or monetary worth of a thing; 3. The equivalent (in material worth) of a specified sum or amount. 4. Ethics. That which is worthy of esteem for its own sake; that which has intrinsic worth.

II. 1. Worth or worthiness (of persons) in respect of rank or personal qualities; obs. Valour 2. The relative status of a thing, or the estimate in which it is held, according to it's real or supposed worth, usefulness, or importance; obs. Estimate of or liking for a person or thing. ([Let men] rate themselves at the highest V. they can; yet true value is no more than it is esteemed by others. HOBBS) 3. a. Math., b., mus., c. Of cards, chessmen or the like; d. Painting (SOEDHP).

В концептосфере современного английского языка США существует ряд концептов, которые выражают основные провозглашаемые ценности данного этноса: "family", "education" (further), "individual opportunity", "true women", "real men", "equality", "freedom".

Эти концепты проходят поочерёдно процессы мифологизации и демифологизации, переключиваясь из одного типа дискурса в другой. Динамика этих процессов, тем не менее, создаёт определённую стабильность в их функционировании, так как демифологизируясь, или, иными словами, будучи употреблёнными со знаком "минус", они всё равно остаются в фокусе дискурсов различного вида и вносят свой вклад в создание национальной идеи и духа "Americanness". Считается, что основным творцом мифов является художественный дискурс. Это справедливо, но только отчасти. В современной художественной литературе много примеров и демифологизации традиционных американских ценностей и выражающих их концептов (e.g. cowboy, family, etc.). Рассмотрим ряд примеров таких флуктуаций процесса мифологизации - демифологизации.

Наиболее чётко ценности первого порядка проявляются в тех видах дискурса, которые направлены на передачу основных компонентов жизненного опыта от старшего поколения к младшему или при обращении политиков к народу через СМИ. Вот как, например, определяются основные ценности американского гуманитарного образования в письме президента университета им. Лоуренса (г. Эпплтон, штат Висконсин), адресованного выпускникам этого университета:

Committed to the development of intellect and talent, the acquisition of knowledge and understanding, and the cultivation of judgment and values, Lawrence prepares its students for lives of **service, achievement, leadership, and personal fulfillment**.

В качестве провозглашаемых ценностей здесь выступают "служение обществу", "успех", "лидерство", "реализация личного потенциала".

Речи президентов США (как и любой другой страны) являют собой классический пример провозглашаемых (или вербализованных) ценностей. Рассмотрим выдержки из речей президента Буша, приведённые на информационном сайте Белого дома:

It also means showcasing the president's passion for "values." In a five-minute speech last Monday, Bush mentioned **"the values** that have made this country unique and different," **"values of love of family, values of respect for nature.... values in understanding that there's some things beyond our control.... values of hard work; values of the entrepreneurial spirit; and values of private property.** These are really important **values.**" **Neighbors** are important, too. In the same speech, the president extolled the "concept of neighborliness in Crawford." He likes it when people walk up to him and say, "I'm your neighbor," because "a neighbor means more than just somebody living next door to somebody else" - a good thing since his closest Texas neighbor is miles away - "a neighbor means that there's somebody around willing to help somebody." The president likes it when people "find a neighbor" and "are willing to help that neighbor" because "you can't pass a law that says `thou shalt love thy neighbor' or `you will be neighborly.'" Anyway, Bush concluded, before signing an agricultural appropriations bill in front of several locals seated, rustically, atop bales of hay, "I want to welcome my neighbors."

The following day, Bush rounded out his message with another key element: **"character."** In less than 20 minutes, the president got in eleven mentions of character ("the character of our citizens," "communities of character," and so on) as well as tossing in another nine mentions **of values.** Finally, artfully combining the concepts, he praised America as "a nation of **character and values**" and the Rocky Mountain National Park YMCA picnic as "a place that teaches **values**, that heralds **character.**"

The mind-numbing repetition is a hallmark of Karen Hughes's communications shop, which has learned well from its predecessor. And the repetition works. The headlines in the next day's New York Times and most other major papers had "Bush" juxtaposed with **"values."** In The Washington Post, the White House scored a triple: **"environment," "values,"** and **"character"** all next to "Bush." Most articles gently mocked the spin, but this too was presaged by the Clintonites: As Dick Morris used to say, "Even if they joke about it, they'll have to write [about it]." In fact, amazing as it sounds, the Bushes aren't just proving as politically savvy about presidential vacations as their predecessors; they're proving more savvy. When Clinton returned from that camping trip in 1995, he called Morris in a rage. "That's the first vacation I've taken that didn't help me in the polls," he complained. "After all my other vacations, I've always risen a point or two." And the latest Gallup Poll, taken about halfway through W.'s Crawford holiday? It puts the president's job-approval rating at 57 percent - up two points (Ryan Lizza).

Бушу вторит и другой современный политик, кандидат на пост вице-президента США от демократической партии Джон Эдвардс:

My mother and father Wallace and Bobbie Edwards are here to-night. You taught me the **values** that I carry with me in my heart: **faith, family, responsibility,** and **opportunity** for everyone. You taught me that you look for your **neighbors,** you never look down on anybody, and you treat everyone with respect / www.washingtonpost.com /

В качестве провозглашаемых ценностей здесь можно найти концепты,

---

выраженные следующими рекуррентными лексемами: family, nature, environment, character, hard work, entrepreneurial spirit, private property, neighbors. Большинство проанализированных нами текстов художественной литературы также строятся вокруг этих концептов (ср. рассказ "Job History"), хотя чаще рисуют реальную картину вещей вместо идеальной: распад и ослабление семейных связей в определённые исторически сложные периоды американской истории и финансовые неудачи, превалирование индивидуализма над контактами с соседями, но, тем не менее, они отражают идеалы американского общества и показывают их прагматический, неглобальный характер, направленный на наиболее полное проявление потенциала **отдельной личности** при условии её лидерства.

3.4 Концепт "душа чёрного народа"

Категория национальной идентичности с необходимостью присутствует и в публицистическом тексте. В качестве яркого примера её объективации рассмотрим сочинение знаменитого американского публициста негритянского происхождения начала XX века Уильяма Дю Буа. Книга под названием "Душа чёрного народа" ("The souls of black people") состоит из 13-ти эссе и одного короткого рассказа. В названии вербализован концепт "душа", который, хотя и имеет универсальный прототип, очевидно будет обладать уникальной национально-культурной спецификой, раскрывающей столь же уникальный историко-культурный опыт чёрных американцев. Цитируя вступительное слово издателей "...the book as a whole is a moving evocation of black American folk culture and a critical response to the racism and economic subjugation afflicting black Americans at the end of the nineteenth century". Книгу называют также политической Библией негритянской расы. Ключевыми концептами всего цикла являются "race" "color" "black". Подчёркивая, что главной проблемой американского общества в XX веке будет являться проблема взаимоотношения белого и цветного населения, Дю Буа употребляет слово "color", которое вербализует в данном случае социально-политический концепт первостепенной важности "the problem of the Twenties Century is the problem of the color line". Концепт "black" включает в себя разные характеристики, в том числе, трудно поддающиеся описанию "strange meaning of being black". Замысел книги состоит в том, чтобы донести до читателя американскую трагедию - "провал великой республики" в самом "конкретном испытании" (Декларация Независимости, провозглашающая право на свободу для каждого человека, с одной стороны, и наличие рабовладельческой системы de facto, с другой стороны).

Уникальный характер американского этноса, то, что Дю Буа называет словом "twoness", выражается в следующем ёмком описании особенностей американской культуры, которая впитала в себя значительную часть наследия Чёрного Континента: "work, culture, liberty, - all these we need, not singly but together, not successively but together, each growing and aiding each, and all striving toward that vaster ideal that swims before the Negro people, the ideal of human brotherhood, gained through the unifying ideal of race; the ideal

---

of fostering and developing the traits and talents of the Negro, not in opposition to or contempt for other races, but rather in large conformity to the greater ideals of the American Republic, in order that some day on American soil two world races may give each to those characteristics both so sadly lack. We the darker ones come even now not altogether empty-handed: there are to-day no truer exponents of the pure human spirit of the Declaration of Independence than the American Negroes; there is no truer American Music but the wild sweet melodies of the Negro slave; the American fairy tales and folk - lore are Indian and African; and, all in all, we black men seem the sole oasis of simple faith and reverence in a dusty desert of dollars and smartness. Will America be poorer if she replace her brutal dyspeptic blundering with light - hearted but determined Negro Humility? or her coarse and cruel wit with loving jovial good - humor? or her vulgar music with the soul of the Sorrow Song?" (Du Bois, p.43)

Истоки американской национальной идентичности предстают в работе Дю Буа в образе двух потоков, которые никогда не пересекаются. Белые и чёрные - это чужие люди, но с общей судьбой:

"... silently, resistlessly. The world about flows by him in two great streams... - then they divide and flow wide apart" (D.B. - 144)

Текст книги Дю Буа построен по принципу креолизованных текстов, включающих в свою структуру элементы других семиотических систем. Уникальность данного произведения состоит в том, что в нём используется двухкомпонентная структура эпиграфов. Каждому эссе предпослано стихотворение одного из известных американских или западноевропейских поэтов (за исключением двух эссе, где эпиграфы взяты из Библии и Омара Хайама) и нотная запись нескольких тактов из различных негритянских духовных песнопений "спиричуэлс". Бахтинский принцип полифонии художественного текста демонстрирует себя в полной мере, соединяя в одном тексте две культурные традиции и подчёркивая своеобразие и уникальность чёрной американской культуры, которая, в силу особенностей национального этоса и исторических обстоятельств, проявилась наиболее ярко именно в форме духовной песни. Стихи и спиричуэлс скомпонованы следующим образом: 1. Артур Саймонз "Плач воды" и спиричуэл "Никто не видел столько бед" 2. Джеймс Рассел Лоуэлл "Кризис нашего времени" - спиричуэл "Бог мой, какое горе!" 3. Лорд Байрон "Путешествие Чайльд Гарольда"(отрывки) и спиричуэл "Встреча в обетованной стране ". 4. Фридрих Шиллер "Орлеанская дева" - спиричуэл "Тёмен мой путь". 5. Джон Гринлиф Витьер "Говард в Атлантае" и спиричуэл "Скалы и горы". 6. "Рубайат Омара Хайама", 44 строфа и спиричуэл "Шагайте вперёд". 7. Песнь Соломона 1.5 - 6 и спиричуэл "Яркий свет на кладбище". 8. Уильям Вон Муди "Брут" и спиричуэл "Дети, придёт ваш час" 9. Элизабет Браунинг "Видение поэтов" и спиричуэл "Я качусь (I am rolling)" 10. Фиона Маклеод "Загадочное лицо красоты" и спиричуэл "Пробирайтесь домой" 11. Алджернон Суинбёрн "Итил", последняя строфа и спиричуэл "Надеюсь, моя мать будет там". 12. Лорд Теннисон "Смерть Артура" и спиричуэл "Пролетай низко, колесница" 13. Элизабет Браунинг "Романс Ганга" и спиричуэл "Вы можете похоронить меня на Востоке". 14. Стихи из негритянского спиричуэл "Положите это тело на землю". Музыка из негри-

---

тянского спиричуэл "Борющийся Иаков".

Состояние рабства, в котором пребывали чёрные американцы в течение долгого времени, не предоставляло возможностей для развития разнообразных видов искусства, поэтому духовное песнопение (спиричуэл) - песня-жалоба, обращённая к богу, явилась основной эстетической формой выражения национального этоса. Через использование двухкомпонентной структуры эпитафий Дю Буа создаёт гармонично интегрированную культурную идентичность, подлинное самоосознание, которое является целью его книги. В эпитафиях Дю Буа, а также в последней главе книги безымянные американские рабы и всемирно-известные поэты озвучивают один и тот же Текст Жизни и поют в одной и той же Церкви. Несомненно, тексты книги имеют двойную адресацию - для "посвящённых" и "непосвящённых" - людей одной культуры с автором и "чужих". Для непосвящённых элементы креолизованного текста - нотный стан и расположенные на нём нотные знаки будут представлять собой загадку и сигнализировать об уникальности культурного опыта, заключённого в этих символах. Расположение в сильной позиции свидетельствует о важности заключённой в них информации, а вербальное истолкование смысла музыкальных эпитафий содержится в основных идеях каждого эссе.

Рассмотрим в качестве примера последнее, XIV эссе сборника - "The Sorrow Songs". Эпитафией являются следующие строки из негритянской песни:

I walk through the churchyard
To lay this body down;
I know moon - rise, I know star - rise;
I walk in the moonlight, I walk in the starlight;
I'll lie in the grave and stretch out my arms,
I'll go to judgment in the evening of the day,
And my soul and thy soul shall meet that day,
When I lay this body down.

Negro Song.

Ключевым словом здесь является слово "soul", которое имеет контекстуальные связи с названием всей книги "The Souls of Black Folk", а также с контекстом следующего за ним эссе. В песне фигурируют символы смерти, страшного суда и возрождения как единения душ (and my soul and thy soul shall meet that day).

Ключевые смыслы рассказа выдвигаются при помощи слов "darkness" - угнетённое состояние, "songs" (sang songs, Sorrow Songs, weird old songs). Автор утверждает, что душа народа выразила себя в этих песнях, которые чёрные американцы пели от переполняющей их сердца скорби (they were weary at heart). Смысл введения креолизованных элементов текста в том, что без усвоения этой формы культуры нельзя полностью понять этос чёрного народа Америки, так как именно через эти песни душа чёрного человека проявляла себя, общаясь с миром (weird old songs in which the soul of the black slave spoke to men). Говоря об особенностях американского национального духа, Дю Буа отмечает в качестве его ведущих качеств энергич-

---

ность и изобретательность:

Little of beauty has America given the world save the rude grandeur God himself stamped on her bosom; the human spirit in this new world has expressed itself in vigor and ingenuity rather than in beauty (D.B. - 48).

Негритянская народная песня, которая основана на ритмических выкриках рабов, является единственной аутентичной американской музыкой, которая "проросла" позже в джаз, блюз и современный рэп. Дю Буа называет её уникальным духовным наследием нации (the singular spiritual heritage) и величайшим даром негритянского народа (the greatest gift of the Negro people). Одну из сюжетных линий эссе составляет повествование о первом ансамбле исполнителей негритянских народных песен, который с триумфом объехал многие страны мира, заработав таким образом средства на создание Университета имени Фиска:

So their songs conquered till they sang across the land and across the sea, before Queen and Kaiser, in Scotland and Ireland, Holland and Switzerland. Seven years they sang, and brought back a hundred and fifty thousand dollars to found Fisk University (D.B. - 150).

В тексте эссе фигурирует риторический вопрос: "What are these songs and what do they mean?", на который даёт ответ сам автор: они - явно выраженное послание раба миру. Это музыка несчастливому народу, "детей" разочарования; она рассказывает о смерти, страданиях и о невысказанном стремлении к более справедливому миру, о загадочных странствиях и тайных путях. Народная песня соединяет в себе дух нескольких столетий, так как музыка, как правило, бывает гораздо старше слов. Примером тому являются приведённые в тексте мелодия и слова примитивной африканской песни, попавшей на американский континент и впитавшейся в чёрный американский этос на уровне коллективного бессознательного:

The child sang it to his children and they to their children's children, and so two hundred years it has travelled down to us and we sing it to our children, knowing as little as our fathers what its words may mean, but knowing well the meaning of the music. (D.B. - 188)

Слова песни не расширяются, так как они приведены на одном из африканских диалектов, но концепт песни существует в национальном сознании в невербализованном виде и соотносится с появившимся позднее песнопении:

"You may bury me in the East,
You may bury me in the West,
But I'll hear the trumpet sound in that morning"

Слово "morning" в сильной позиции представляет концепт возрождения и являет собой оппозицию слову "bury", репрезентирующему концепт "смерть".

Концепты, стоящие за содержанием отдельных спиричуэлз, охватывают весь социально-исторический опыт негритянского народа. Приведём конкретный пример: после окончания гражданской войны в результате обещания государства правительство США отказалось выполнить обещание о предоставлении земли освобождённым рабам. Присланный в местечко

"Sea Islands" бригадный генерал объявил эту новость собравшимся. Старая женщина, стоящая на краю толпы, начала спиричуэл "Nobody knows the trouble I have seen"; все собравшиеся стали ей подпевать, раскачиваясь в такт песне. Солдат, принесший эту новость, рыдал. Конкретные исторические факты входят в содержание связанных с ними концептов, но постепенно стираются из исторической памяти народа, оставаясь на уровне эмоционального поля концепта. Развитие музыкально-песенной культуры чёрных американцев даёт нам модель, по которой развиваются и другие формы полиэтничной культуры: слой ранних песен - это африканская музыка, следующий слой - афро-американский, третий слой - сплав негритянской музыки с музыкой, услышанной на "приёмной" родине. Результат этого слияния - негритянская по характеру музыка оригинального типа смешения элементов "белой" и "чёрной" музыки. Сейчас можно говорить и о четвёртом слое развития американской музыкальной культуры - песни белых американцев, которые инкорпорировали в себя целые фразы из негритянских песнопений, такие, как, например, "Swanee River" и "Old Black Joe". В современной американской музыкальной культуре это взаимодействие выражается в исполнении некоторыми белыми певцами произведений в стиле "чёрного" рэпа.

О том, что культурные концепты, выраженные в негритянских спиричуэлах, вошли в основной поток американской культуры, свидетельствует их появление в литературных произведениях как "чёрных", так и "белых" американцев. Так, в полном иронии и понимании абсурдности расовой дискриминации рассказе Рэя Бредбери из цикла "Марсианские хроники" концепты наиболее известных негритянских песнопений являются основным текстообразующим фактором. Само название рассказа "Июнь 2003: Высоко в небе" ("June 2003: Way in the middle of the air") является аллюзией на негритянский спиричуэл "Way up in the middle of the air", задавая вектор интертекстуальности. Фантастическая денотативная ситуация, стоящая за текстом, следующая: в определённый день и час уставшие от своего униженного положения все чёрные американцы США решают покинуть Землю и отправиться на Марс. В голосе растерянного белого хозяина, с трудом представляющего свою будущую жизнь без опоры на тех, кто выполнял самую тяжёлую работу, слышится и издёвка, и досада. Все названия космических кораблей, которые рисует себе фантазия хозяина, основаны на наиболее известных концептах негритянских песнопений:

"I suppose you got names for your rockets?"

They looked at their one clock on the dashboard of the car.

"Yes, sir."

"Like Elijah and the Chariot, The Big Wheel and the Little Wheel, Faith, Hope and Charity, eh?"

"We got names for the ships, Mr. Tecee."

"God the Son and the Holy Ghost, I would wonder? Say, boy, you got one named the First Baptist Church?"...

Tecee laughed. "You got one named Swing Low and another named Sweet Chariot?"...

"You got one named Roll Dem Bones?"

"Good - by, mister!"

"And another called Over Jordan! Ha! Well, tote that rocket, boy, go on, get blown up, see if I care!" (R.B. - 99).

Мы посвятили столько времени анализу американской музыкальной культуры, так как слой концептов, вербализованных в спиричуэлз, является базовым в концептосфере "чёрного" американского английского. Посредством этих песен душа народа, находящегося в рабстве, общалась с миром. Как и все примитивные этносы, чёрные американцы были неразрывно связаны с природой. Жизнь в спиричуэлз представлена в образе бурного и вечноменяющегося океана (rough and rolling sea), пустынная местность (wilderness) - это дом Бога, одинокая тропа (lonesome valley) вела к жизни. Для людей с "тропической" ментальностью образ конца зимы был символом жизни и смерти (winter'll soon be over). Грозовые бури южного побережья внушали им благоговейный ужас; в них слышались голоса то жалобные, то властные:

My Lord calls me,
He calls me by the thunder,
The trumpet sounds it in my soul.

Концепт монотонного подневольного труда манифестирован во многих песнях:

Dere's no rain to wet you,
Dere's no sun to burn you,
Oh, push along, believer,
I want to go home.

Тройной повтор обращения к богу актуализирует этот концепт:

O Lord, keep me from sinknig down.

Злой дух сомнения также присутствует иногда в спиричуэлз, но он вербализован снова через лексемы обозначения Бога:

Jesus is dead and God's gone away.

Однако, духовная жажда, жалоба и зов метафизического преваляют: My soul wants some thing that's new, that's new.

Среди концептов, выражающих отношения людей друг к другу, встречаются образы матери и ребёнка, но почти не встречается образ отца. Беглые и усталые странники ищут жалости и любви; в песнопениях очень частотны образы гор и скал, но образ дома почти не встречается. Эмоциональное содержание следующего песнопения передаёт удивительную смесь любви и беспомощности:

Yonder's my ole mudder,
Been waggin' at de hill so long;
'Bout time she cross over,
Git home bime - by.

Концепт "смерть" в спиричуэлз не сопровождается эмоциями страха, о ней говорится просто и даже с любовью, просто как о пересечении реки и возможном обретении утраченного древнего леса. Позднее этот фатализм трансформировался в мечту о "доме".

"Dust, dust and ashes, fly over my grave,

But the Lord shall bear my spirit home".

В концептах целых текстов "Песен печали" содержится идея надежды, которая основана на вере в высшую справедливость. В композиции спиричуэлз строки отчаянья часто сменяются в концовке выражением триумфа и спокойной уверенности. Иногда это вера в жизнь, иногда - вера в смерть, иногда уверенность в безграничной справедливости лучшего мира.

В завершающей части эссе Дю Буа использует ряд риторических вопросов, которые подчёркивают, что чёрные афроамериканцы являются полноправными творцами американской культуры и цивилизации, благодаря нескольким факторам - их присутствие на американском континенте отсчитывается столетием ранее появления на нём белых переселенцев:

Your country? How come it yours? Before the Pilgrims landed we were here (D.B. - 192).

К культурным ценностям принадлежит дар устного рассказа и народной песни; к цивилизационным - трудовой вклад в освоение континента и создание экономики США. Концепт "spirit", о котором Дю Буа говорит как о национальном духе, несёт идею активного участия в создании нового государства:

Actively we have woven ourselves with the very warp and woof of this nation, - we fought their battles, shared their sorrow, mingled our blood with theirs, and generation after generation have pleaded with a headstrong, careless people to despise not Justice, Mercy and Truth, lest the nation be smitten with a curse. Our **song, our toil, our cheer** have been given to this nation in blood - brotherhood. Are not these gifts worth the giving? Is not this work and striving? **Would America have been America without her Negro people?** (D.B. - 210).

3.5. Роль концептов пищи в выражении национально-культурного своеобразия

Роль концептов семантического поля "пища" в плане выражения особенностей национальной культуры, специфики культурных сценариев и стереотипов велика. Каждый язык изобилует идиоматическими выражениями, построенными на основе концептов пищи.

Так сложилось исторически, что пища используется в качестве символов богатства, благодарности, а также для демонстрации положения в обществе и власти. Многочисленные деловые завтраки, обеды и ужины (ср. английские выражения: "power breakfasts", "power lunches", etc.) имеют символический смысл и служат своеобразными катализаторами общения, что находит своё отражение и в литературе. Концепт "пища" - многослойный концепт; он включает в себя как конкретные названия отдельных блюд и продуктов, так и высокосимволические архетипические образы с сакральным смыслом божественного дара: "хлеб наш насущный даждь нам днесь". Анализ текста книги "Бытия" Ветхого Завета показывает наличие концепта пищи, выраженного через обобщающую лексику "meat" уже в первой её части, повествующей о шести днях сотворения мира:

And God said, Behold, I have given you every herb bearing seed, which is

---

upon the face of all the earth, and every tree, in which is the fruit of a tree yielding seed; to you it shall be for **meat**. (Genesis 1; 29)

Концепты пищи привлекают к себе внимание высокой частотностью употребления выражающей их лексики и многочисленными описаниями культурных сценариев, связанных с приготовлением и употреблением пищи в различных типах текстов.

На наш взгляд, концепт "пища" так широко представлен в произведениях фольклора, литературы и публицистических материалах в силу его первостепенной важности для поддержания жизни человека. Библейское изречение: "Хлеб будете добывать в поте лица своего" сводит воедино два ключевых концепта человеческого бытия - "пища" и "труд".

Концепт "пища" имеет глубокие культурные корни и изучался культурологами, антропологами и этнолингвистами. Исследователи этого явления отмечают, что объём понятия "пища" в мифологии определяется её местом в противопоставлении "природа - культура". Принадлежащая первоначально природе пища используется уже как продукт культуры, как результат перехода от природы к культуре пищи. В этом смысле пища нейтрализует это противопоставление и является медиатором. По К.Леви-Стросу (Леви-Стросс, 1999), структура кулинарно-пищевых режимов, характер и степень их вовлечённости в сферу культуры может быть выражена различными противопоставлениями. Все эти противопоставления определяют смысл целой серии мифов о происхождении "кухни" (огня и варёной пищи) и регулируют систему пищевых запретов, а отчасти и рекомендаций. Вместе с тем и противопоставления, относящиеся собственно к культуре (чужой - свой, женский - мужской, земной - небесный, вода - огонь, профанический - сакральный и др.) имеют своё выражение и в кулинарно-пищевом коде, и в соответствующих режимах.

Противопоставление "своих" и "чужих" также выражается через различие в употребляемой пище. Так, различным культурам соответствуют разные кулинарно-пищевые режимы - вегетарианские и мясные, микофильские и микофобские (в зависимости от отношения к грибам) и др. Пища также противопоставляется по признакам: "мужская" - "женская", религиозно отмеченная и "бытовая", "божественная" и "дьявольская". "Своя" пища считается естественной и даже истинной, а "чужая" - "антипищей". Этот взгляд нашёл отражение в мифах и преданиях, относящаяся к периоду до начала "культуры".

Пища в мифах связана со всеми тремя элементами комплекса смерть - плодородие - жизнь и жертвоприношением, в котором мистерия смерти, гибели путём расчленения, разъятия частей, размельчения должна вызвать состояние плодоносящего изобилия и жизненного цветения (ср. балладу Р.Бёрнса "Джон - Ячменное Зерно", основанную на фольклорных мотивах). Не случайно пища выступает как отмеченная, маркирующая на рубеже любых двух временных циклов, т.е. на пороге нового неизведанного состояния (вечерняя трапеза типа агапэ (вечерней любви) у ранних христиан или субботнее преломление хлеба у евреев, или годовое празднество на стыке старого и нового года, или рождественские или пасхальные изде-

---

лия из теста и ритуальные блюда из мяса и птицы как пережиток) (Фрейд-денберг, 1936).

Мифологическое значение пищи не исчерпывается мотивами её происхождения. Растение, из которого происходит данная пища, как и сама пища, нередко персонифицируется и обожествляется (напр., в рукописях майя - в виде юноши с головой, переходящей в початок кукурузы). Сюда же относится широкая сфера метафоризации разных видов пищи (напр., бобы как образ смерти и воскресения) и персонификации её - чаще всего в форме фарса (ср. персонажи типа Жан Потанж - похлёбка, Жан Фаринь - мука, Ян Пиккельгеринг - маринованная селёдка и многие другие). Не случайно, что на основе разных видов пищи развилась очень разветвлённая "пищевая" образность, начиная от сравнений, уподоблений, метафор, и вплоть до мотивов и микросюжетов (по материалам энциклопедии "Мифы народов мира").

Концепты пищи включают в себя и гендерный аспект. Так, в примере из романа А.Уокер "Цвет сиреневый" упоминание процесса приготовления пищи связывается с ролью женщины и заниженным социальным статусом:

Then I hear arguing.

Harpo say, whoever heard of women pallbearers.

That all I'm trying to say.

Well, say Sofia, you said it. Now you can hush.

I know she your mother, say Harpo. But still.

You gon help us or not? Say Sofia.

What it gon look like? Say Harpo. Three big stout women pallbearers look like they ought to be home **frying chicken**.

(A.W. - 43)

В то же время концепт "chef" (шеф - повар) предполагает довольно высокий социальный статус и эта профессия традиционно считается мужской.

Разделение культуры на "высокую" и "низкую", духовную и материальную весьма условно. Материальное часто идеализируется, а идеальное находит выражение в материальном (к примеру, даже такая сфера чисто духовного опыта как религия, находит воплощение в многочисленных материальных объектах, относящихся к культовым артефактам). То же самое происходит и с объектами пищи в разных культурах, которые помимо своих физических свойств несут огромный духовный потенциал, отражающий один из важных аспектов концептосферы того или иного языка.

Так, например, в системе координат русских национально-специфических концептов концепт "хлеб" занимает одно из важнейших мест (ср. библейское "хлеб наш насущный", поговорку "хлеб всему голова"). Ю.С. Степанов совершенно справедливо относит концепт "хлеб" к константам русской культуры, получившим широкое отражение в древних ритуалах и культурных табу (выбрасывать несъеденный хлеб считается грехом), паремиологии, фольклоре, литературе и живописи. "Хлеб у русских - больше, чем пропитание, он - символ пропитания. Вот и сейчас часто говорят, например, "картошка - наш второй хлеб". Во Франции, в Испании нищие просят на "на

чашечку кофе", у нас - "на кусок хлеба" (Степанов, 2001, с.285).

Немаловажное место в концептосфере русского языка занимает и концепт "закуска". А.Д.Шмелёв относит слово "закуска" к ключевым словам русской культуры и связывает его с концептом "задушевное общение". Приводя разнообразные примеры из текстов русской классической литературы, автор доказывает, что расхожее мнение, что главный атрибут русского застолья - это выпивка, не вполне соответствует действительности. "Неповторимость русскому застолью придаёт не столько то, что оно предполагает обильные возлияния, сколько то, что выпивание сопровождается закуской и задушевным общением" (Шмелев, 2000; 165). Автор считает, что слово "закуска" в значении "задушевное общение", а также выражение "выпить - закусить" являются лингвоспецифичными русскими словами. В концептосфере русского языка есть и другие концепты пищи, которые несут на себе отпечаток уникальности русской культуры, ср.: "Чёрная икра, водка, хохлома, меховые шапки и русский классический балет лучше всего идут на экспорт" (Б. Эйфман. "Балет сексуален по своей природе" // АиФ. - 2003, № 39). В газетах, относящихся к массовым популярным изданиям, часто печатаются материалы о гастрономических пристрастиях знаменитостей, которые с интересом воспринимаются читателями, очевидно в силу того, что рассматриваются ими как своеобразный "ключ" к характеру данного человека, ср. сопоставление любимых блюд первых леди США, России и Великобритании, приведённое в газете "Комсомольская правда":

"Лора Буш: жареная на гриле говядина с мексиканскими специями, текасские кукурузные лепёшки, жареный сом, стручковая фасоль, пирог с орехами пекан. Другими словами, традиционные блюда Техаса, где любят мясо, приготовленное на огне с обилием специй, а также овощи. Людмила Путина: Фирменная уха: судак, щука, картошка, морковь, лук, яйца, помидоры, апельсиновая кожура, сельдерей, лук репчатый и приправы. Чери Блэр: особых пристрастий нет: любит рыбные блюда и традиционную для англичан овсянку" (КП. - 2003, 3 октября).

О важности терминов пищи для концептосферы современного английского языка США свидетельствует ряд устойчивых выражений и символов, имеющих высокую частотность употребления и отражающих ту или иную сторону национального своеобразия, как, например, выражение "as American as an apple-pie". Смысл этого выражения заключается в том, чтобы обозначить что-либо типично американское, но такова уж специфика этого мегаэтноса, что даже яблочный пирог был завезён в Америку из другой страны, а именно из Англии. Типично американской может считаться та пища, которую первым переселенцам предложили индейцы, а именно: кукуруза, кабачок, тыква, индейка и мясо бизона. По традиции, блюда из этих продуктов - жареная индейка, сладкий картофель и тыквенный пирог - готовятся в праздник Дня Благодарения. Многие ставшие теперь традиционными блюда были завезены в Америку эмигрантами со своей родины: лепёшки "тако" из Мексики, пицца из Италии, а яблочный пирог из Англии. Популярными блюдами всё ещё остаются бифштекс, гамбургер, жареный цыплёнок, а любимый десерт аме-

---

риканцев - это фруктовый пирог с мороженым.

Обращение к кулинарной книге, которая представляет из себя образец инструктивного стиля (одного из подстилей научного стиля), также даёт нам примеры проявления концепта "многообразие" при описании особенностей американской кухни: "типично американская кухня является собой смешение всего и всякого. В результате такого смешения продукты выступают уже в новом качестве. Пёстрая, построенная на контрастах, очень смелых вкусовых комбинациях, американская кухня производит своеобразное, даже несколько ошеломляющее впечатление.

Кто хочет познакомиться с ней, тот должен себя к этому подготовить, ведь ему могут предложить такие блюда, как ветчина, газированная мёдом, или кислая капуста, отваренная в шампанском.

Французы считают, что американцы ничего не понимают в еде, и в напитках - сущие профаны: "Кто же охлаждает красное вино, подавая его на стол?"

Ну, а почему бы и нет? Почему нельзя смешать сладкое, кислое и солёное, если вам это кажется вкусным?" (Линде, Кноблокс, 1971). Как можно видеть, ведущая характеристика американского общества - его разнообразие, пёстрый национальный и религиозный состав - всё то, что сами американцы называют термином "diversity" проявляет себя как в дискурсе, так и в текстах, принадлежащих к различным функциональным стилям.

Метафоры, построенные на употреблении концептов пищи, яркие, понятны всем из-за универсальности самого концепта и выразительны (сравним, например, хорошо всем известные символы "salad bowl" и "pizza", пришедшие на смену символу "melting pot" для обозначения пёстрого многонационального состава американского общества, объединённого в суперэтнос общностью территории, английского языка и идеологических установок). Названия излюбленных блюд, характерных для определённой местности, можно найти и в традиционных песнях патриотического содержания таким как, например, "Dixie" - неофициальный гимн Юга США:

1. I wish I was in the land of cotton,
Old times there are not forgotten,
Look away, look away, look away, Dixie
land!
Dixie land where I was born in
Early on a frosty morning,
Look away, look away, look away, Dixie
land!
2. There's **buckwheat cake and Indian batter**,
Makes you fat or a little fatter,
Look away, look away, look away, Dixie
land!
Hoe it down and scratch your gravel,
To Dixie land I am bound to travel,
Look away, look away, look away, Dixie
land!

В американской культуре можно найти множество примеров, когда концепты пищи используются в качестве объединяющей национальной идеи. Так, в информационных материалах Белого Дома была опубликована речь президента США Дж.Буша, посвящённая празднику Дня Благодарения. Естественно, что в сильных позициях этой речи фигурирует слово "turkey": "President Pardons National Thanksgiving Turkey", "in a moment you can come up and welcome our guest of honor, Stars, the turkey", "I appreciate you joining me to give this turkey a presidential pardon". Умелое сочетание концепта национальной пищи с патриотическими концептами "stars, stripes, national, presidential" поднимает событие бытовой национальной культуры до уровня объединяющей патриотической идеи: "Stars is a very special bird with a very special name. This year, for the first time, thousands of people voted on the White House website to name the national turkey, and the alternate turkey. Stars and Stripes beat out Pumpkin and Cranberry. And it was a neck-to-neck race. (Laughter)". Речь президента, начавшись с упоминания всем известного концепта пищи, естественно переходит на другие национальные ценности, теперь уже более "высокого плана": "gratitude", "generosity" (our nation's sense of gratitude is the source of great generosity of our people), "compassion" ("...made sandwiches for people at the local homeless shelter. Through your compassion, you're showing the goodness of America, and we are really proud of you"). В числе базовых ценностей называются: семья, друзья, родная земля и свобода. Речь президента заканчивается обращением к концепту "индейка" вновь уже в юмористическом ключе: "I am not sure why any turkey would want to reside at a place called Frying Pan Park". Затем следует перформативный речевой акт по помилованию индейки, поздравление присутствующих и благословление собравшихся и их семей. Ритуальность многих традиций, связанных с пищей, позволяет использовать их в качестве фактора, объединяющего нацию, как это можно наблюдать в описанном выше примере. Концепты пищи очень часто выступают в качестве стимулов для обращения к духовным ценностям, связанным с ними в коллективном и индивидуальном сознании.

Концепты пищи, использованные в политическом дискурсе, отражают процесс глобализации, происходящий в мире. Из американского дискурса этот концепт переходит в российский, например, в журналистике, а на уровне значения лексической единицы получает отрицательную оценочную коннотацию:

"Ещё один признак "бушеффрени" - хитрость. Арест Саддама Хусейна выглядел как пропагандистский трюк. По одной версии, его поймали американские спецслужбы, по другой - иракские курды. Третья версия состоит в том, что на видеоплёнке Саддам такой же фальшивый, как и **индейка**, которую подарил Буш американским солдатам во время стремительного визита в Багдад" (АиФ. - 2003, №52).

То, что концепты пищи могут и часто действительно содержат в себе информацию социально-политического характера, подтверждается следующим примером из опроса института Гэллопа:

Бушу доверяют не более 55%. Да и то этот скачок произошёл после

тайного визита американского лидера в солдатскую столовую в Багдаде (ресурсы Интернет).

Особый интерес представляет функционирование концептов пищи в качестве образов художественного текста. Наблюдения над этим явлением позволили нам выделить несколько функций, выполняемых лексикой, представляющей концептосферу "пища" в художественном тексте:

- создание местного колорита и описание обычаев изображаемого этноса;
- передача эмоций и черт характера изображаемого персонажа по принципу антропоморфизма;
- передача некоторых аспектов общего состояния социума, так называемого "вкуса эпохи" и национальной ментальности;
- трансляция основных национальных ценностей.

Рассмотрим подробнее каждую из перечисленных функций. Некоторые концепты пищи имеют достаточно яркую национальную специфику и включают в себя информацию о регионе, для которого характерен данный вид пищи, о роде занятий жителей этого региона, и, в силу этого, об их гастрономических предпочтениях. Так, на американском Среднем Западе в фермерской среде, где люди заняты, в основном, животноводством, блюда из говядины и свинины - это самая традиционная и предпочитаемая пища. Человек, избегающий этой пищи, не воспринимается как "свой", что видно из диалога главных героев романа "Мосты округа Мэдисон":

"You like pork chops? I could fix that with some vegetables from the garden."

"Just the vegetables would be fine for me. I don't eat meat. Haven't for years. No big deal, I just feel better that way."

Francesca smiled again. "Around here that point of view would not be popular. Richard and his friends would say you're trying to destroy their livelihood. I don't eat much meat myself, I'm not sure why, I just don't care for it. But every time I try a meatless supper on the family, there are howls of rebellion. So I've pretty much given up trying. It'll be fun figuring out something different for a change."

(R.W. - 43)

Оппозиция "свой" - "чужой", в частности, "англичанин" - "американец" подчёркивается через использование концептов пищи, соответствующих фразеологических выражений и различных реалий быта в известной песне Стинга "An Englishman in New - York":

I don't **drink coffee** I **take tea** my dear

I like **my toast done on the side**

And you can hear it in my accent when I talk

I'm an Englishman in New York.

Столкновение культур, разница менталитетов, составляющие концепт песни, прежде всего задаются на уровне бытовых концептов, в частности, концептов пищи, а затем переходят на духовный уровень.

Описание национальной пищи часто создаёт впечатление экзотичности изображаемой обстановки, так как оно призвано информировать предполагаемого адресата об инокультурном коде, не всегда совпадающем с культурным кодом повествователя. Так, для приехавшей в Лондон черноко-

---

жей героини романа А. Уокер "Цвет сиреневый", которой до этого не приходилось выезжать из своего городка на Юге США, кажется странной английская традиция чаепития и использование сервиза:

"Tea" to the English is really a picnic indoors. Plenty of sandwiches and cookies and of course hot tea. We all used the same cups and plates. (A.W. - 144)

Категория национально-культурного своеобразия художественного текста сближается с категорией информативности при описании местной пищи, которая, в свою очередь, обусловлена особенностями местного ландшафта, той природной среды, к которой человек вынужден приспособиться, чтобы выжить:

"Let's go have supper", muttered Quoyle. "I can't handle this right now."

"The dining room is closed to the public to-night. It's the curling championship dinner. They fixed us some chowder, but we'll have to get it ourselves and eat it here in the room."

"I want meat", said Bunny. "I want meat chowder."

"Too bad", said the aunt rather savagely, "it's not on the menu". To herself she added, eat fish or die. (A.P. - 74)

Помимо чисто "гастрономических" сведений, информирующих читателя о том, что на Ньюфаундленде самый распространённый продукт - это рыба, приведённый пример передаёт и особенности ментальности и национального характера народа Ньюфаундленда - силу духа и стоицизм - в эпиграмматическом "eat fish or die". Девиз "do something or die" стал частью общеамериканского кода поведения и закрепился в ряде устойчивых выражений, таких как, например, "publish or parish". Образы национальной пищи появляются в описаниях праздников, встреч и просто как часть рутинной жизни персонажей, актуализируя национально-культурную информацию, заложенную в тексте:

"A section of lobster pie rose from the steaming dish, slid onto Dawn's plate.

"Oh, is it a lobster?" said Dawn.

"Yes, indeed", said the aunt. "Lobster pie, sweet as a nut". (A.Proulx; 152)

Образ жизни на Ньюфаундленде определяется близостью моря. Море здесь даёт человеку работу, пищу, а иногда и бесплатную добычу (за счёт кораблекрушения).

Англоязычная литература афроамериканских авторов даёт нам примеры культурных сценариев, основанных на употреблении в пищу определённых продуктов, связанных с соблюдением того или иного обычая или ритуала. Так, во многих африканских племенах знаком уважения к прибывшим гостям является преломление ореха кола и угощение присутствующих его кусочком. Во время этой церемонии произносится молитва о благополучии племени:

He took a pot of palm - wine and cock to Nwakibie. Two elderly neighbors were sent for, and Nwakibie's two grown up sons were also present in his obi. He presented a **cola nut** and an alligator pepper, which were passed round for all to see and then returned to him. He **broke the nut** saying: We shall all live. We pray for life, children, a good harvest and happiness. You will have what is

---

good for you and I will have what is good for me. Let the kite perch and let the eagle perch too. If one says no to the other, let his wing break. (C.A. - 19)

Описание ритуала приёма пищи передаёт информацию о духовных ценностях описываемого этноса. В данном случае это - толерантность, уважение чужой свободы, уважение к старшим:

"Nna ayi". He said. "I have brought you this **little cola**. As our people say, a man who pays respect to the great paves the way for his own greatness. I have come to pay you my respects and also to ask a favor. But let us drink the wine first".

(C.A. - 20)

В этих описаниях на первый план выходит категория информативности художественного текста. Информация о пище, традициях, ценностях этноса, которой могут соответствовать лакуны в картине мира другого этноса, подаётся в виде подробных описаний, повторяющихся в качестве лейтмотива несколько раз в ходе повествования. Подобные повторы, на наш взгляд, являются сигналами внутритекстовой адресатности, подчеркивающими важность этой информации для представителей иной культуры.

Вторая группа примеров иллюстрирует использование концептов пищи в антропоморфной функции. Пища служит своеобразным медиумом, каналом передачи и обмена эмоционально-чувственной информацией между героями произведения. В романе Р.Д.Уоллера "Мосты округа Мэдисон" процесс приготовления пищи отражает настроение человека, его душевное и физическое состояние:

He stood two feet from her, looking down, cutting and chopping the carrots and turnips, parsnips and onions. Francesca peeled potatoes into the sink, aware of being so close to a strange man. **She had never thought of peeling potatoes as having little slanting feelings connected with it.** (R.W. - 49)

Процесс приготовления пищи обычно связан с положительными эмоциями, так как он направлен на удовлетворение одной из самых насущных потребностей человека. Но, как известно, тело и душа, физическое и духовное тесно связаны между собой, поэтому приготовление пищи ассоциируется с мирной деятельностью, покоем, домашним теплом. Как показывают примеры, процесс приготовления пищи может передавать очень тонкие оттенки человеческих эмоций, например, зарождающуюся близость и любовь:

With the cooking under way, Francesca sat across from him again. **Modest intimacy descended upon the kitchen.** It came, somehow, from the cooking. Fixing supper for a stranger, with him chopping turnips and, therefore, distance, beside you, removed some of the strangeness. And with the loss of strangeness, there was space for intimacy. (R.W.- 53).

Известная поговорка "человек есть то, что он ест" (you are what you eat) нашла своё отражение в романе "Мосты округа Мэдисон" в изображении взаимосвязи пищи и чувства в следующем описании:

"It already smells good", he said, pointing toward the stove. "It smells quiet". He looked at her.

"Quiet? Could something smell quiet?" She was thinking about the phrase,

---

asking herself. He was right. **After the pork chops and steaks and roasts she cooked for the family, this was quiet cooking.** No violence involved anywhere down the food chain, except, maybe for pulling up the vegetables. The stew cooked quietly and smelled quiet. It was quiet here in the kitchen. (R.W. - 54)

Синестезия "smells quiet" и повтор эпитета "quiet" передаёт изменение привычного уклада жизни Франчески Джонсон, жены фермера из Айовы, которая до встречи с Робертом Кинкейдом обычно готовила "свиные котлеты, бифштексы и жаркое", что отвечало гастрономическим требованиям её семейства. Смена пищевого кода на вегетарианский сигнализирует и о поворотном моменте в судьбе героини.

Следует отметить, что в то время как гастрономическая лексика передаёт определённый национальный колорит, воссоздавая атмосферу описываемой местности, концепты пищи передают особенности менталитета, а также систему пищевых запретов и режимов, принятых в той или иной культуре. По замечанию Ю.С.Степанова, "способ приготовления чего бы то ни было вообще в культурном отношении очень важен. Часто различия в способах обработки даже одного и того же вещества определяют различия культур или, по крайней мере, различие двух "парадигм", двух "стилей" в одной культуре" (Степанов, 1978, с.286).

Примером тому может служить роман современной мексиканской писательницы Лауры Эсквивель "Шоколад на крутом кипятке" ("Like water for chocolate"). Роман, написанный на испанском языке, был переведён на английский, экранизирован, получил престижную премию американской книготорговой ассоциации и стал, по выражению критиков, неотъемлемой частью американской культурной памяти.

Вся композиция романа построена на кулинарной символике. У романа есть подзаголовок: "A Novel in Monthly Installments, with Recipes, Romances and Home Remedies", который, благодаря наличию в нём слов "recipes" и "remedies", переводимых на русский язык одним словом "рецепты" (в первом случае - кулинарные, во втором - медицинские), активизирует у читателя культурную пресуппозицию домашнего быта. Смысл эпиграфа "to the table or to bed you must come when you are bid" раскрывается полностью только по прочтении всего произведения - он отражает жёсткость и неукоснительность предписаний, которыми регулировалась жизнь семьи мексиканского этноса на протяжении столетий. Идея соблюдения завета, связанная с пищевым кодом, излагается и в научном труде американского физиолога конца XIX века А.Биллоуса "Философия еды" со ссылкой на Библию: "В физиологии, как и в этике, "соблюдение завета ведёт к спасению". Пищей должно пользоваться в той мере, как это требуется простыми законами бытия, и только в таком случае мы можем обрести здоровье, силы и счастье, составляющие следствие надлежащего упражнения всех наших отпавлений и способностей; напротив того, злоупотребление пищею, пристрастие часто из стремления увеличить доставляемое ею наслаждение, отягощает аппетит, убивает всякое сопряжённое с едою удовольствие, поражает организм неизъяснимыми бедствиями, от которых он страдает всю жизнь и которые передаются даже детям "до третьего и четвёртого

поколения" (Биллоус, 1895).

Композиция романа полифонична: он строится как диалог "параллельных" текстов - основного повествования и кулинарных рецептов, с которых начинается каждая глава. Роман состоит из 12 глав, соответственно количеству месяцев в году. Каждому месяцу соответствует определённое блюдо, приготовление которого диктовалось сезонными либо ритуальными факторами, например:

Гл.I - January; Christmas Rolls;

Гл.II - February; Chabella Wedding Cake;

Гл.III - March; Quail in Rose Petal Sauce;

Гл.IV - April; Turkey Mole with Almonds and Sesame Seeds; и т.д.

После названия блюда следует перечисление ингредиентов, в строгом порядке и с указанием количества, например:

Chiles in Walnut Sauce

INGREDIENTS:

25 chiles poblanas

8 pomegranates

100 cashew nuts

100 grams aged fresh cheese

1 kilo ground steak

100 grams raisins

? kilo almonds

? kilo walnuts

? kilo tomatoes

2 medium onions

2 candied citrons

1 peach

1 apple

cumin

white pepper

salt

sugar

Далее следуют указания по приготовлению блюда, изложенные в соответствии с инструктивным стилем, в повелительном наклонении, например: Take the eggs, crack them, and separate the whites. Stir the six yolks with the cup of cream. Beat until the mixture becomes light. Pour it into a pot that has been greased with lard. The mixture should be no more than an inch thick in the baking pan. Place it on the heat, over a very low flame, and allow to thicken (L.E. -187).

Инструктивный стиль, использованный в начале каждой главы, подчёркивает главные темы романа - жёсткие рамки патриархального уклада жизни и его влияние на свободу личности, чёткая регламентация ролей в семье, возглавляемой сильной и властной женщиной; образ жизни, при котором традиции превращаются в оковы.

В романе силён гендерный аспект: повествование ведётся от лица женщины, которая видит мир "через кухню", поэтому вся образность пронизана кулинарными терминами. При описании процесса приготовления такого

блюда как "куропатка в соусе из розовых лепестков" через использование аналогии и сравнения показана искалеченная судьба главной героини романа Титы, которая, будучи младшим ребёнком в семье, не имела права выходить замуж, так как должна была ухаживать за матерью до её смерти. В приведённой ниже скрытой метафоре судьба главной героини сравнивается с судьбой недобитой куропатки:

With a deep breath, she took hold of the first one and twisted its neck, as she had seen Nacha do so often, but she used too little force to kill the poor quail, which went running pitifully around the kitchen, its head hanging to one side. ... Mama Elena was merciless, killing with a single blow. But then again not always. For Tita she has made an exception, she had been killing her a little at a time since she was a child, and she still hadn't quite finished her off. Pedro and Rosaura's marriage had left Tita broken in both heart and mind, like the quail (L.E. - 49).

Через образы пищи, а также способ её приготовления передаётся характер персонажей, ведущие черты их личности. Например, деспотизм Мама Елены проявляется даже в описании того, как она колет орехи и разделявает пищу для приготовления:

Not only could she crack sack after sack of nuts in a short time, she seemed to take great pleasure in doing it.

Applying pressure, smashing to bits, skinning, those were among her favorite activities. The hours just flew by when she sat on the patio with a sack of nuts between her legs, not getting up until she was done with it (L.E. - 230).

Ёмкость и культурная значимость концептов пищи проявляется и в сюжетной метафоре, основанной на образе шоколада. Сильная позиция - заголовок романа - представляет собой неполное сравнение (а именно, его обозначающее) - "like water for chocolate". Первую часть сравнения читатель реконструирует по мере прочтения романа. Становится ясно, что "like water for chocolate" - это условия, при которых формируется настоящее чувство. Описание рецепта приготовления шоколада содержится в главе IX "September. Chocolate and Three Kings' Day Bread":

The first step is to toast the chocolate beans. ...It's very important to pay attention to this sort of detail, since the goodness of the chocolate depends on three things, namely: that the chocolate beans used are good and without defect, that you mix several different types of beans to make the chocolate, and, finally, the amount of toasting.... When the water comes to a boil for the first time, remove it from the heat, and dissolve the chocolate completely; beat with a chocolate - mill until it is smoothly blended with the water. Return the pan to the stove. When it comes to a boil again and starts to boil over, remove it from the heat. Put it back in the heat and bring it to a boil a third time. Remove from the heat and beat the chocolate. Pour half into a little pitcher and beat the rest of it some more. ...Hot chocolate can also be made using milk instead of water, but in this case, it should only be brought to a boil once ... However, hot chocolate made with water is more digestible than that made with milk (L.E. - 165-178).

Процесс приготовления шоколада - это развёрнутая сюжетная метафора, в которой заключена информация о чувствах главных героев - два раза

они "вскипают", раскаляются до определённого предела, но не могут привести к единению влюблённых из-за социальных препятствий и традиций. Лишь на третий раз шоколад доводится до кипения полностью - и чувства героев достигают своей кульминации в трагической развязке произведения.

Ситуация, связанная с ритуалом приготовления и приёма пищи, может явиться причиной конфликта культур, как это показано в цикле рассказов Эми Тэн "Клуб радости и удачи" ("The Joy Luck Club") на примере взаимодействия представителей американской и китайской культур. В представленной в тексте модели мира китайской культуры мастерство приготовления пищи занимает одно из центральных мест, особенно в жизни женщин. Это - средство самореализации и раскрытия своего потенциала:

I knew she would do this, because cooking was how my mother expressed her love, her pride, her power, her proof that she knew more than Auntie Su (A.T. - 292).

Весь ритуал приёма пищи в семье китайско-американского происхождения отличается от норм принятых в том, что называют *mainstream American culture* (культура основного потока) и является "полем битвы культурных стереотипов". Описание несовпадений культурного кода в рассказе Эми Тэн начинается с самого начала обеда: американский жених приносит бутылку вина в дом, где даже нет бокалов для вина, т.к. традиция употребления вина не распространена в среде китайских эмигрантов старшего поколения. То, что жених китайской девушки Рич (антропоним Rich имеет суггестивную силу и может вызвать ассоциации со словом "wealth", подчёркивая один из стереотипов, в соответствии с которым признак "богатый" связывается с понятием "американец"), принадлежит к другой культуре, к лагерю "чужих", иронически подчёркивается автором на протяжении всего описания обеда, к примеру, в эпизоде, где он попадает в неловкую ситуацию, пытаясь есть с помощью китайских палочек:

"When I offered Rich a fork, he insisted on using the slippery ivory chopsticks. He held them splayed like the knock-kneed legs of an ostrich while picking up a large chunk of sauce-coated eggplant. Halfway between his plate and his open mouth the chunk fell on his crisp white shirt and then slid into his crotch. It took several minutes to get Shoshane to stop shrieking with laughter" (A.T. - 293).

Конфликт культур достигает своей кульминации в конце обеда, когда расхождение в традициях поведения во время "гастрономического ритуала" проявляет себя особенно ярко. По китайскому обычаю, хозяйка критикует приготовленное ею блюдо, находя в нём тот или иной недостаток, что остальные гости или члены семьи должны шумно опровергнуть и высказать хозяйке комплименты по поводу этого блюда. Герой рассказа, незнакомый с культурным кодом другого этноса, воспринимает многие вещи просто буквально и начинает действительно критиковать фирменное блюдо хозяйки:

But the worst was when Rich criticized my mother's cooking, and he didn't even know what he had done. As is the Chinese cook's custom, my mother always made disparaging remarks about her cooking. That night she chose to

---

direct it toward her famous steamed pork preserved vegetable dish, which she always served with special pride.... But before we could do so, Rich said, "You know, all it needs is a little soy sauce." And he proceeded to pour a riverful of the salty black stuff on the platter, right before my mother's horrified eyes (A.T.-293).

Таким образом, концепт "обед" представлен здесь как концепт - сценарий, включающий в себя целый набор культурно-обусловленного поведения. К концу вечера план помолвки почти расстроен. Конфликт культур, проявивший себя в "пищевом коде" - это только малая часть айсберга межкультурной коммуникации, но он влечёт за собой более глубокий конфликт, за которым стоит разница двух ментальностей и двух плохо совмещающихся картин мира. В то время как девушка ведёт речь о ценностях, её жених, понимая фразу буквально, говорит о том, что мать плохо говорит по-английски:

"You don't understand. You don't understand my mother". Rich shook his head. "Whew! You can say that again. Her English was so bad. You know, when she was talking about that dead guy showing up on Dynasty, I thought she was talking about something that happened in China a long time ago" (A.T.-294).

Термины пищи в художественном тексте часто символизируются, передавая "вкус эпохи" (позволим себе употребить еще одну гастрономическую метафору). Следующая группа примеров иллюстрирует употребление концептов пищи в качестве символов либо богатства, изобилия, плодородия, либо скудности существования. В публицистическом произведении А.Леопольда "Альманах песчаного графства", написанном с точки зрения эколога и природоохранителя, содержится описание блюда, приготовленного из оленины, символизирующего изобильную природу Среднего Запада США и даже его преобладающий гористый ландшафт:

"Every region has a **human food symbolic of its fatness**. The hills of the Gavilan find their gastronomic epitome in this wise: Kill a mast-fed buck, not earlier than November, not later than January. Hang him in a live-oak tree for seven frosts and seven suns. Then cut out the half-frozen "straps" from their bed of tallow under the saddle, and slice them transversely into steaks. Rub each steak with salt, pepper and flour. Throw into a Dutch oven containing deep smoking-hot bear fat and standing on live-oak coals. Fish out the steaks at the first sight of browning. Throw a little flour into the fat, then ice-cold water, then milk. Lay a steak on the summit of a steaming sour-dough biscuit and drown both in gravy. This structure is symbolic. **The buck lies on his mountain, and the golden gravy is the sunshine that floods his days, even unto the end**".

(A.L. - 40)

Использование одного из концептов поля "пища" в качестве символа родины находим и в стихотворении современного американского писателя китайского происхождения Ли-Янг Ли "Хурма" ("Persimmons"):

In sixth grade Mrs. Walker
Slapped the back of my head
And made me stand in the corner
For not knowing the difference
Between *persimmon* and *precision*.

How to choose

Persimmons. This is precision.
Ripe ones are soft and brown - spotted.
Sniff the bottoms. The sweet one
Will be fragrant. How to eat:
Put the knife away, lay down newspaper.
Peel the skin tenderly, not to tear the meat
Chew the skin, suck it,
And swallow. Now, eat
The meat of the fruit,
So sweet,
All of it, to the heart.

Donna undresses, her stomach is white.
In the yard, dewy and shivering
With crickets, we lie naked,
Face - up, face - down.
I teach her Chinese.
Crickets: *chiu chiu*. Dew: I've forgotten.
Naked: I've forgotten.
Ni, wo: you and me
I part her legs,
Remember to tell her
She is beautiful as the moon.

Other words

That got me into trouble were
Fight and *fright*, wren and *yarn*.
Fight was what I did when I was frightened,
Fright was what I felt when I was fighting.
Wrens are small, plain birds,
Yarn is what one knits with.
Wrens are soft as yarn.
My mother made birds out of yarn.
I loved to watch her tie the stuff;
A bird, a rabbit, a wee man.

Mrs. Walker brought a **persimmon** to class
And cut it up
So everyone could taste
A *Chinese apple*. Knowing
It wasn't ripe or sweet, I didn't eat
But watched the other faces.

My mother said every **persimmon** has a sun
Inside, something golden, glowing,

Warm as my face.

Once, in the cellar, I found two wrapped in a newspaper,
Forgotten and not yet ripe.
I took them and set both on my bedroom windowsill,
Where each morning a cardinal
Sang, *The sun, the sun..*

Finally understanding
He was going blind,
My father sat up all one night
Waiting for a song, a ghost.
I gave him **the persimmons**,
Swelled, heavy as sadness,
And sweet as love.

This year, in the muddy lightning
Of my parent's cellar, I rummage, looking
For something I lost.
My father sits on the tired, wooden stairs,
Black cane between his knees,
Hand over hand, gripping the handle.

He's so happy that I've come home.
I ask how his eyes are, a stupid question.
All gone, he answers.

Under some blankets, I find a box.
Inside the box I find three scrolls.
I sit beside him and untie three paintings by my father:
Hibiscus leaf and the white flower.
Two cats preening.
Two persimmons, so full they want to drop from the cloth.

He raises both hands to touch the cloth,
Asks, *Which is this?*

This is persimmons, Father.

*Oh, the feel of the wolftail on the silk,
The strength, the tense
Precision in the wrist.
I painted them hundreds of time
Eyes closed. These I painted blind.
Some things never leave a person:
Scent of the hair of one you love,*

---

*The texture of persimmons,
In your palm, the ripe weight.*

Стихотворение начинается с описания ситуации конфликта культур, который вспыхивает между американской учительницей и учеником-китайцем:

In sixth grade Mrs.Walker slapped the back of my head and made me stand in the corner for not knowing the difference between persimmon and precision.

Парономастический эффект этой пары слов служит основой для создания окказионального смысла, который сближает значения этих семантически несхожих лексических единиц:

How to choose persimmons. This is precision.

Такое обращение с языком и, в частности, с лексикой отражает ментальность индивидуума, находящегося в процессе освоения неродного для себя языка, сама фонетическая форма которого обладает для него особой суггестивной силой. Свести вместе "permission" и "precision" может только "свежий" взгляд на язык, обладающий особой остротой восприятия и свободный от традиции. Наблюдение за позицией "не-носителя" языка позволяет открывать новые аспекты выразительности внешней и внутренней формы слова и дает слову новую жизнь.

Как и во многих произведениях, посвященных изображению национального духа того или иного этноса, изображение глубинных, внутренних его свойств передается через внешние проявления и, в частности, через образы пищи.

Образ хурмы, центральный для данного стихотворения, разворачивается в контексте стихотворения и начинает символизировать Китай в следующей фразе:

Mrs. Walker brought a persimmon to class and cut it up so everyone could taste a Chinese apple.

К читателю приходит понимание того, что хурма ("persimmon") является для Китая тем же, чем для него яблоко и приобретает экзотичность только в контексте другой культуры. Развиваясь далее, образ "persimmon" начинает символизировать и солнце, являясь в данном случае авторским символом.

My mother said every persimmon has a sun inside, something golden, glowing, warm as my face.

В контексте смысловой объем слова "persimmon" разрастается, и оно становится также символом сыновней любви:

Finally understanding he was going blind, my father sat up all one night waiting for a song, a ghost. I gave him the persimmons, swelled, heavy as sadness, and sweet as love.

Ностальгия, поиски утраченной национальной идентичности находят свое выражение в образах, передающих идею родительского дома и утраченных ценностей. Образ "persimmons" связан в воспоминаниях лирического героя с образом отца. Теперь ослепший, когда-то в прошлом отец рисовал картины, и на одной из них изобразил хурму:

I sit beside him and untie three paintings by my father: hibiscus leaf and a white flower. Two cats preening. Two persimmons, so full they want to drop from the cloth.

Традиционное восточное уважение к старшему поколению, к родителям находит свое выражение и в композиции стихотворения. Слово "Father", наряду со словом "persimmon" находится в сильной позиции, в одной из завершающих строф.

He raises both hands to touch the cloth, asks, Which is this?

This is persimmon, Father.

Образы "persimmons" и "father" стоят в одном ряду, сближаются семантически в контексте стихотворения, и оба символизируют родину для человека, оказавшегося в другой стране, в иной культуре. "Persimmon" - продукт материальной культуры, понятие, относящееся к концептуальному полю "пища" и поэтому, как может показаться, нечто прозаичное и приземленное. "Father" - это концепт и духовный, и физический, выражающий в данном стихотворении идею любви, уважения, связи поколений. Тем не менее, оба эти образа, и "обыденный", и "высокий", выражают идею родины, которая воплощается для конкретного человека не столько в абстрактных ценностях, сколько в мелочах быта, заключающих в себе дух повседневной жизни с ее насущными заботами.

Концовка стихотворения снова привлекает внимание читателя к паронимам "precision" и "persimmons". Чтобы рисовать картины, и, в частности, "persimmons" (хурму) - нужна точность (precision). В концовке стихотворения слово "persimmon" становится символом любви, родины и культурной памяти:

Some things never leave a person:

Scent of the hair of one you love,

The texture of persimmons,

In your palm, the ripe weight.

В произведении В.Пелевина "Омон Ра" стандартный набор продуктов становится символом советской эпохи дефицита и передаёт скудность идеалов и убеждений. Здесь трижды повторяется один и тот же "гастрономический образ": суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот. Описание стандартного обеда сопутствует переломным моментам в жизни героя: детство - пионерлагерь; юность - учёба в училище и побег из "лжекосмоса" - метро. Описание обеда даётся в эмоционально-сниженном ключе:

(1) Это была столовая, где нас ждал холодный обед, хотя пора было ужинать, - мы приехали на несколько часов позже, чем ожидалось. Обед был довольно невкусный - суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот.

(В.П. - 18)

(2) Потом нам показали наши места в казарме первого курса, куда нас перемещали из палаток, и повели в столовую. С её потолка свисали на нитях пыльные МиГи и Илы, казавшиеся громадными воздушными островами рядом с эскадрильями быстрых чёрных мух. Обед был довольно невкусный: суп с макаронными звёздочками, курица с рисом и компот. После еды очень захотелось спать; мы с Митьком еле добрались до коек, и я сразу уснул.

(В.П. - 38)

(3),,, я без особых колебаний шагнул в раскрывшуюся дверь. Она закры-

---

лась и поезд повёз меня в новую жизнь. "Полёт продолжается", - подумал я. Половина лампочек в луноходе не горела, и свет от этого казался каким-то прокисшим. Я уселся на лавку; сидевшая рядом женщина рефлекторно сжала ноги, отодвинулась и поставила в освободившееся между нами пространство сетку с продуктами - там было несколько пачек риса, упаковка макаронных звёздочек и мороженая курица в целлофановом мешке.

(В.П. - 162)

Жизнь идёт по кругу; герой растёт, затем взрослеет, но находится всё в той же системе координат, которая выражается, в частности, и в малопривлекательном образе замороженной курицы. Только лишь в самой концовке романа намечена идея прорыва.

Интересно отметить, что концепт, вербализуемый русским словом "курица" и английским "chicken", является излюбленным для обозначения уровня благосостояния той или иной страны или исторического периода как в русско-, так и в англоязычной литературе. Вот как описывается "чёрный рынок" в Москве периода начала перестройки:

And food! Not blue **chickens** dead of malnutrition, but whole sides of marbled beef hanging in a butcher's truck.

(M.C.S. - 5)

В произведении Дж.Стейнбека "Путешествие с Чарли в поисках Америки" концепт "Америка" представлен через концепт "пицца" и его гипонимы. С помощью эмотивных элементов (в данном случае эпитетов с отрицательной оценочностью) американская пицца характеризуется как чистая, но безвкусная, бесцветная и однообразная. Let's take food as we have found it. It is more than possible that in the cities we have passed through, traffic - harried, there are good and distinguished restaurants with menus of delight. But in the eating places along the roads the food has been clean, tasteless, colourless, and of complete sameness. It is almost as though the customers had no interest in what they ate as long as it had no character to embarrass them.

Особенность нашего сознания такова, что любой концепт может быть использован для передачи как положительной, так и отрицательной информации. Подобная амбивалентность характерна и для концепта "food". В следующем предложении оценочность меняется на положительную, и автор воздаёт хвалу американским завтракам и домашней пище:

This is true of all but the breakfasts, which are uniformly wonderful if you stick to **bacon and eggs and pan - fried potatoes**. At the roadsides I never had a really good dinner or a really bad breakfast. The bacon or sausage was good and packaged at the factory, the eggs fresh or kept fresh by refrigeration, and refrigeration was universal. I might even say roadside America is the paradise of breakfast except for one thing...I found that the difference was instantly apparent. A freshly laid egg does not taste remotely like the pale, battery - produced refrigerated egg. The sausage would be sweet and sharp and pungent with spices, and my coffee a wine - dark happiness.

Цена прогресса определяется и качеством пищи, которую мы едим, поэтому в цитируемом отрывке "taste" и "cleanliness" становятся контексту-

---

альными антонимами:

Can I then say that the America I saw has put **cleanliness** first, at the expense of **taste**? And - since all our perceptive nerve trunks including that of taste are not only perfectible but also capable of trauma - that the sense of taste tends to disappear and that strong, pungent, or exotic flavours arouse suspicion and dislike and so are eliminated?

(J.S. - 124)

Какова пища, таков и дух нации. Смысл проводимой аналогии состоит в том, что развитие культуры массового потребления притупило не только вкусовые ощущения американцев, но и их эмоциональную сферу, которую приходится "приправлять" сексом и садизмом, содержащимся в средствах массовой информации:

If this people has so atrophied its taste buds as to find tasteless food not only acceptable but desirable, what of the emotional life of the nation? Do they find their emotional fare so bland that it must be spiced with sex and sadism through the medium of the paperback? **And if this is so, why are there no condiments save ketchup and mustard to enhance their foods?**

(J.S. - 125).

Ещё одна аналогия между пищей духовной и материальной проводится в описании материалов, подаваемых средствами массовой информации:

We've listened to local radio all across the country. And apart from a few reportings of football games, **the mental fare has been as generalized, as packaged, and as undistinguished as the food.**

(J.S. - 125).

Образ Америки как огромного супермаркета рисует в своём стихотворении "Супермаркет в Калифорнии" Аллен Гинзберг. Концепт "материальное изобилие" поставлен в оппозицию концепту "духовные ценности". Упоминание имён Гарсиа Лорки и Уолта Уитмена в контексте перечисления продуктов создаёт впечатление абсурдности происходящего:

What peaches and what penambros! Whole families shopping at night!
Aisles full of husbands! Wives in the avocados, babies in the tomatoes! - and you, Garcia Lorca, what were you doing down be the watermelons?

I saw you, Walt Whitman, childless, lonely old grubber, poking among the meats in the refrigerator and eyeing the grocery boys.

I heard you asking questions of each: Who killed the pork chops? What price bananas? Are you my Angel?...

Where are we going, Walt Whitman? The doors close in an hour.

Which way does your beard point to - night?...

Will we stroll dreaming of the lost America of love past blue automobiles in driveways, home to our silent cottage?...(A.G. - 281).

Описания пищи, подаваемой в особо значимых ситуациях, можно встретить и в публицистическом стиле. Так, при описании визита президента России В.В.Путина на ранчо президента США корреспондент Белого Дома дает подробное описание обеда. В тексте даётся точное перечисление всех блюд:

The menu, Fleisher said, "will include Mexican guacamole salad, mesquite-

---

smoked peppered beef tenderloin, southern-fried catfish, fire-roasted potatoes with poblano peppers, old fashioned green beans, grilled sourdough bread, Texan onion butter, cornbread muffins, pecan pie and Bluebell vanilla ice-cream." (W.R.)

Как верно заметил А.Леопольд в "Альманахе песчаного округа": "every region has a human food symbolic of it fatness" (в каждом регионе есть пища, символизирующая его плодородие). Вполне понятно, что давая обед для представителя другого этноса и другой страны, президент США старается показать своему гостю через пищу особый колорит своей страны, "вкус" Америки и в прямом и в переносном смысле. Перечисление названий блюд, включающая в себя блюда из мяса, рыбы, овощей, зерновых и молока символизирует изобильность и плодородие американской природы. То, что обед даётся на ранчо, также влияет на выбор блюд. Все они имеют национальный колорит. Концепты, стоящие за названиями блюд, включают в себя информацию об особенностях географического и исторического развития страны. Так, например, концепт названия блюда "mesquite-smoked peppered beef tenderloin" (говяжий филей, подкопчённый на дыме от веточек кустарника "мескит" (семейство мимозовых) несёт в себе следующую информацию: блюда из говядины - это самая распространённая еда на Среднем Западе и Юге США, т.к. животноводство являлось и является основным родом занятий хозяйствующих здесь фермеров. Кустарник "мескит" широко распространён именно на юго-западе США и в Мексике, поэтому он используется при приготовлении местных блюд.

Блюдо "Guacomole salad" - салат из протёртого плода авокадо - было заимствовано американцами из мексиканской кухни, кулинария которой, наряду с испанскими языковыми заимствованиями, вошла в состав американской национальной культуры благодаря тесным историческим контактам США и Мексики. Это особенно характерно для штата Техас, в котором как раз и проходила встреча на высшем уровне, т.к. процесс взаимодействия двух этносов проходил в этом штате с особой интенсивностью. То, что обед проходит на ранчо, в неформальной обстановке, обуславливает выбор продуктов - potatoes, pepper, green beans - всё это входит в каждодневный рацион жителей данного региона США и подчёркивает демократичный характер общения двух президентов, которые едят те же блюда, что и обычные фермеры.

Национальное своеобразие многих блюд подчёркивается указанием способа их приготовления выраженного через определения: mesquite-smoked, southern-fried, fire-roasted, old fashioned, grilled. Среди названий блюд много так называемых реалий, которые характерны только для данного региона и создают впечатление "экзотичности" у представителей других культур - это всё тот же "quacomole salad", "poblano peppers", "Texan onion butter", "pecan pie".

Так же как и без основного продукта животноводства - "beef", присутствующего в названии мясного блюда, было бы невозможно представить себе американский обед, особенно на юго-западе, без блюда из кукурузы - "corn". Значение этого растения для американской культуры велико. Корни

почитания этой сельскохозяйственной культуры идут ещё от древних индейцев майя, которые обожествляли кукурузу и в мифологических рисунках изображали её в образе юноши с причёской из кукурузного початка. Кукурузные поля являются символом штата Айова (Средний Запад) и одним из рекуррентных образов в американской литературе; эта традиция находит своё выражение и в названии блюда "cornbread muffins", которым угощают российского президента. Информацию об исключительности некоторых блюд, их национальном своеобразии передаёт также определение "Texan" в выражении "Texan onion butter".

Синергетический эффект взаимодействия вышеперечисленных концептов состоит в передаче информации двух видов: (1) - национально-культурной, раскрывающей особенности пищевого режима данного региона и, соответственно, своеобразие природы, обеспечивающей этот режим, и (2) - символической, передающей идею изобильности американской природы, демократичности бытового поведения президента Дж. Буша - и, таким образом, определённый аспект американского национального духа.

Рассмотрев функционирование концептов пищи в художественном и публицистическом тексте, можно сделать определённые выводы. Описания пищи являются одной из рекуррентных тем художественных текстов. Это связано с тем, что наряду с языком пища является мощным средством национальной идентификации, отличая "своих" от "чужих", и эта её функция имеет глубокие исторические корни. Мифологическое значение определённых пищевых ритуалов уже не осознаётся современным человеком, но входит в структуру соответствующих культурных сценариев.

Концепты пищи, функционирующие в художественном тексте, содержат в себе большой пласт национально-культурной информации. Как правило, они представлены образами пищи, наиболее характерной для описываемого региона, тем, что по-английски называется "soul food". Концепты пищи несут богатую информацию о географических факторах, распространённости той или иной пищи среди описываемого этноса, о пищевых режимах и традициях, принятых в данном социуме, и о культурных сценариях.

Концепты пищи, употребляемые в качестве образов в художественном тексте, часто обладают антропоморфными свойствами и служат средством передачи внутреннего эмоционального состояния персонажей. Употребление концептов пищи в качестве символов может отражать как определённые смыслы в судьбе описываемых персонажей, так и являться характеристикой "вкуса" эпохи - её изобильности или скудности.

С точки зрения классификации концептов по типу структурирования представленной в них информации, можно выделить концепты - гипонимы, связанные с тем или иным конкретным продуктом или блюдом, входящим в гипероним "пища". Данные гипонимы, в свою очередь, также представлены концептами разной структуры - это концепты - "мыслительные картинки" (например, названия некоторых продуктов и блюд: "chili mulattos", "ox-tail soup") и концепты - сценарии (реализующие в плане своего содержания идею развития: напр., "dinner").

Изучение содержания концептов пищи и их функционирования в худо-

---

жественном и публицистическом тексте в рамках когнитивной научной парадигмы будет способствовать более полному описанию концептосферы современного английского языка США и отдельных культурных концептов.

ВЫВОДЫ

1. Когнитивный подход к явлениям языка на основе междисциплинарных исследований позволил глубже проникнуть в содержание ментальных структур, стоящих за словом, и показать своеобразие некоторых семантические прототипов, считавшихся ранее универсальными. Наука о концептах представлена широким спектром исследований, начиная от П.Абеляра (XII век) и заканчивая работами современных учёных-когнитологов. Наше внимание в данной работе сосредоточено на содержании национально-специфических концептов. По нашему определению, национально-специфический концепт - это прототипический образ объекта, ситуации, характеристики, эмоции и т.п., заключающий в себя опыт коллективного языкового сознания и коллективного бессознательного того или иного этноса. За содержанием одних и тех же слов в разных языках стоят разные, не совпадающие по смысловому объёму концепты, информационное поле которых составляют факты реальной жизни, культурные символы и мифы.

2. Необходимо особо подчеркнуть, что национально-культурная информация является "сердцем" концепта, ядром его содержания и, поскольку концепт объективирован в слове, при освоении чужого слова получатель речи осваивает и определённый сегмент иной культуры. Язык в этом случае выступает средством межкультурной коммуникации.

3. Актуальные концепты вербализуются в языке через "ключевые слова" или рекуррентные лексические единицы. Рекуррентные единицы, как правило, обладают лингвокультурной спецификой, и их изучение позволяет получить доступ к знаниям культурологического характера в социумах, об их культурной и социальной специфике и (в сопоставительном аспекте) о лакуарности в концептосферах отдельных социумов.

4. Концепты национальной культуры всегда формируются под влиянием геополитического фактора. Отобранные нами для анализа концепты "West", "land", "farm", "ranch", "cowboy", "work", "job" и ряд других принадлежат к константам американской культуры, передают её базовые ценности. Об этом свидетельствует тот факт, что они широко употребляются в качестве художественных образов в литературных произведениях, темой которых является осознание американцами своей идентичности, своих корней, поиска ответа на вопрос "кто мы?", а также в современном политическом, информационном и публицистическом дискурсе.

5. Основные провозглашаемые американские ценности: "faith", "family", "freedom", "hard work", "individual opportunity", "entrepreneurial spirit" и др. проходят поочередно процессы мифологизации и демифологизации, функционируя в различных типах дискурса. Тем не менее, даже будучи употреблены со знаком "минус", они остаются в фокусе этих дискурсов, характеризуются высокой частотностью и вносят свой вклад в формирование национальной идеи.

6. Для понимания культуры чернокожих американцев и афроамерикан-

---

ского этоса первостепенное значение имеют концепты "race", "color", "black", "soul", "song". Базовый слой культурных концептов данного этноса содержится в традиционных негритянских духовных песнопениях - спиричуэлз - их анализ помогает осознать отправную точку развития "чёрной" американской культуры.

7. Концепты пищи представляют собой очень богатый материал в плане выражения национально-культурного своеобразия будучи употреблёнными как в прямом, так и в символическом значении. На наш взгляд, концепт "пища" так широко представлен в произведениях фольклора, литературы и публицистических материалах в силу его первостепенной важности для поддержания жизни человека. Концепты пищи привлекают к себе внимание высокой частотностью употребления выражающей их лексики и многочисленными описаниями культурных сценариев, связанных с приготовлением и употреблением пищи в различных типах текстов. Гастрономическая лексика может передавать определённый национальный колорит, воссоздавая атмосферу описываемой местности, концепты же пищи передают особенности менталитета, а также систему пищевых запретов и режимов, принятых в той или иной культуре. Многие концепты пищи несут большой духовный потенциал и отражают важные аспекты концептосферы того или иного языка. Для русской культуры таким концептом, несомненно, является хлеб; для американской - "turkey", "pumpkin", "beans" - иными словами то, что позволило первым переселенцам выжить физически на новом континенте.

Метафоры, построенные на употреблении концептов пищи, ярки, понятны всем из-за универсальности самого концепта и выразительны (ср. "salad bowl" и "pizza" в качестве символа американского общества). В американской культуре можно найти множество примеров, когда концепты пищи используются в качестве объединяющей национальной идеи. Термины пищи в художественном тексте часто символизируются, передавая "вкус эпохи" и выступая в качестве символов либо богатства, изобилия, плодородия, либо скудности существования.

Ритуальность многих традиций связанных с пищей, позволяет использовать их в качестве фактора, объединяющего нацию. Концепты пищи очень часто выступают в качестве стимулов для обращения к духовным ценностям, связанным с ними в коллективном и индивидуальном сознании.

ГЛАВА 4. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ

4.1. Герменевтическая и лакунарная парадигмы в лингвокультурном исследовании текста

Утверждение о том, что существование языка невозможно без культурного контекста, также как и существование культуры невозможно без языка, упорядочивающего стереотипы данной цивилизации с помощью определённых символов, является аксиоматичным. Главной формой передачи этнокультурной информации является слово, когда обмен этнокультурными сведениями осуществляется опосредованно, через текст как составную часть всеобщего "культурного текста" (Сычугова, 1996).

В плане интерпретации иноязычного текста весьма интересны замечания Ю.М.Лотмана (Лотман, 2000) о том, что наличие для всех земных цивилизаций определенных универсалий делает в принципе любой текст человеческой культуры в какой-либо степени переводимым на язык другой культуры, то есть в какой-то мере понимаемым. Наряду с этим Ю.М.Лотман отмечает, что не только понимание, но и непонимание является необходимым и полезным условием коммуникации: "текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный" (Лотман, 2000, с.220). Ситуация диалога между текстом и читателем (или, в современном понимании, дискурс) обеспечивает актуализацию текста и дает толчок генерированию новых смыслов.

Следует также упомянуть о разграничении языковых и текстовых знаний, предлагаемое В.Б.Касевичем. Он отмечает, что существуют знания, закодированные оппозициями словаря и грамматики - языковые знания - которые в совокупности составляют языковую картину мира. Вместе с тем существуют знания энциклопедического характера, закодированные в совокупности текстов, отражающих все аспекты познания мира человеком, донным историко-культурным сообществом. В текстах отражается *текстовая картина мира*. По мнению В.Б.Касевича, так называемая научная картина мира - частный случай текстовой. Миф также представляет собой разновидность текстовой картины мира (Касевич 1996, с.179).

Используя выражение "герменевтический горизонт понимания", В.Б.Касевич отмечает, что он определяется не только языком, но и текстами: "Если развивать метафору горизонта, мы имеем дело с подлинным горизонтом в том смысле, что последний постоянно отодвигается от нас по мере нашего продвижения вперёд, выражающегося в умножении релевантных текстов. Осмысленные тексты - горизонт понимания **движущегося** человека" (там же).

По мнению В.Б. Касевича, языковая картина мира консервативна, так же как консервативен и сам язык. Текстовая же картина мира может эво-

---

люционировать достаточно быстро. На определённом этапе, поэтому, возникают расхождения между консервативной семантической системой языка и той актуальной ментальной моделью, которая действительна для данного языкового коллектива и проявляется в порождаемых им текстах, а также в закономерностях его поведения. В результате традиционные лингвистические типологии оказываются плохо приспособленными для проведения сопоставительных культурологических исследований, а учёным приходится искать новые подходы как в области лингвистической типологии, так и в сфере сравнительной культурологии.

Этот тезис подтверждает актуальность нашего обращения к текстovým единицам хранения национально-культурной информации как средству отражения её динамичной изменяющейся сущности.

Суть герменевтической традиции в лингвистической теории языка в наше время состоит в целостном подходе к тексту/дискурсу. В отличие от классических философских представлений, жёстко разграничивающих объективный, физический мир и субъективный, психический мир мыслей, чувств и языка, герменевтика указывает на принципиальное единство объективного и субъективного, на взаимовлияние языка и действительности, образующих единый текст и / или дискурс. При этом каждый дискурс понимается как один из возможных миров. А само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса - "Язык есть дом духа"; и в известной мере тезиса - "Язык - дом бытия" (Степанов 1995, с.45).

Отсюда следует, что никакие два языка не бывают достаточно сходными в такой степени, чтобы репрезентировать одну и ту же социальную действительность. Миры, в которых живут различные общества, - это разные миры, а не просто один и тот же мир с разными этикетками (Сепир, 1993). Доказательством тому может послужить феномен "культурного шока", который испытывает каждый человек, перемещаясь из одной культуры в другую, и программы психологической подготовки, так называемые "orientations", которые разработаны в настоящее время для студентов, выезжающих на учебные стажировки в англоговорящие страны.

Этимология термина "герменевтика" восходит к значению греческого существительного, допускающего импликацию имени бога Гермеса, который приносит весть судьбы. Таким образом, "герменевтика" значит "истолкование, которое несёт в себе известие, поскольку способно прислушиваться к вести" (Хайдеггер, 1993, с.288). Согласно М.Хайдеггеру, герменевтика возникла в рамках богословия и анализировала вначале отношение между словом Священного писания и богословско-спекулятивной мыслью. Позднее, в работах В.Дильтея и Ф.Шлеймахера герменевтика упоминается как филологическая наука, говорящая о целях, путях и правилах истолкования литературных произведений. Герменевтика сегодня как "вообще искусство правильно понимать речь другого" может означать "теорию и методологию всякого рода интерпретаций" (Хайдеггер, 1993, с.279).

Согласно герменевтической традиции, грамматика языка иконична в том смысле, что моделируемые ею отношения отражают в известной мере структуры внешнего мира, культурные привычки и особенности общества,

---

использующего данный язык. Основной закон герменевтики состоит в том, что языковые значения отражают значения "концептуальных" миров и культур и, наоборот, на основе метафоризации, иносказательности, символики происходит трансформация определённых культур, человеческих ценностей и мировоззрений (Nietzsche, 1887).

Таким образом, Ницше устанавливает закономерность отношения между движением языковых значений и событиями культуры, констатируя их взаимовлияние друг на друга, проявляющееся и в том, что языковые формы и ценности могут трансформировать и формировать и человеческие культуры. Ницше считал язык и логику произвольными функциями и усматривал в метафорах естественного языка иконический элемент Вселенной. Именно Ницше, по мнению М.М.Маковского, стал заниматься актуальной ныне проблемой языковой ментальности - различными способами языкового представления мира, то есть лингвистической герменевтикой (Маковский, 1991).

Существующие работы в области герменевтики носят, как правило, общетеоретический характер, относительно редко затрагивают этноспецифику исследуемого материала, в том числе в рамках интеркультурной коммуникации.

Этногерменевтика призвана заполнить этот пробел, прежде всего на конкретном языковом материале. Этногерменевтика, по определению Е.А. Пименова, это "новое лингвистическое направление (его название пока еще отсутствует в словарях), которое на конкретном материале рассматривает грамматические и семантические проблемы разных языков в синхронии и диахронии, анализ которых раскрывает соответствующие фрагменты языковой картины мира носителей данных языков" (Пименов, 1998, с.6).

Эториторика и этногерменевтика находятся на стыке философии, социологии, психологии, этнографии и лингвистики. Эти направления исследуют этноспецифические особенности менталитета носителей разных языков, а также интеркультурные языковые и речевые черты, характерные для отдельных языков. Результаты таких исследований имеют широкое применение, которое способствует интеркультурному общению и взаимопониманию носителей разных языков.

Что касается лакунарного подхода к исследованию национально-культурной специфики текста, он входит в сопоставительное лингвокультурное направление исследования и широко применяется в теории перевода. Изучению феномена лакун посвящён ряд глубоких исследований И.Ю.Марковиной и Ю.А.Сорокина. И.Ю.Марковина определяет понятие лакуны следующим образом: "Лакуны в самом общем понимании фиксируют то, что есть в одной лингвокультурной общности и чего нет в другой. Иными словами, лакуны - это сигналы специфики той или иной лингвокультурной общности в сравнении с некоторой другой общностью" (Марковина, 1982, с.9).

Лакуны классифицируются на лексические, грамматические, стилистические, ассоциативные, этнографические, поведенческие, кинесические и психологические.

4.2. Категориальный статус национально-культурного своеобразия

Понимание текста предполагает не только знание языка, но и знание мира.

Тойн ван Дейк

В первой части данной работы национально-культурное своеобразие было рассмотрено как языковая функция, проявляющая себя через культурно-специфическую лексику, этнические коннотации и особенности грамматической категоризации. Исследования, проведенные нами в рамках текста, позволяют говорить о том, что национально-культурная отнесенность является полистатусной категорией, имеющей свой инвентарь средств выражения на всех уровнях текста - от лексического до концептуального. Особенно ярко текстовый характер этой функции проявляется в текстах, характеризующихся бикультурализмом, - написанных на языке, являющемся внешним по отношению к описываемой культуре - таких как, например, "Пнин" В.Набокова или произведения американской литературы, относящиеся к "дефисным" литературам (напр., Chinese - American, Puerto - Rican American, и др.). Конкретные способы реализации данной функции в тексте будут рассмотрены нами ниже.

В современной лингвистике есть два подхода к тексту: 1) как к целому речевому произведению (или сложному синтаксическому целому) и 2) как к знаку особого типа.

В рамках первого подхода текст обычно определяется как некое упорядоченное множество предложений, объединённых различными типами лексической, логической и грамматической связи, способное передавать определённым образом организованную и направленную информацию. Текст есть сложное целое, функционирующее как структурно-семантическое единство (Тураева, 1986).

Второе утверждение требует пояснений. Для представителей классической теории языкового знака он трактуется как двусторонняя сущность, сформированная отношением формы знака и его значения (Маслов, 1987).

Есть, однако, и другой подход к определению знака и знаковой сущности текста. Так, например, в лингвистическом словаре Метцлера под языковым знаком понимается вычленимый элемент языковой системы (*isolierbares Element des Sprachsystems*). В соответствии с данным подходом языковые знаки подразделяются на дистинктивные (фонемы, графемы) и сигнификативные. Далее на сигнификативном уровне языковые знаки представляют собой конвенциональное соединение выражения (звуковая или письменная форма, означаемое) с содержанием (значением, обозначаемым), как это имеет место у морфем, композитов и фразеологизмов. Кроме того, в эту группу включаются также предложения и тексты (цит. по: К.А. Филиппов, 2003).

Этот подход основан на встречающемся иногда в лингвистике понима-

---

нии языкового знака как односторонней сущности. Так, позицию Р.Карнапа по этому вопросу комментирует К.А.Филиппов: в работах Р.Карнапа понятие "знак" было трансформировано и приспособлено к конкретным нуждам специальной области знаний, главным образом математики и физики. В отличие от традиционной трактовки знака как двусторонней сущности, сформированной отношением формы знака и его значения, Р.Карнап приравнивал его к "языковому выражению" и тем самым свёл его к форме знака, к односторонней сущности. Характерной чертой знака в интерпретации Р.Карнапа стало не свойство "замещать что-либо", а "принадлежать к системе", быть членом строго формализованной системы исчисления. В соответствии с данным подходом текст также можно считать языковой единицей, обладающей статусом языкового знака.

Существует также иное, расширительное понимание языкового знака. В этом случае исходят из того, что не только слова и морфемы, но и речевые высказывания представляют собой единицы, имеющие две стороны - план выражения и план содержания. Другие отличительные признаки языкового знака при этом опускаются. В данном случае становится возможным распространить понятие языкового знака на предложение и текст (Kleine Enzyklopaedie Deutsche Sprache, 1983, с.86). Подобная точка зрения представлена в работах Л.Ельмслева и его последователей.

Согласно семиотической теории Ю.М.Лотмана, текст рассматривается как смыслопорождающее устройство. Особенно плодотворным нам представляется его утверждение о том, что текст - это конденсатор культурной памяти, он обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах. По Ю.М.Лотману, для воспринимающего текст - всегда метонимия реконструируемого целостного значения, дискретный знак недискретной сущности. Таким образом, текст есть конденсатор культурной памяти, он сохраняет память о своих предшествующих контекстах. Сумма контекстов, в которых данный текст приобретает осмысленность и которые определенным образом инкорпорированы в нем, представляет из себя "память текста".

Мы исходим из положения о том, что национально-культурная отнесенность художественного текста является одной из его важнейших категорий. Если некоторые другие текстовые категории могут иметь спорный характер, то национально-культурная и этнопсихологическая составляющие текста являются его неотъемлемыми характеристиками, так как любые общечеловеческие истины, ценности и идеалы могут проявляться в тексте только через национально-своеобразное.

Мы считаем, что национально-культурная отнесенность художественного текста может рассматриваться как одна из его категорий. Как любая текстовая категория, она имеет свой план содержания и план выражения. По нашему мнению, план содержания данной категории - это так называемый этос или "национальный дух", выраженный в тексте, а план выражения - это различные языковые средства его объективации на всех уровнях текста, включая концептуальный.

Всеобщий текст как форма культуры является, в свою очередь, предме-

---

том изучения семиотики, или так называемой текстовой семиотики, которая определяется как проникновение лингвистики в сферу текстуального анализа или литературной критики (Noth, 1985).

Текстовая семиотика в традициях французского структурализма во многом опирается на достижения литературной критики, изучающей текст в его взаимосвязях со всевозможными, подчас неожиданными источниками, влияниями, скрытыми планами и "авансценой", что приводит не к раскрытию авторской интенции, а к контексту культуры, в которую вплетён данный текст.

По Р.Барту, "всякий текст сплетён из необозримого числа культурных кодов, в существовании которых автор, как правило, не отдаёт себе ни малейшего отчёта, которые впитаны его текстом совершенно бессознательно". Культурный код у Р.Барта - это "перспектива множества структур...; единицы, образуемые этим кодом, суть не что иное, как отголоски чего-то, что уже было читано, видно, сделано, пережито: код является следом этого "уже". Отсылая к уже написанному, иными словами, к Книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуре), он превращает текст в каталог этой Книги" (Barthes, 1970, p.27 - 28).

Таким образом, текстовая семиотика как наука, связанная с анализом "памяти" текста, включённого в бесконечную ткань культуры, напрямую выходит на методологию интерпретации и / или интертекстуальности, образующей сферу герменевтики. При осмыслении онтологического и лингвистического аспектов текста учёные обращаются к понятию текстовой категории.

Переходя к вопросу о текстовых категориях, необходимо отметить, что уже у Аристотеля проблема категории выступила как проблема соотношения содержания высказывания о некотором сущем с самим этим сущим. Категории у Гегеля осуществляют себя только как духовные формы любого предметного содержания. "В своей необходимой взаимосвязи категории образуют систему, воспроизводящую объективную, исторически развивающуюся взаимозависимость всеобщих способов отношения человека к миру, в которых отражаются формы бытия природы и общественной жизни. Категории любой науки не составляют замкнутой, неизменной системы. В связи с развитием деятельности человека, в процессе которой он преобразует мир и познаёт его, число и содержание категорий обогащается. Выражая существенные связи развивающейся действительности, законы движения природы, общества и мышления, они должны быть такими же подвижными, гибкими, как и отражаемые ими явления" (Философский словарь, 1986).

Языковая категория в широком смысле - это любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства: в строгом смысле - некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака, например, категория падежа, вида (Булыгина, Крылов, 1990, с.215).

Категоризирующий признак может быть собственно семантическим, син-

---

таксическим или общекатегориальным. Под понятийной категорией обычно понимается замкнутая система значений некоторого универсального семантического признака или же отдельное значение этого признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения ("скрытому" или "явному") в конкретном языке, напр., "активности/ неактивности", "отчуждаемости/неотчуждаемости", "цели", "места", "причины" и т.д. (Лингвистический энциклопедический словарь, 1990).

Мыслительное содержание, охватываемое понятийной категорией, многослойно; оно включает как минимум два слоя информации - внешнеситуационный ("денотативный", "референтный", "когнитивный" и т.п.) и прагматический (или "субъективный", "модальный", "илокутивный", "коммуникативный" и т.п.). Внешнеситуационное содержание охватывает отражаемый факт (событие) с его предметными отношениями и устроено как пропозиция, имеющая предикатно-аргументную структуру. Прагматическое содержание отражает соотносённость отражаемого факта с данным речевым актом и его компонентами - участниками, временем и местом протекания речевого акта; оно включает в себя экспрессивный, апеллятивный, социальный (стилистический), дейктический, информативный (логический), фактический, метаязыковой и эстетический ("поэтический") слои информации.

Инventарь текстовых категорий рассматривался и продолжает изучаться в русле лингвистики текста, и количество текстовых категорий постоянно увеличивается по мере развития этой науки. Изучением текстовых категорий занимался целый ряд учёных-филологов (И.Р.Гальперин, И.В.Арнольд, З.Я.Тураева, В.А.Кухаренко и др.). Филиппов отмечает, что определение круга специальных текстовых понятий, особых текстовых категорий составляет предмет новейшей лингвистики текста. Однако среди исследователей, продолжает автор, нет единства мнений ни по поводу существования текстовых категорий, ни по поводу их классификации. Открытым остаётся также вопрос о средствах выражения той или иной категории. Любая текстовая категория характеризуется определённым идеальным содержанием и системой средств её реализации в тексте. В соответствии с подходом З.Я.Тураевой, категории текста отражают его наиболее общие и существенные признаки и представляют собой ступеньки в познании его онтологических, гносеологических и структурных признаков. Описание и изучение категорий текста предполагает как таксономические (классификационные), так и качественные исследования (Тураева, 1986). Категории текста подразделяются на структурные (сцепление, когезия, интеграция, прогрессия, стагнация) и содержательные, или концептуальные (образ автора, хронотоп, информативность, причинность, подтекст и некоторые другие). А.Ф.Папина к глобальным категориям текста относит следующие: Участники коммуникативного акта; Участники событий; Событие (Ситуация; Художественное пространство; Место объектов; Художественное время; Оценка). "Данные категории, - отмечает автор, - во всех частях ССЦ* способны его связности и единству, изображению многомерности представляемых картин мира,

---

* сложносочиненного целого

т.к. любое событие происходит в определённом *открытом* или *закрытом* пространстве, обязательно связано с избираемым автором *временем*, с участием "*образа автора*", *лирического героя*, *персонажей* произведения. Любой текст рассчитан на то, чтобы произвести определённое впечатление на собеседника, вызвать его сопереживание" (Папина, 2002).

Национально-культурное своеобразие относится к содержательным категориям, которые осют связь между текстом и объективной действительностью, отраженной и преломлённой в тексте. Если исходить из того, что антропоцентризм языка, проецируясь на художественный текст, делает ведущей категорией образ автора, определяя выбор языковых средств, необходимо осознавать, что каждый автор принадлежит к тому или иному этносу, и эта принадлежность определённым образом обуславливает концептуальный аспект текста. Объединяясь с "инкапсулированными" в словах каждого языка "основными силовыми линиями общества", "главнейшими культурными интересами" и "первичными мотивациями", этот аспект обуславливает национально-культурное своеобразие текста, которое является его константой. Таким образом, эгоцентризм и этноцентризм речемыслительной деятельности должны рассматриваться в диалектическом взаимодействии.

4.3. Способы объективации национально-культурного своеобразия на различных уровнях структуры художественного текста

Национальный характер языка и связанная с этим особая концептуализация мира тем или иным социумом находит свое выражение, в частности, в художественных текстах. Как отмечают некоторые исследователи, литература - это карманный словарь-справочник, путеводитель по культуре этноса, ее породившего.

Э.Сепир отмечал в своих работах, что всякий раз, когда речь заходит о культуре, внимание инстинктивно сосредоточивается на искусстве, так как в искусстве проявляются наивысшие достижения культуры, квинтэссенция духа цивилизации. Ю.А.Сорокин определяет литературу как "субститут речевых и кинесических когнитивно-эмотивных состояний индивидуума (или текста, порождённого индивидуумом)" (Сорокин, 1977, с.121). Л.А.Шейман и Н.М.Варич, исследуя национально-культурное своеобразие этноса, пользуются понятием "этноэидемы" - сквозного образа, пронизывающего национальные картины мира различных этнических общностей (Шейман, Варич, 1976).

Нет сомнения в том, что талантливый писатель, к какому бы литературному направлению он ни принадлежал (реализм, постмодернизм или другое), отражает даже в своем единичном произведении дух своей эпохи, своего этноса, который просвечивает сквозь индивидуально-художественные особенности языка и стиля данного писателя. Вот почему исследования работ великих мастеров - Пушкина, Шекспира, Джойса - являются неиссякаемым источником изучения соответствующего этоса, национально-

---

го духа, который, несомненно, заключен не только в экспонатах музея этнографии, но и в художественных текстах.

Попытаемся проиллюстрировать, как различные текстовые уровни, взаимодействуя, актуализируют категорию национально-культурного своеобразия. Материалом для анализа выбран отрывок из книги американской писательницы пуэрто-риканского происхождения Дж.О.Коуфер "Молчаливый танец", посвященный её воспоминаниям о детстве, проведенном в штате Нью-Джерси, куда эмигрировали её родители. Тема рассказа, таким образом, является типично американской - рассказ эмигранта о том, кто он есть, о своих корнях.

Лексический уровень текста сразу же задаёт (на уровне хронотопа) национально-культурную специфику повествования, демонстрируя в сильной позиции 2 топонима: *Puerto Rico* и *United States Navy*. Тема Америки настойчиво проявляет себя уже в первом абзаце повествования через цепочку топонимов: *Brooklyn Yard, New York City, the Hudson River, Paterson, New Jersey*.

Топонимы, представляющие в системе языка исключительно культурно-специфические концепты, служат актуализаторами идеи духа Америки в читательском восприятии, а полнота "картинки" будет зависеть от рецептивного аспекта.

Лексический уровень также является актуализатором темы рассказа - взаимодействие двух культур в процессе американизации эмигрантов. Лексическая цепочка, представляющая исходную культуру, здесь слабее - она представлена названием страны эмиграции - *Puerto Rico*, его заместителем - *the Island* и креолизированным словом - *El Building*, которое соединяет на морфологическом уровне две культуры: американскую и "латино" через смешение испанского артикля "El" и английского слова.

Обозначения цвета заслуживают особого внимания в данном рассказе. Первое цветообозначение, с которым встречается читатель в данном рассказе - это "gray". Цветообозначение "gray" имеет отрицательные коннотации во многих языках, так как оно связано с явлениями природы, воспринимаемыми человеком в негативном свете - "серый день", "серые будни" и т.д. В рассказе серый цвет является символом унылой жизни эмигрантов:

My memories of life in Paterson during those first few years are in shades of **gray**. Maybe I was too young to absorb vivid colors and details, or to discriminate between the slate blue of the winter sky and the darker hues of the snowbearing clouds, but the single color washes over the whole period. The building we lived in was **gray**, the streets were **gray** with slush the first few months of my life there, the coat my father had bought for me was dark in color and too big. It sat heavily on my thin frame (J.O.C. - 283).

Другие цветообозначения можно отнести к цветовым этноэидемам - концептуально значимым обозначениям цвета, т.е. цвета, предпочитаемого и символически нагруженного в той или иной культуре. Интерес лингвистов к лексико-семантической группе цветообозначений в разных языках мира не случаен, так как цветообозначения, как и звукоподражания животным, являются одними из самых наглядных лексикализованных сенсбилий. Национальная специфика цветообозначений, как и звукоподражаний,

---

непосредственно связана с особенностями работы сенсорно-рецептивного компонента этнического языкового сознания. Ю.А.Сорокин (Сорокин, 1988) считает, что цветообозначения - это своеобразные "концепты мирозидения", или "словесно-образные лейтмотивы текста". Для культуры Пуэрто-Рико такими цветоэидемами являются чёрный и красный:

The room is full of people dressed mainly in two colors: **dark suits** for the men, **red dresses** for the women. I have asked my mother why most of the women are in red that night, and she shrugs, "I don't remember. Just a coincidence." She doesn't have my obsession for assigning symbolism to everything (J.O.C. - 284).

She is a pretty girl but her posture makes her look insecure, lost in her full-skirted **red dress** which she has carefully tucked around her to make room for my gorgeous cousin, her future sister-in-law (J.O.C. - 284).

My cousin is wearing a tight **red - sequined** cocktail dress (J.O.C. - 284).

My mother wore a **bright red dress** that night, I remember, and spike heels; her long **black hair** hung to her waist (J.O.C. - 286).

В своём сборнике эссе, посвящённом анализу культурных ассоциаций, связанных с основными цветами, Александр Торо анализирует символику красного цвета:

"Красный - самый смелый из всех цветов. Это цвет благотворительности и мученичества, ада, любви, юности, жара, хвастовства, греха и искупления. Это самый популярный цвет, особенно среди женщин. ...Общепризнано, что из всех существующих цветов красный - самый сильный и имеет самую большую притягательную силу. Он одновременно является позитивным, агрессивным и возбуждающим. Он сильный, простой, первичный. Красный был первым цветом, охваченным процессом номинации во всех древних языках - имя Адам, первый человек, означает, в соответствии с древне-еврейской традицией, и "живой", и "красный" - и является самым популярным цветом примитивного и классического искусства" (Theoux, 1994: 161). Тема эмиграции и связанного с ней этнического конфликта выражается на лексическом уровне обозначениями цвета кожи и связанными с ними культурными стереотипами:

"You Cuban?" the man had asked my father, pointing a finger at his name tag on the Navy uniform - even though my father had **the fair skin and light brown hair** of his northern Spanish family background and our name is as common in Puerto Rico as Johnson is in the U.S.

"No," my father had answered looking past the finger into his adversary's angry eyes, "I'm Puerto Rican."

"Same shit." And the door closed. My father could have passed as European, but we couldn't. My brother and I both have our mother's **black hair and olive skin**, and so we lived in El Building and visited our great - uncle and his **fair children** on the next block. It was their private joke that they were the German branch of the family. Not many years later that area too would be mainly Puerto Rican. It was as if the heart of the city map were being gradually colored in **brown - cafe-con-leche brown**. Our color (J.O.C. - 283).

Символика цвета в культуре имеет длинную историю. Приписывание

отрицательной коннотации цвету кожи включает в себя и описание коренных этносов Америки и Африки, данное Карлом Линнеем в его работе *System Naturae* (1758):

"Americanus: rufus, cholericus, rectus" (red, irascible, upright). "Afer: niger, phlegmaticus, laxus" (black, calm, lazy) (Цит. по: A. Theroux, 1994).

К "концептуально нагруженной" лексике в данном рассказе относится также варваризм "la mancha" - испанское слово, которое, учитывая фактор адресата, автор поясняет на английском языке:

She does not have a trace of what Puerto Ricans call "la mancha" (literally, the stain: the mark of the new immigrant - something about the posture, the voice, or the humble demeanor making it obvious to everyone that the person has just arrived on the mainland; has not yet acquired the polished look of the city dweller) (J.O.C. - 284).

Другие варваризмы рассказа обозначают ключевые понятия исходной пуэрто-риканской культуры. Это - "константы культуры" по терминологии Ю.С. Степанова:

La isla - остров Пуэрто-Рико;

Salsa - испанская мелодия;

La Bodega - название магазина, где продавались товары торговых марок, популярных среди испаноязычного населения.

Dia de Reyes - праздник дня Трёх Королей, в который дети, принадлежащие к латиноамериканской культуре, получают рождественские подарки.

Тема ассимиляции в чужую культуру передаётся в рассказе через вербализованные концепты повседневной культуры, например, праздники:

But he did his best to make our "assimilation" painless. I can still see him carrying a Christmas tree up several flights of stairs to our apartment, leaving a trail of aromatic pine. He carried it formally, as if it were a flag in a parade. We were the only ones in El Building that I knew of who got presents on both Christmas Day and on Dia de Reyes, the day when the Three Kings brought gifts to Christ and to Hispanic children.

Исходная и новая культуры существуют "бок о бок" в этом компромиссном варианте ассимиляции. Семья празднует рождество и по пуэрто-риканскому, и по американскому стилю. Стоящие рядом лексические единицы *Christmas Day* и *Dia de Reyes*, актуализирующие в читательском восприятии соответствующие концепты, представляют собой модель сосуществования двух культур, причём вторая, исходная, представлена в более слабом варианте - через варваризм *Dia de Reyes* и лаконичное пояснение этого праздника, что даёт понимание постепенного замещения исходных культурных концептов новыми.

Как и во многих произведениях, тема которых связана с взаимодействием двух различных культур, часть из них связана с процессом приготовления пищи и описанием культурно-специфических продуктов, которым отдают предпочтение эмигранты, живущие в чужой культуре:

Women seemed to cook rice and beans perpetually - the strong aroma of red kidney beans boiling permeated the hallways (J.O.C. - 284).

Goya and Libby's - those were the trademarks trusted by her Mama, and so my mother bought cans of Goya beans, soups and condiments....We would linger at La Bodega, for it was there that mother breathed best, taking in the familiar aromas of the foods she knew from Mama's kitchen, and it was also there that she got to speak to the other women of El Building without violating outright Father's dictates against fraternizing with our neighbors (J.O.C. - 284).

На лексическом уровне многочисленные ксенонимы-варваризмы передают уникальные явления исходной культуры: *pasteles*, *gandules*, *sofrito* - названия блюд национальной кухни:

Even the home movie cannot fill in the sensory details such a gathering left imprinted in a child's brain. The thick sweetness of women's perfume mixing with the ever - present smells of food cooking in the kitchen: meat and plantain *pasteles*, the ubiquitous rice dish made special with pigeon peas - *gandules* - and seasoned with the precious *sofrito* sent up from the island by somebody's mother or smuggled in by a recent traveller. *Sofrito* was one of the items that women hoarded, since it was hardly ever in stock at La Bodega. It was the flavor of Puerto Rico (J.O.C. - 286).

Как можно наблюдать в этом отрывке, идея родины и домашней кухни существует в неразрывном единстве.

Пищевой код материальной культуры является очень значимым её компонентом, о чём свидетельствует следующий эпизод, в котором взрослый мужчина плачет, почувствовав запах блюда, которое когда-то готовила его мать:

The men drank Palo Viejo rum and some of the younger ones got weepy. The first time I saw a grown man cry was at a New Year's Eve party. He had been reminded of his mother by the smells in the kitchen (J.O.C. - 286).

Описание традиционных праздников и праздничных ритуалов также передаётся через описания пищевого кода:

But what I remember most were the boiled *pasteles* - boiled plantain or yucca rectangles stuffed with corned beef or other meats, olives, and many other savory ingredients, all wrapped in banana leaves. Everyone had to fish one out with a fork. There was always a "trick" *pastel* - one without stuffing - and whoever got that one was the "New Year's Fool" (J.O.C. - 286).

В композиции рассказа присутствует описание культурных сценариев, отличных от американской культуры "основного потока". В них отражается социальная и, в частности, гендерная ситуация в исходной культуре - отношение к женщине, детям, а также описание обыденного поведения:

In the home movie the men are shown next, sitting around a card table set up in one corner of the living room, playing dominoes. The clack of the ivory pieces is a familiar sound. I heard it in many houses on the Island and in many apartments in Paterson. In "Leave It to Beaver", the Cleavers played bridge in every other episode; in my childhood, the men started every social occasion with a hotly debated round of dominoes: the women would sit around and watch, but they never participated in the games.

Here and there you can see a small child. Children were always brought to parties and, whenever they got sleepy, put to bed in the host's bedrooms.

Babysitting was a concept unrecognized by the Puerto - Rican women I knew: a responsible mother did not leave her children with any stranger. And in a culture where children are not considered intrusive, there is no need to leave the children at home. We went where our mother went (J.O.C. - 287).

Две антонимические ксенонимические лексические единицы вербализуют два контрастирующих концепта - два типа женщин, которых можно наблюдать в среде пуэрто-риканской диаспоры - *humilde u prima*.

Humilde - это скромная девушка, недавно прибывшая в Америку и придерживающаяся кода традиционного поведения и традиционного распределения гендерных ролей:

The young girl with the green stain on her wedding dress is *La Novia* - just from the Island. See, she lowers her eyes as she approaches the camera like she's supposed to. Decent girls never look you directly in the face. *Humilde*, humble, a girl should express humility in all her actions. She will make a good wife for your cousin. He should consider himself lucky to have met her only weeks after she arrived here. If he marries her quickly, she will make him a good Puerto Rican - style wife; but if he waits too long, she will be corrupted by the city, just like your cousin there (J.O.C. - 287).

Prima - это тип американизированной эмансипированной женщины, которая сменила код традиционной культуры на новую систему ценностей - на то, что выражается концептом "американский образ жизни":

"She means me. I do what I want. This is not some primitive island I live on. Do they expect me to wear a black *mantilla* on my head and go to mass every day? Not me. I'm an American woman and I will do as I please. I can type faster than anyone in my senior class at Central High, and I am going to be a secretary to a lawyer when I graduate. I can pass for an American girl anywhere - I've tried it - at least for Italian, anyway. I never speak Spanish in public. I hate these parties, but I wanted the dress. I look better than any of these *humildes* here. My life is going to be different. I have an American boyfriend. He is older and has a car. My parents don't know it, but I sneak out of the house late at night sometimes to be with him. If I marry him, even my name will be American. I hate rice and beans. It's what makes these women fat" (J.O.C. - 287).

Характер интертекстуальности в данном тексте также заслуживает внимания с точки зрения выражения им национально-культурного своеобразия. Интертекстуальные включения, с одной стороны, вводят данный текст в контекст мировой культуры и показывают универсальные свойства человеческого духа - тоску по ушедшим родственникам, духовную связь с предками, стремление узнать о своём прошлом:

"When Odysseus visits Hades asking to see the spirit of his mother, he makes an offering of sacrificial blood, but since all of the souls crave an audience with the living, he has to listen to many of them before he can ask questions. I, too, have to hear the dead and the forgotten speak in my dream. Those who are still part of my life remain silent, going around and around in their dance. The others keep pressing their faces forward to say things about the past" (J.O.C. - 288).

С другой стороны, интертекстуальность подчёркивает уникальность именно данной культуры, её цельность и завершённость, недоступность

для "чужих". В первую очередь, это достигается переключением кода - переходом на испанский язык:

"There was also the music. Long - playing albums were treated like precious china in these homes. Mexican recordings were popular, but the songs that brought tears to my mother's eyes were sung by the melancholic Daniel Santos, whose life as a drug addict was the stuff of legend. Felipe Rodriguez was a particular favorite of couples. He sang about faithless women and broken - hearted men. There is a snatch of a lyric that has stuck in my mind like a needle on a worn groove:

"De piedra ha de ser mi cama, de piedra la cabecera...la mujer que a mi me quiere...ha de quererme de veras. Ay, Ay, corazon, por que no amas...?" (J.O.C. - 286).

Комментарий, данный после этого интертекстуального включения, указывает на универсальность содержания песни, выражающей концепт "любовь", но своеобразии её проявления в культуре данного этноса зашифровано в самом интексте.

Денотативная ситуация, стоящая за текстом, - это процесс ассимиляции определённой группы эмигрантов в систему культурных ценностей принимающей страны - США.

Концепт целого текста, представляющий из себя совокупный смысл, образующийся в результате взаимодействия авторской суггестии и читательского восприятия, можно определить как конфликт культур в процессе ассимиляции и проблема роли культурных "корней" в процессе американизации.

В концовке текста в сжатой форме художественного образа "лицо" выражается мысль о том, что каждый человек действительно является пленником своей культуры, и что как бы сильно он не изменил себя, пытаясь приспособиться к новой ситуации, его корни "держат" и "питают" его, не давая превратиться в "среднего" американца:

"My father's uncle is last in line. He is dying of alcoholism, shrunken and shriveled like a monkey, his face is a mess of wrinkles and broken arteries. As he comes closer I realize that in his features I can see my whole family. If you were to stretch that rubbery flesh, you could find my father's face, and deep within *that* face - mine. I don't want to look into those eyes ringed in purple. In a few years he will retreat into silence, and take a long, long time to die. Move back, Tio, I tell him. I don't want to hear what you have to say. Give the dancers room to move, soon it will be midnight. Who is the New Year's Fool this time?" (J.O.C. - 282).

Культурные модели во многих случаях передаются через язык-посредник. В таких случаях на первый план выступает категория информативности художественного текста. Описание культурных сценариев выполняет функцию информирования адресата о картине мира, несовпадающей с его картиной мира. Введение в текст реалий, передаваемых неассимилированной лексикой, иногда сопровождается глоссарием, следующим за текстом. Например, в англоязычном произведении американского писателя африканского происхождения Чинуа Ачебе глоссарий выглядит следующим образом:

agadi-nwayi: old woman.

---

agbala: woman, also used of a man who has taken no title.

chi: personal god.

efulefi: worthless man...

Uri: part of the betrothal ceremony when the dowry is paid.

Рассмотрим ещё ряд примеров, показывающих, как различные текстовые уровни передают национально-культурную специфику текста. Материалом исследования в данном случае явились романы современных американских писательниц - "Корабельные новости" Э.Прулкс, "Шоколад на крутом кипятке" Л.Эсквивель и цикл рассказов "На прицеле" Э.Прулкс. Анализ показал, что выдвигание национально-культурной специфики и акцентирование определенных ключевых аспектов бытия осуществляется уже на уровне заголовка.

Рассмотрим для примера сильную позицию - заголовок сборника рассказов Э.Прулкс "На прицеле" (Close Range). Референционное значение этого выражения - "близкое расстояние"; оно обычно ассоциируется с дальностью, досягаемостью оружия; "fire at close range" - стрелять в упор. Коннотационный круг значений этого выражения вызывает целую цепочку ассоциаций с "диким" Западом, землей охотников и ковбоев, с одинокими обитателями ранчо, пытающимися справиться с неподатливой Природой.

При дальнейшем изучении материала в каждом из произведений выявлены топикальные лексические цепочки, имеющие семантическую связь с заголовком. В романе "Корабельные новости" (Shipping News) это группа слов: "ship", "boat", "yacht", "crab fish", "lobster", "sailor", "marine", "coil" и т.д., выдвигающая тему моря. В романе "Шоколад на крутом кипятке" - это кулинарные термины, так как роман рассказывает о судьбе женщины, большая часть жизни которой проходила в заботах по поддержанию домашнего очага и приготовлению пищи. Топикальная цепочка выглядит следующим образом: "Christmas rolls", "enchilados", "chili mulato", "choriso", "champandango", "quail in rose petal sauce".

Национально-культурная окраска присутствует также в символике имен собственных, например, Quoyle (coil - морской узел), Wavy (wave - волна).

Изучение культурно-информационного потенциала лексики является, несмотря на его важность, лишь ключом к пониманию национальной ментальности. Огромную роль в ее понимании играют ключевые предложения как художественного, так и информационного текстов, выражающие в синтаксической форме те или иные аспекты концепта произведения. Эти предложения являются квинтэссенцией смысла текста, а, следовательно, и национального духа и выражают определенные черты национальной ментальности, например:

(1) индивидуализм: When you live a long way out you make your own fun (A.P. - 250).

(2) стоицизм: There was some open space between what he knew and what he tried to believe, but nothing could be done about it, and if you can't fix it you've got to stand it (A.P. - 283).

(3) сила духа и терпеливость: The main thing in life was staying power. That was it: stand around long enough you'd get to sit down (A.P. - 146).

---

(4) экологическое мышление: It showed a difference of philosophies, the outsiders ignorant that the state's unwritten motto, take care a your own damn self, extended to fauna and livestock and to them (A.P. - 149).

Национально-культурный компонент просматривается и в самой структуре текста, в его "текстовой памяти" как диалог "параллельных текстов" - основного повествования и текстов справочника по морским узлам в первом романе и кулинарной книги - во втором. Эни Прулкс строит свой роман как диалог двух параллельных текстов - основного повествования и эпиграфов, связанных единой тематической отнесенностью. Почти все эпиграфы заимствованы Прулкс из реально существующего справочника по морским узлам. Тексты эпиграфов принадлежат к инструктивному стилю, подстилю научной прозы, и создают очень яркие стилистические эффекты. По мнению Бахтина, "чем резче выражена разница между степенью закодированности художественного текста и вводимых в него цитаций, тем ощутимее эффект взаимодействия кодов и порождения новых смыслов" (Бахтин, 1975, с.115).

Функция таких интекстов - с одной стороны, создание особого колорита жизни, связанной с морем, а с другой стороны, образование метафор и символов, выражающих в закодированном виде узлы человеческих судеб. По мнению Е.А.Стеценко, смысл романа состоит в том, что "именно на Ньюфаундленде, родине предков, Квойл находит свое место в жизни, любовь близких людей и обретает чувство собственного достоинства. Прулкс следует одной из главных черт национальной литературной традиции - убежденности в том, что настоящее и будущее должны опираться на фундамент прошлого, а история со всем ее добром и злом представляет собой бесконечную цепочку, соединяющую людские поколения. Причем эта связь осуществляется через отдельную личность и эволюцию ее сознания" (Стеценко, 2002, с.204). На композиционном уровне мы отмечаем многочисленные интертекстуальные вкрапления, которые несут на себе печать культурных традиций этноса, представленного в произведении Прулкс. Легенды Ньюфаунленда, старые поверья, обычаи, магические ритуалы переключаются с текстом основного повествования, раскрывая истоки национального характера жителей Ньюфаунленда.

Как известно, прецедентными могут быть не только литературные произведения, но и мифы, народные песни, сказки, молитвы. Включение народных песен очень характерно для разного рода текстов, как вербальных так и невербальных, ориентированных на отражение национального характера. По мнению К.Лохмеер, "песня находится в самом сердце каждой культуры. Разучите традиционные песни той или иной страны, - продолжает автор, - и Вы приобретёте тонкое родство с этой культурой и её душой" (Лохмеер, 1997). В романе Прулкс присутствует одна такая песенка, часто цитируемая. Это так называемая "Gandy Goose", рассказывающая, как корабль идет ко дну, но исполняется она в тот момент, когда один из персонажей строит новую лодку, подчеркивая таким образом философию оптимизма, веру в способность человека изменить свою судьбу.

11 рассказов сборника "На прицеле" объединены в цикл "Вайомингские рассказы". Они объединены общей тематикой - жизнь людей на даль-

---

нем Западе, схватка с Природой, борьба за существование.

Многие рассказы этого цикла уходят корнями в фольклорное прошлое этнических групп, занимающихся скотоводством, и имеют прецедентные тексты. "The Blood Bay" имеет в качестве прецедентного текста народную сказку "The Calf that Ate the Traveller"; рассказ "The Half-Skinned Deer" основан на старинной исландской народной сказке "Porgeir's Bull".

Основой некоторых рассказов служат реальные исторические публикации. Так, по словам автора - Эни Прулкс - анекдот, найденный ею в исторической публикации Хелены Томас Рэботтом "Красные стены и усадьбы" лег в основу рассказа "People in Hell Just Want a Drink of Water". Можно наблюдать, следуя теории М.М.Бахтина, "диалог" текстов и стилей в глобальном семиозисе, составляющий основу гуманитарного мышления.

По мнению Л.Д.Пшеницына (Пшеницын, 1998), художественный текст имеет национально-культурную окраску как целое, включая язык, образную систему и сюжетные особенности. Национально-культурный компонент языка находит свое выражение и в пафосе всего произведения. В "Корабельных новостях" - это обретение силы духа главным героем Квойлом и возможность возрождения при любых обстоятельствах.

На уровне содержательно-концептуальной информации мы наблюдаем развертывание идеи возрождения, возможность выхода из самой тупиковой ситуации - в этом смысле очень характерен эпизод, когда один из персонажей, упав за борт лодки в ледяную воду северного моря, вдруг возвращается к жизни на своих поминках.

Как отмечает И.Соловьев, "мышление парадоксами присуще народу, который ждет главного - от неглавного, красивого - от невзрачного, сильного - от немощного" (Соловьев, 1991, с.31). Такой взгляд на мир восходит к Новому Завету, в котором заложена мысль о том, что нищие духом, кроткие и скорбящие будут вознаграждены и утешены. Заключительный абзац романа, являясь сильной позицией, также выдвигает идею возрождения:

Quoyle experienced moments in all colors, uttered brilliancies, paid attention to the rich sound of waves counting stones, he laughed and wept, noticed sunsets, heard music in rain, said I do. A row of shining hubcaps in sticks appeared in the front yard of the Burkes' house. A wedding present from the bride's father.

For if Jack Buggit could escape from the pickle jar, if a bird with a broken neck could fly away, what else might be possible? Water may be older than light, diamonds crack in hot goat's blood, mountaintops give off cold fire, forests appear in mid-ocean, it may happen that a crab is caught with the shadow of a hand on it's back, that the wind be imprisoned in a bit of knotted string. And it may be that love sometimes occurs without pain or misery (A.P. - 337).

Вслед за Бахтиным в американских романах можно выделить хронотоп фермы или ранчо - своеобразный макрообраз, в рамках которого развиваются все сюжетные линии, функционируют образы персонажей и выстраивается концепт всего текста. На уровне концепта целого текста можно проследить интертекстуальные связи романа "Тысяча акров" с трагедий Шекспира "Король Лир". Те проблемы, которые находят отражение в трагедии

Шекспира, а именно - семейные взаимоотношения, вопрос "отцов и детей", гендерный вопрос, отношение к собственности, находят отражение также и в концепте farm.

Ферма в данном случае выступает в роли королевства, которое предстоит разделить. Есть в романе также и три дочери-наследницы: Ginny, Rose, Caroline. Глава семейства, который в начале полностью управляет фермой, постепенно отходит от дел, отдаляется от семьи, сходит с ума. Объединяет два произведения также и трагический конец. В трагедии Шекспира английское королевство остается без наследников, а в романе Смайли главные действующие лица после ряда трагических происшествий продают ферму и переезжают в город, в совершенно чужую для себя обстановку. Роман и трагедию объединяют не только единство сюжета, но и та глубина, с которой показан распад семьи. Это сходство между романом Джейн Смайли и трагедией Вильяма Шекспира отмечают также и американские критики:

"Absorbing... Examines with near- Shakespearean depth, the existential horrors that crawl out into the light when the rock of family solidarity is shattered" (Chicago Sun-Times).

"Superb... Smiley has concocted a rather exotic agenda for this book, which includes such diverse topics as family dysfunction... farming as it's practiced on big industrial farms in America today and, yes, King Lear" (San Francisco Chronicle).

Национально-культурная специфика текста может проявлять себя в его элементах, относящихся к другим семиотическим системам. В этой связи рассмотрим ряд понятий, относящихся к проблеме взаимодействия различных видов искусства. Анализу проблемы интермедиальности посвящена работа Н.В.Тишуниной (Тишушина, 2003). Этот термин был введен в научный дискурс немецким учёным Отто Хансенем, а теоретически обоснован отечественным философом И.Л.Ильиным. "Под этим многозначным термином имеются в виду не только собственно лингвистические средства выражения и мыслей и чувств, но и любые знаковые системы, в которых закодировано какое-либо сообщение. С семиотической точки зрения, все они являются равноправными средствами передачи информации... Все вместе эти языки образуют "большой язык" культуры любого конкретного исторического периода" (Ильин, 1998, с.8).

"Медиа", таким образом, определяется как каналы художественных коммуникаций между языками разных видов искусств. Н.В.Тишунина под интермедиальностью в узком смысле понимает особый тип внутритекстовых взаимосвязей в художественном произведении, основанный на взаимодействии языков разных видов искусств. В более широком смысле под интермедиальностью ею понимается создание целостного полихудожественного пространства в системе культуры (или создание художественного "метаязыка" культуры). Основываясь на этом факторе, автор проводит различие между "интертекстуальностью" и "интермедиальностью": "Поскольку интермедиальность предполагает организацию текста посредством взаимодействия различных видов искусств, то в данном случае в работу включа-

---

ются разные семиотические ряды. Поэтому в системе интермедиальных отношений, как правило, сначала осуществляется перевод одного художественного кода в другой, а затем происходит взаимодействие, но не на семиотическом, а на смысловом уровне" (Тишунина, 2003). В рамках интермедиальности, таким образом, взаимодействуют не сами языки искусства, поскольку искусством остаётся лишь одно - искусство слова, а смыслы этих языков. Характер интермедиальности также имеет национально-культурную специфику. Так, например, выше уже отмечалась особая роль музыкальной культуры для чёрного этноса Америки, через которую (в форме спиричуэлз, блюзов и, позднее, рэпа) этос народа, в отсутствие возможности для развития других видов искусства, выразил себя наиболее полно. Пример использования интермедиальности для передачи особого музыкального дара чёрных американцев можно найти в романе Е.Л.Докторроу "Рэгтайм". Роман описывает особенности жизни в США в самом начале XX столетия и в качестве эпиграфа к нему взяты слова известного негритянского композитора начала XX века Скотта Джоплина:

Do not play this piece fast.
It is never right to play *Ragtime* fast...
Scott Joplin

Передача музыкального воздействия вербальными средствами - собственно интермедиальность - присутствует в следующем описании:

"Wall Street Rag," he said. Composed by the great Scott Joplin. He began to play. Ill - tuned or not the Aeolian had never made such sounds. Small clear chords hung in the air like flowers. The melodies were like bouquets. There seemed to be no other possibilities for life that those delineated by the music...

Coalhouse Walker Jr. Turned back to the piano and said "The Maple Leaf." Composed by the great Scott Joplin. The most famous rag of all rang through the air. The pianist sat stiffly at the keyboard, his long dark hands with their pink nails seemingly with no effort producing the clusters of syncopating chords and the thumping octaves. This was a most robust composition, a vigorous music that roused the senses and never stood still a moment. The boy perceived it as light touching various places in space, accumulating in intricate patterns until the entire room was made to glow with its own being. The music filled the stairwell to the third floor... (E.L.D. - 184).

Ещё одним способом проявления способов объективации национально-культурного своеобразия на материале целого текста является феномен **креолизованного текста**, в структурировании которого наряду с вербальными применяются иконические средства (фотография, рисунок, карикатура и др.), а также средства других семиотических кодов (шрифт, цвет). Е.Е. Анисимова (Анисимова, 2003), автор работы по исследованию специфики подобных текстов, отмечает, что за последние годы значительно возрос интерес к невербальным средствам письменной коммуникации, информативная ёмкость и прагматический потенциал которых нередко выше, чем у вербальных средств. По её мнению, лингвистика текста всё в большей мере преобразуется в лингвистику семиотически осложнённого текста. В качестве примера креолизованного текста с национально-куль-

---

турной спецификой можно привести цикл эссе афро-американского публициста У.Дю Буа "Душа чёрного народа", который мы проанализировали достаточно подробно в 3-й главе. В этих произведениях совмещены два семиотических кода - вербальный и музыкальный, что создаёт синергетический эффект уникальности культуры чернокожих американцев.

Выводы

В заключение наших рассуждений о тексте и его национально-культурной специфике мы считаем возможным сделать следующие выводы: национально-культурная функция присутствует на всех уровнях художественного текста - от лексического до идейно-тематического или концептуального; сигналы национально-культурной отнесенности художественного текста выявляются при анализе лексико-семантического уровня текста, уровня текстовой структуры, композиции, а также уровня образности и концепта художественных произведений; анализ этнопсихологических особенностей текстов художественной коммуникации имеет важное значение для изучения других текстовых категорий и является важным аспектом теории межкультурной коммуникации.

Анализ текстов современной художественной литературы и информационных стилей свидетельствует о доминировании в них национально-культурной функции языка. Культурно значимые понятия акцентируются в текстах через ключевые слова, имеющие высокую частотность. Объем понятий культурно-релевантных ключевых слов варьируется и зависит от рецептивного аспекта. Он будет минимален для представителей иной культуры и может ограничиваться минимальным словарным значением; для представителей же исходной культуры объем понятия будет максимально широким вследствие актуализации всех возможных типов импликационала значения слова. Анализ текстов современной художественной литературы позволяет выявить концепты, составляющие основу картины мира того или иного этноса, а анализ информационных текстов позволяет подтвердить объективность сделанных выводов.

"Ключом" к пониманию инокультурного менталитета являются также концептуально значимые синтаксические ключевые предложения, находящиеся, как правило, в сильных позициях. На актуализацию смысла этих предложений "работают" все элементы структуры текста как в плане содержания, так и в плане выражения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Этос народа, его душа, национальный дух содержится в ключевых концептах национального языка. Ключевые концепты той или иной культуры составляют концептосферу национального языка. Ядерная зона таких концептов связана с окружающей природой, которая формирует образ жизни того или иного этноса, пищей, жилищем а также процессом труда и отношением к нему. Концепт зарождается в дискурсе, а проявляет свою устойчивость в текстах и других вербальных и невербальных формах национальной культуры. Ключевые концепты культуры объективируются также в рекуррентной лексике, культурно-специфических контекстах, в идейной направленности целостных текстов (характерный американский оптимизм и склонность к созданию мифов). Ключевые концепты культуры представлены рекуррентной лексикой современной и классической литературы, их значимость для концептосферы национального языка можно проверить их представленностью в фольклоре, а также невербальных видах национального искусства - живописи, вышивке, балете, музыке. "Неуловимая" материя национального своеобразия объективируется в данных концептах, которые являются ключом к разгадке некоей тайны, содержащейся в каждом языке. "Национальный язык - важнейший этногенный фактор, только через овладение им возможно приобщение к этническому самосознанию" (Корнилов, 2003: 325).

Ключевые концепты американской культуры можно разделить на две большие группы: ключевые концепты культуры "основного потока" и средства выражения феномена мультикультурализма американского общества, которые мы называем способами выражения национальной идентификации, а именно: цветовые этноэидемы, термины пищи, культурные сценарии (модели поведения), интермедиальность (или креализованные тексты), семантические и морфологические преобразования английского языка для выражения национальной специфики.

Национально-культурное своеобразие мы считаем полистатусной категорией, имеющей свои средства выражения как в языке, так и в тексте. В языке к таким средствам относятся культурно-специфическая лексика и преобладание определённых грамматических структур. В тексте идеальным содержанием данной категории является национальный этос, а система средств её реализации распределяется по текстовым уровням - на лексическом уровне - это этноконнотированные ключевые слова, имена собственные с национально-культурной символикой, этноэидемы, слова, обозначающие специфические элементы внутренней культуры. На уровне композиции - это наличие сентенциональных предложений определённого типа, выражающих в сжатом виде моральные установки текста и, следовательно, той культуры, которую он представляет. На уровне сюжетных особенностей - это может быть наличие излюбленных сюжетных ходов, например, традиционного "happу end" для американской литературы. Как показало наше исследование, элементы структуры текста - заголовки, эпиграфы, интертекстуальные и интермедиальные включения - также часто являются средством передачи национально-культурной информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева Г.М. Социальная психология. - М., 1996.
2. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). - М., 2003. - 128 с.
3. Арнольд И.В. Идентичность петербуржцев// Учёные записки. ЛГОУ Том IX. Вопросы германской и романской филологии. - Вып.2. - СПб., 2003.
4. Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. - М., 1989.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М., 1999
6. Архипов И.К. Человеческий фактор в языке: Учебно-методическое пособие. - СПб., 2001.
7. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. - М., 1997. - 320 с.
8. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. - М., 2003
9. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж, 1996. - 104с.
10. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975.
11. Белик А.А. Культурология. Антропологические теории культур. - М., 2000.
12. Беликов В.И. Самосознание, identity и этнические конфликты// Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции (Москва, 13 - 15 декабря 1995). - М., 1995. - 172 с.
13. Белянин В.П. Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе. - М., 2000. - 247 с.
14. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США// Антология исследований культуры. Т. I. Интерпретация культуры. -СПб., 1997. С.271 - 284.
15. Бердяев Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. - М., 1918. Репринт, 1990.
16. Биллоус А. Философия еды. - С.-Петербург, 1895.
17. Боас Ф. Ум первобытного человека. - М - Л., 1926. - 154 с.
18. Бодрийяр Ж. Америка. - СПб., 2000.
19. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. - М., 1998. - С. 385.
20. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М., 1983.
21. Будагов Р.А. Язык - реальность - язык. - М., 1983.
22. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Категория// Энциклопедический лингвистический словарь. - М., 1990.
23. Быкова О.И. Этноконнотированные "ключевые слова столетия" как отражение специфики немецкого национального сознания // Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. - Воронеж, 2001.
24. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. - М., 2001. - 501с.
25. Васильева Г.М. Национально - культурная специфика семантичес-

---

ких неологизмов: лингвокультурологические основы описания. - СПб., 2001. - 211 с.

26. Васильева Г.М. Лингвокультурологические аспекты русской неологии. Автореф. дис.... д-ра филол. наук. - СПб, 2001. 38 с.

27. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. - М., 1972.

28. Вежбицкая А. Культурно - обусловленные сценарии и их когнитивный статус// Язык и структура знания. - М., 1990.

29. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. - М., 2001 а. - 288 с.

30. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - М., 1999.

31. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. - М., 2001. - 272 с.

32. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996.

33. Витгенштейн Л. Философские работы. - М., 1994. - 520 с.

34. Волошинов В.Н. (М.М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. - М., 1993.

35. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). - М., 1997

36. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. - М., 1988.

37. Гачев Г.Д. Национальные образы мира в литературе: Америка. - М., 1998. - 429 с.

38. Гачев Г.Д. О национальной картине мира// Народы Азии и Африки. - 1967 № 1.

39. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию. - М., 2001.

40. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. - М., 2002. - 317 с.

41. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - СПб., 2002. - 638 с.

42. Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. - М., 1993.

43. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа "Анналов". - М., 1993.

44. Гуревич А.Я. Человек и культура: индивидуальность в истории культуры. - М., 1990.

45. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.

46. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода //Вопросы языкознания. - 1994. - № 4.

47. Дмитриева Л.М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.-253 с.

48. Елизарова Г.В. Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях). - СПб., 2002. - 140 с.

49. Заборский К.С. Об одном аспекте проблематики культурных концептов//Учёные записки. ЛГОУ. Том IX. Вопросы германской и романской филологии. - Вып.2. - СПб., 2003.

50. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М., 2000. - 382 с.

51. Иванова С.Ю. Этническая культура и культура этноса// Этнонациональная ментальность в художественной литературе. - Ставрополь, 1999. - 260 с.

-
52. Ильин И.А. Родина. Русская философия. Православная культура. - М., 1992. - 158 с.
  53. Ильин И.П. Некоторые концепции искусства постмодернизма в современных зарубежных исследованиях. - М., 1998.
  54. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. - СПб., 1998.
  55. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. - М., 1987.
  56. Кармин А.С. Введение в культурологию. - М., 1997.
  57. Карпов В.А. Язык как система. - Минск, 1992.
  58. Касевич В.Б. Языковые и текстовые знания// Вопросы языкознания. - 1990. - № 6. - С. 98 - 101.
  59. Касьянов В.В. Социология. - Ростов-на-Дону, 2002.
  60. Кириллова Н.Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. - Ч. I. - СПб., 2003. - 319 с.
  61. Когнитивные аспекты языка. Новое в зарубежной лингвистике. - Вып.23. - М., 1988.
  62. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... - СПб., 1999. - 368 с.
  63. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове// Человек в зеркале наук. - М., 1991.
  64. Кон И.С. К проблеме национального характера// История и психология. - М., 1971. - С. 122 - 158.
  65. Концепция "американской исключительности": идеология, политика, культура. - М., 1993.
  66. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М., 2003. - 349 с.
  67. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. - М., 1994.
  68. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. - М., 1972.
  69. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? - М., 2003. - 375 с.
  70. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство языка. К постановке проблемы// Изв. АН. Серия лит. и яз. - Т. 56. 1997. - № 3
  71. Кубрякова Е.С., Демьянко В.З. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1997. - 245с.
  72. Лазари А. де. Польские исследования об идеях в России // Философский век: Альманах. - Вып. 17. История идей как методология гуманитарных исследований. - Ч. I. - СПб., 2001.
  73. Леви-Стросс К. Мифологии: В 4 томах. Т. 1. Сырое и приготовленное. - М., СПб., 1999.
  74. Леви-Стросс К. Мифологии: В 4 томах. Т. 2. От меда к пеплу. - М., СПб., 2000.
  75. Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. - Материалы международной научной конференции. - Екатеринбург, 1995.
  76. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - М., 1969. - 214 с.
  77. Лингвистический энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М., 1990.
  78. Линде Г. и Кноблокс Х. Приятного аппетита. - М., 1971.

-
79. Лихачёв Д. С. Заметки о русском//Избранные работы: В 3 т. - Т. 2.-Л., 1987.
80. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. - М., 1997. - 320 с.
81. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. - М., 1991.
82. Лотман Ю.М. Семиясфера. - СПб., 2000.
83. Лурье С.В. Историческая этнология. - М., 1998.
84. Мальцев Т. Хлеб - всему голова// Максимов С. Куль хлеба и его происхождения: Предисловие. - М., 1996.
85. Маслоу А.С. Психология бытия. - М., 1997.
86. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. - СПб., 1999.
87. Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: Автореф. дис.... канд.филол. наук. - М., 1982. - 23 с.
88. Маслова В.А. Лингвокультурология. - М., 2001.
89. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. - М., 1987.
90. Мацевич С.Ф. О работе с параллельными текстами при усвоении темы, содержащей национально - культурный компонент// Текст как объект изучения и обучения: Межвузовский сборник научных трудов. - Псков, 1999. - 206 с.
91. Менегетти А. Мудрец и искусство жизни. - М.,2002. - 72 с.
92. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения. - М., 1988. - 429 с.
93. Минский М. Фреймы для представления знаний. - М., 1979. - 151 с.
94. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Язык как проводник и носитель знания// Русский язык за рубежом. - 1997. № 1 - 2. С. 44 - 53.
95. Национально - культурная специфика речевого поведения. - М., 1977
96. Национальный эрос и культура: В 2 т. - М., 2002.
97. Неретина С.С. Абельяри и Петрарка: пути самосознания личности (текстологический анализ)// Вопросы философии. - 1992. - №3. С. 77 - 89
98. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. -Владимир, 1974. - 250 с.
99. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. - СПб., 2003. - 277 с.
- 100.Оганов А.А., Хангельдиева И.Г. Теория культуры. - М., 2001. - 384 с.
- 101.Падучева Е.В. Вступительная статья к книге: А.Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. - С. 6.
- 102.Панкрац Ю.Г. Пропозициональная форма представления знаний// Язык и структуры представления знаний. - М., 1992.
- 103.Панченко А.М. Вступительная статья к книге: Гумилёв Л.Н.. От Руси до России. М., 1997. С 19
- 104.Пименов Е.А. Этногерменевтическая интерпретация политического текста (квантитативные и качественные параметры)// Этногерменевтика: грамматические и семантические проблемы. - Кемерово, 1998. - С. 6 - 11. (Серия "Этногерменевтика и этнориторика"; Вып.1)
- 105.Пинкер С. Языковой инстинкт// Логос.- 1999. - № 8.

-
106. Полевые структуры в системе языка. - Воронеж, 1989.
107. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. - Воронеж, 2003.
108. Поставалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. - 216 с.
109. Поставалова В.И. Язык как деятельность: опыт интерпретации концепции В.Гумбольдта. - М., 1982.
110. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / Вопросы языкознания. 1990. № 6.
111. Признаковое пространство культуры: Сб. статей Рос. Акад. Наук, Ин-т славяноведения. - М., 2002. - 431 с.
112. Пшеницын С.Л. Языковая вариативность, языковая политика и особенности национальной культуры // *Studia Linguistica* - 2. Язык и общество. Лингвистика текста и лингвостилистика - СПб., 1996
113. Пшеницын С.Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // *Studia Linguistica* - 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода. - СПб., 1998. - С.185 - 200.
114. Размышления Ивана Соловьева об Эросе // Человек. - 1991. - № 1. - С.25-37.
115. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. - М., 1988.
116. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. - Воронеж, 2002. - 78 с.
117. Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. - М., 2000. - 304 с.
118. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации. - Киев, 2002. - 336 с.
119. Селиванова Е.А. Мотивационные процессы в концептосфере русского языка // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня - 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. - СПб., 2003. - 355с.
120. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. - М., 1993.
121. Сорокин Ю.А. Общение. Текст. Высказывание. - М., 1989.
122. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Текст и его национально - культурная специфика // Текст и перевод. - М., 1988. - С. 76 - 84.
123. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю., Крюков и др. Этнопсихолнгвистика. - М., 1988. - 190 с.
124. Сорокин Ю.А., Шаховский В.И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы. - Волгоград, 1998.
125. Соссюр Ф. Труды по языкознанию. - М., 1977.
126. Степанов Ю.С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века. - М., 1995.
127. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. - М., 2001.
128. Стеценко Е.А. Экологическое сознание в современной американской литературе. - М., 2002. - 320 с.
129. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. - М., 2003. - 368 с.
131. Телия В.Н. Основные постулаты лингвокультурологии // Филология

и культура: Материалы 2-ой Международной конференции 12 - 14 мая 1999 г.: В 3 ч. - Ч.3. - Тамбов, 1999.

132.Телия В.Н. Концептообразующая флуктуация константы культуры "родная земля" в наименовании родина // Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Ю.С. Степанова. - М., 2001. - 600 с.

133.Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. - М., 1996. - 284 с.

134.Тер-Минасова С.Г., Язык и межкультурная коммуникация. - М., 2000.

135.Титкова О.И. Время, актуальность, мода: проблемы вербальной концептуализации (на материале немецкого языка) // Филологические науки. - 2001. - №4. - С. 52-60.

136.Титкова О.И. О перспективах лингвистического исследования рекуррентных единиц лексикона // Филологические науки. - 2003. - №2. - С. 79-87.

137.Тишунина Н.В. Взаимодействие искусств в литературном произведении как проблема сравнительного литературоведения // Филологические науки. - 2003. - №1. - С. 19-27.

138.Токвиль Алексис, де. Демократия в Америке. - М., 1992. - 559 с.

139.Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. - М., 1995. - 508 с.

140.Толстой Н.И. Избранные труды: В 3 т. - М., 1998.

141.Топоров В.Н. Пространство и текст// Текст: семантика и структура. - М., 1983.

142.Тоффлер О. Америку ждёт раскол или единство с азиатским оттенком // Независимая газета. - 1994. - 7 июня. - С.5.

143.Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания. - Париж, 1927.

144.Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика). -М., 1986. - 127 с.

145.Успенский Б.А. Миф - имя - культура// Избранные труды. - Т.1. - М., 1996.

146.Уфимцева Н.В. Ассоциативный тезаурус русского языка и русское сознание // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Т. 1. - Воронеж, 2000.

147.Уфимцева Н.В. Структура языкового сознания русских // Этническое и языковое самосознание. - М., 1995. - 178 с.

148.Уфимцева Н.В. Этнокультурная специфика языкового сознания. - М., 1996.

149.Филимонова О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты. - СПб., 2001. - 259 с.

150.Филлипов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. - СПб., 2003. - 336 с.

151.Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. - Л., 1936.

152.Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. - М., 2001. - 315 с.

153.Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. - М., 1993.

154.Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. - М., 1921.

155.Хаксли О. Двери восприятия. - СПб., 1999.

156.Харитончик З.А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний. Сб. научно-аналити-

-
- ческих обзоров. - М., 1992. С. 98 - 121.
157. Хомский Н. Язык и мышление. - М., 1972.
158. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. - СПб., 2002. - 220 с.
159. Хоц А.Ю. Место этнической ментальности в структуре ментальности современного человека// Этнонациональная ментальность в художественной литературе: Материалы Всероссийской научной конференции (Ставрополь, 22 - 24 сентября 1999 г.) - 260 с.
160. Цветкова М.Н. Концепт "ENGLISHNESS": основные константы// Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Т. 2. - Воронеж, 2000. - С. 87 - 93.
161. Человек как субъект культуры. М., 2002. - 445 с.
162. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. - М., 1991. - 240 с.
163. Черемисина Н.В. Языковые картины мира: типология, формирование, взаимодействие // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. - Екатеринбург, 1995. С. 141-158.
164. Швейцер А.Д. Литературный язык в США и Англии. - М., 2003. - 200 с.
165. Шейман Л.А., Варич Н.М. О "национальных картинах мира" и об их значении для курса русской литературы в нерусских школах // Вопросы преподавания русского языка и литературы в киргизской школе. - Вып. 6. - Москва, 1976.
166. Шишигина О.Ю. Этногерменевтические особенности языкового видения пространства // Этногерменевтика. Грамматические и семантические проблемы. Сер. "Этногерменевтика и этнориторика". - Вып. 1. - Кемерово, 1998.
167. Шмелёв А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. - М., 2002. - 224 с.
168. Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Ю.С. Степанова. - М., 2001.
169. Язык и этнический менталитет. Сб. науч. трудов. - Петрозаводск, 1995.
170. Язык и структуры представления знаний. - М., 1992.
171. Язык о языке: [Сб. статей] / Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М., 2000. - 624 с.
172. Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тез. докл. к регион. научн.-практ. конф., посв. памяти проф. И.А. Воробьевой. - Барнаул, 1999.
173. Языковое сознание: Стереотипы и творчество. - М., 1988.
174. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, время и восприятия). - М., 1994.
175. Albert E. M. Conflict and Change in American Values: A Cultural-Historical Approach// The Character of Americans. Homewood, Ill., 1970.
176. Barthes R. S/Z. Paris. 1970.
177. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976.
178. Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword: Patterns of Japanese Culture. Boston, 1946.
179. Bonvillain N. Language, Culture and Communication: The Meaning of

-
- Messages. Upper Saddle River (NJ), 1997. 374 p.
180. Brogan D. W. *The American Character*. L., 1944.
181. Brooks V. W. *From a Writer's Notebook*. N.Y., 1958.
182. Du Bois C. *The Dominant Value Profile of American Culture// The American Anthropologist* 57 (1955).
183. Ellis B. E. *American Psycho*. N.Y., 1991.
184. Erikson E. H. *Childhood and Society*. Penguin Books, 1967.
185. Gabriel R.H. *American Values: Continuity and Change*, ed. Robert H. Walker. Westport, Conn., 1974.
186. Gleason P. *American identity and Americanization*. *Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups*, ed. Stephan Thernstrom. Cambridge, Mass., 1980.
187. *History and American Society: Essays of David M. Potter*. New York, 1973.
188. Hymes D. *The ethnography of speaking// Anthropology and human behaviour/ T.Gladwin & W.C. Stuertevant (Hrsg.) Washington, D.C., 1962, P. 13 - 53.*
189. Jacobson R. *Linguistics and poetics. Style in Language*. New York - London, 1960.
190. Kammen M. *People of Paradox*, Cambridge, Mass., 1972.
191. Kao Eric. *What does being Chinese - American mean to me?* <http://www.itp.berkeley.edu/~ekao/beingca.html>
192. Kroeber A.L., Kluckhorn C. *Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge (MA), 1952.
193. *Making America. The Society and the Culture of the United States*. Edited by Luther S. Luedtke. United States Information Agency. Washington, D.C., 1987.
194. McGiffert M. *Selected Writings on American National Character*. *American Quarterly* 15 (Summer 1963).
195. Mencken H.L. *The American language*. L., 1963.
196. Mead M. *And Keep Your Powder Dry: An Anthropologist Looks at America*. N - Y., 1943.
197. Nietzsche F. *Zur Genealogie der Moral*. Leipzig, 1887.
198. North W. *Handbook of semiotics*. Bloomington, 1985.
199. Pierson George W. *The M - Factor in American History*. *American Quarterly* 14 (Summer 1962).
200. Samovar L.A., Porter R. *Intercultural Communication*. London - New York, 1997. - 467 p.
201. Santayana G. *Character and Opinion in the United States*. New York, 1962.
202. Sapir E. *Language// Encyclopedia of the Social Sciences/ Vol.IX. 1933.*
203. Slobin D. *From "thought" and "language" to "thinking and speaking"// Rethinking Linguistic Relativity/ Ed. By J.J. Gumpers, S.C. Levinson. Cambridge University Press, 1996. P. 70 - 96.*
204. St. John J. Hector (Michel-Guillaume de Crèvecoeur). *Letters from an American Farmer*. L., 1982.
205. Smith H. Nash. *Virgin Land: The American West as Symbol and Myth*. Cambridge, Mass., 1950.
206. Theroux A. *The primary colors*. New York, 1994.

-
207. Tocqueville A. de. Democracy in America, 4 vols. L., 1835- 1840.
208. Wierzbicka A. Lexicon as a key to history, culture and society // Dirven and Vanparys. Current approaches to the lexicon. Frankfurt am Main.
209. Williams Robin M. Changing Value Orientations and Beliefs on the American Scene // The Character of Americans. Homewood, Ill., 1970.

СЛОВАРИ

207. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. - М., 2000.
208. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н.Ярцевой. - Москва, 1996.
209. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. - М., 1987-1988.
210. Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. - М., 2001 (ЭСРЦ).
211. Философский энциклопедический словарь. - М., 1997.
212. Robert Andrews. The New Penguin Dictionary of Modern Quotations. Penguin Books, 2001.
213. J.M. and M.J. Cohen. The Penguin Dictionary of Quotations. Penguin Books, 1972.
214. DICTIONARY of AMERICAN PROVERBS. N.Y, 1955.
215. FUNK AND WAGNALLS STANDARD DICTIONARY OF FOLKLORE, MYTHOLOGY, AND LEGEND. N.Y., 1972.
216. LONGMAN DICTIONARY OF ENGLISH LANGUAGE AND CULTURE. Longman Group UK, 1992.
217. THE OXFORD DICTIONARY OF ENGLISH ETYMOLOGY edited by C.T. Onions. Oxford at the Clarendon Press, 1966 (ODEE).
218. THE RANDOM HOUSE DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE. The Unabridged Edition. Random House/ New York, 1971. - (RHDEL)
219. THE SHORTER OXFORD ENGLISH DICTIONARY ON HISTORICAL PRINCIPLES. Revised and Edited by C.T. Onions. Clarendon Press. Oxford, 1973. - (SODHP)
220. Julius Laffal. A Concept Dictionary of English. Gallery Hress and Halsted Press. New York, 1973. - (CDE)
221. WEBSTER'S INTERNATIONAL DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE. Springfield, Mass., 1894 (WIDEL).
222. Richard A. Spears. Essential American Idioms. Lincolnwood, 1999.
223. WEBSTER'S NEW WORLD DICTIONARY OF THE AMERICAN LANGUAGE. Second College Edition. The World Publishing Company, 1974 (WNWDAL).
224. THE HERITAGE ILLUSTRATED DICTIONARY OF THE ENGLISH LANGUAGE.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Барнс Дж. Метроленд. М., 2001. - (Дж.Б).
- В. Пелевин. Омон Ра. М., 2001- (В.П.).
- Ginsberg A. A Supermarket in California//The Faber Book of America. Faber and Faber. London - Boston 1992. - (A.G.).
- Leopold A. A Sand County Almanac. Balantine Books, 1990. - (A.L.).
- Proulx A. E., Close Range. N.Y., 1999. - (A.P.).
- Proulx A.E. The Shipping News. Scribner, 1994 - (A.P.2).
- Proulx A.E. Accordion Crimes. Fourth Estate. London, 1997. - (A.P.3).
- Du Bois W.E.B. The Souls of Black Folk. Boston/New York. 1997. - (W. D.B.).
- Tan Amy. The Joy Luck Club// Ford M. Coming from Home: Readings for Writers. N.Y., McGraw - Hill, Inc., 1993. - (A.T.).
- Mitchell M. Gone with the Wind. Scribner, 1936. - (M.M.).
- Walker A. The Color Purple. N.Y., Pocket Books, 1982. - (A.W.).
- Bryson B. Notes from a Small Island, London, 1995. - (B.B.).
- Achebe C. Things Fall Apart. London, Heinemann, 1996. - (C.A.).
- Doctorow E.L.. Ragtime. Bantam Books, 1976. - (E.L.D.).
- Esquivel L. Like Water for Chocolate. N.Y., Doubleday, 1992. - (L.E.).
- Lee L-Y. Persimmons. The Norton Anthology of American Literature. Fifth Edition. Volume 2. W.W. Norton & Company. New York. London. 1998. - (L-Y.L).
- Moore L. Like Life: stories. N.Y. A Ploom Book, 1991. - (L.M.).
- Moore L. Birds of America. Picador USA, New York, 1998. - (L.M.2).
- Waller R.J. The Bridges of Madison County. N.Y., Warner Books, 1992. - (R.W.).
- Ross W. President Bush Hosts Russia's President Putin at His Texas Ranch. www.whitehouse.gov - (W.R.).
- www.washingtonpost.com
- Cather W. My Antonia. Houghton Mifflin Company, Boston, 1954. - (W.C.).
- Smiley J. A Thousand Acres. Fawcett Columbine, New York, 1991. - (J.S.).
- Cofer J.O. Silent Dancing// Ford M. Coming from Home: Readings for Writers. N.Y., McGraw - Hill, Inc., 1993. - (J.O.C.).
- Whitney O. How to Make an American Quilt. Villard Books. N.Y. 1994. - (W.O.).
- Smith M.C. Red Square, Ballantine Books, New York, 1993. - (M.C.S.).
- Rereading America. Cultural Contexts for Critical Thinking and Writing. Fourth edition. Bedford Books; Boston; 1998. - (R.A.).
- Bradbury Ray. The Martian Chronicles. Bantam Books. New York, 1962. - (R.B.).
- Chaves D. Face of an Angel. New York: Farrar, Strauss and Girouk, 1994.

Научное издание

Бочегова Наталья Николаевна

ЭТНОС. КУЛЬТУРА. ЯЗЫК

Монография

Редактор Н.А.Леготина

Подписано к печати	Бумага тип. № 1	Формат бумаги 60 x 84 / 16
Усл. печ. л. 15,8	Уч.изд. л. 15,8	
Заказ _____	Тираж 500	Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета.
640699, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет, ризограф.